

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ НОС

ОЛЕГ
ЗОБЕРН

ОЛЕГ
ЗОБЕРН

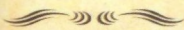
АВТОБИОГРАФИЯ
ИИСУСА

АВТОБИОГРАФИЯ
ИИСУСА

РОМАН

РОМАН

«Упоительно! Исторический роман погорячее Дэна Брауна».

Сергей НИКОЛАЕВИЧ, главный редактор, «СНОБ»

ΑΙΝΩΝΕΝΘΑ
ΝΥΝΟΣΑΤΣΑ
ΦΑΣ

ΒΕΘΑΒΑΡΑ
ΤΟΥΧΑΓΙΟΥΑΜΝΟΥ
ΤΟΒΑ ΤΤΙΣΜΑ
ΤΟΣ

ΑΛΩΝΑΤΑΘΗΝ
ΒΗΘΑΓΛΑ

ΓΑΛΓΑΛΑΤΟΚΑΙ
ΔΩΔΕΚΑΛΙΘΟΝ

ΑΙΣΤΟΤΑΓΙΣ
ΕΚΑΚΙΟΥ

ΤΕΡΙΧΩ

ΑΙ
ΤΣ
ΩΝΟΑΙΝ
ΗΚΙΩΤΟΣ

ΓΑ
ΡΙΖΙΚΗ

ΕΦΡΩΝΗΦΡΑΙΑ
ΑΙΛΑΜΩΜΩΝΕΝ
ΕΝΟΑΗΑΘΕΝΟΚΣΑΕΣΤΗΣΕ
ΑΗΝΗΧΙΤΟΝΑΥΗΤΝΕΜΗ

ΠΑΙΟΦΙΣΜΟΠΗΙΟ

ΝΑΡΙΑΤΟΙΣΚΕ

С В Е Р Х Ч Е Л О В Е К

ОЛЕГ
ЗОБЕРН

АВТОБИОГРАФИЯ
ИИСУСА

РОМАН

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-78

Зоберн, Олег.

3-78 Автобиография Иисуса / Олег Зоберн. – Москва : Издательство «Э», 2018. – 512 с. – (Сверхчеловек).

ISBN 978-5-04-091124-0

Впервые в мире публикуется автобиография Иисуса. Его исповедь. Она проливает свет на события, которые случились в Палестине две тысячи лет назад и легли в основу Евангелия – наиболее читаемой книги в истории человечества. Учитель сам, ничего не скрывая, рассказывает о себе.

Олег Зоберн – писатель, лауреат литературных премий «НОС» и «Дебюг».

«Упоительно! Исторический роман погорячее Дэна Брауна».

Сергей НИКОЛАЕВИЧ, главный редактор журнала «СНЮБ»

«Наконец-то на русском языке написан универсальный роман, проникнутый духом истинной религиозности. Удивительно точный, кинематографичный портрет Иисуса. Христианство XXI века должно быть именно таким».

Дмитрий ВОЛЧЕК, главный редактор сайта «Радио Свобода»

«Неожиданно, смело, оригинально и возмутительно талантливо».

Роман СЕНЧИН, лауреат премии «Ясная Поляна»

«Кем был Иисус? Этот вопрос тревожил всех, кто пытался Его изобразить, – от евангелистов до художников европейского Ренессанса, от Ренана до Ге, от Булгакова до Скорсезе. Странно было бы, если б этот поиск на чем-то остановился. Олег Зоберн продолжает его».

Николай БАЙТОВ, лауреат премии Андрея Белого

«Потрясающе! Кажется, у нас появился свой Салман Рушди».

Александр МИХАЙЛОВ, кандидат филологических наук, доцент
Литературного института им. Горького

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Предисловие

Эта книга написана две тысячи лет назад человеком по имени Иисус Нацеретянин. К нам в редакцию попала красная картонная папка, в которой находилась рукопись, созданная на греческом языке с вкраплениями латыни, иврита и арамейского письма. Она представляла собой хорошо сохранившиеся листы папируса.

Вместе с древним текстом-исповедью в папке лежали документы гражданина Российской Федерации (в том числе удостоверение к медали «За освобождение Пальмиры»), газетные вырезки, две фотографии и гербовое свидетельство о смерти, выданное отделом Записи актов гражданского состояния района Кузьминки города Москвы.

Судя по этим материалам, человек, нашедший рукопись, служил в российской армии, находился в Сирии во время недавней военной кампании и где-то в Дамаске, внутри стены дома, треснувшей от взрыва снаряда, обнаружил медный сосуд с папирусами. После возвращения домой этот человек работал в Московской службе спасения и погиб во время тушения пожара, что подтверждает некролог, вырезанный из газеты «Спасатель».

Приносим благодарность сотрудникам Института библеистики РАН, которые перевели текст

ПРЕДИСЛОВИЕ

на русский язык. Рукопись передана на спецхранение. С помощью лабораторных исследований подтверждено, что время ее создания совпадает с датой, указанной автором.

Мы не можем назвать имя первооткрывателя рукописи, так как списки участников тех боевых действий засекречены. Что касается фотографий, то на одной ему семь лет и он держит игрушечный автомат, а на другой — улыбающийся мужчина в камуфляже и каске запечатлен с медным сосудом в руках на фоне залитых солнцем белых полуразрушенных зданий.

ГЛАВА 1

Храм

Я родился на кладбище недалеко от Бейт-Лехема. Мать с отцом шли туда из Нацерета, чтобы принять участие в переписи населения, которую устроил правитель Сирии Квириний. Они не смогли найти место на постоялом дворе, и я появился на свет в пещере возле гробницы Рахили, младшей жены патриарха Иакова. Моя мать была здоровой и сильной женщиной и уже на следующий день смогла покинуть пещеру, чтобы добраться до Бейт-Лехема, где в городском управлении нас внесли в список жителей римской провинции и на белом нильском папирусе было начертано мое имя — Йесус, сын Иосифа.

Говорят, в те дни между планетами Шабтай и Маадим в созвездии Змееносца появилась новая блуждающая звезда необыкновенного блеска, которая бледнела по мере того, как я все с большим аппетитом сосал материнское молоко. Шел сорок второй год правления Августа.

Родители вернулись в Нацерет, и тринадцать лет со мной не происходило ничего особенного. Я помогал пасти коз и учился грамоте и философии у старого элина Никандроса.

Впервые я увидел Иерусалим на праздник Песах. Я пришел туда с родителями. Мой отец Иосиф был уже очень стар, хотя продолжал работать плотником. Мы с матерью шли, а он ехал

на молодом осле, который часто останавливался и кричал, задрав морду, будто желая поведать миру о чем-то важном. Отец злился и бил его пятками по бокам, а паломники обходили нас с обеих сторон. Иосиф был не в духе: накануне он вернулся из Сепфориса, где вместе с другими мастерами делал кресты для казни мятежников, и руководивший работами центурион заплатил ему меньше, чем обещал.

В тот раз я плохо запомнил Иерусалим, но Храм поразил меня. Издали он похож на снеговую гору с золотой вершиной, потому что построен из белых камней, а крыша покрыта чистым золотом. Паломники останавливают на холме своих лошадей, ослов и верблюдов, повозки и несущих паланкины рабов и заворуженно смотрят на Храм, окруженный высокими стенами. Огромный и при этом невесомый, он будто парит над городом на фоне далеких голых вершин.

На территории Храма непрерывно, год за годом, идет работа: одни служители везут к печам дрова, другие несут сосуды с маслом, третьи — крупитчатую муку и ароматные смеси в горшках. На огромном медном жертвеннике горит мясо, курится фимиам, плывут волны синего дыма. Соферимы и фарисеи, сидя под мраморными колоннами галереи, спорят с саддукеями, совершенствуясь в точнейшем толковании Закона.

Какие-то паломники спят на циновках в укромных углах, кто-то несет тушу бычка, а левиты вполголоса переговариваются со знатными людьми и друг с другом, решая важные дела, а может быть, и судьбу царства Израиля. Трещит негасимое пламя на костре жертвенника, молитвенные песнопения смешиваются с криками торговцев, звуками труб и ревом убиваемых животных. Если вдруг эта сокровенная работа прекратится, что будет с нашим народом? Что будет со мной, если не станет Храма? Я умру?

Так думал я, стоя в притворе и разглядывая мозаики на стенах. Святая святых скрывали занавеси с вышитыми херувимами и цветами, и казалось, за ними был центр Вселенной, сосредоточено все самое неизъяснимое, скрытое, голодное, но могущественное и красивое. Это подтверждали драгоценные камни на одеждах священников, золотые кадила и чаши, серебряные сосуды высотой в семь локтей, отполированные так, что в них отражались дневные¹ огни меноры, лампы которой были наполнены маслом оливы из Священного сада.

Отец и мать принесли жертву и отправились отдохнуть к знакомому по имени Феодосий,

---

¹ В меноре (ритуальном светильнике храма) днем горели не все лампы.

торговцу посудой и красителями для тканей. Они разрешили мне остаться в Храме до вечера, а потом я должен был прийти в дом Феодосия. Мы собирались переночевать у него и на следующий день, с толпой нацеретян, отправиться обратно в наш город.

Я сидел среди других детей в одной из комнат Храма и ждал, когда с нами будет разговаривать священник, учитель Закона. Пока мы ждали его, нас угостили — принесли кувшин виноградного сока и корзинку фиников.

Священное Предание я к тому времени уже знал благодаря хорошей памяти, которая позволяла раз и навсегда запомнить однажды прочитанное и услышанное.

В тот день я впервые в жизни испытал сильный гнев. Родители должны были, как и все, заплатить священный налог серебряными тирскими статирами, потому что эти монеты, по мнению казначеев Храма, не осквернены — на них нет изображений языческих богов или головы римского императора.

В нишах стояли высокие кувшины, куда под надзором левитов паломники бросали монеты. Когда кувшины наполнялись, стража уносила их в подземелье под Храмом. На площади у входа,

рядом с торговцами жертвенными животными, сидели люди, которые меняли нечистые монеты паломников на статирсы, оставляя себе небольшой процент. И меняла обманул нас — дал за наши тетрадрахмы на один денарий меньше, чем должен был. Я сразу заметил это, сделав подсчет в уме, но мать отказалась требовать с менялы недостающее. Она сверкнула на меня глазами и сказала, что это неблагочестиво, ведь сейчас великий праздник... Отец, как всегда, не решился ей перечить, а во мне все вскипело, я хотел опрокинуть стол проклятого менялы и добиться справедливости...

Жаль, не все понимают, что наше благочестие нужно не Богу, а тем, кто учит нас не любить императора и его голову на монетах.

В тот год я стал «сыном наказания»² и уже понимал, что закон, даже самый справедливый, не может совершаться сам по себе, ведь Бог беспомощен без людей, которые являются его орудием.

Но чей я сын на самом деле, хотелось бы знать? Незадолго до того, как мы отправились в Иерусалим, соседка сказала мне, что Иосиф не мой отец.

---

² Бар-оншин (ивр.) — возраст (13 лет), с которого мальчик отвечал перед законом.

Сначала я не поверил.

Было больно думать, что моя мать зачала меня преступным образом. Говорить с ней об этом, чтобы узнать правду, я не решался. Вспыльчивая и властная, она и так считала меня не таким, как все, неправильным, и постоянно подозревала в чем-то. Она выросла при Храме и, конечно, гордилась этим. Однажды она сказала, что я слишком умен, чтобы меня любить. Ведь умный человек ясно видит недостатки окружающих людей, даже самых близких. А как любить такого, который все видит, даже самое скрытое и грязное? Чистая любовь не может быть такой.

Я хотел поговорить об этом со священником. Казалось, священник должен быть мудр и сможет научить меня спокойной уверенности... Но в чем? В чем мы вообще можем быть уверены?

Вскоре пришел священник. Мы сидели на полу, на войлочных подстилках, а он стоял перед нами. Мы задавали вопросы, он отвечал. Повторял и так известные мне заповеди. Вспоминал те или иные места в Торе. И я спросил его, зачем Богу такой большой Храм, ведь Его любовь к нам не может зависеть от ширины и высоты какого-то здания. Священник ответил, что в Храм стекаются люди со всех концов земли, чтобы единой семьей предстать перед лицом своего Бога, и поэтому

Храм большой, как просторный дом для большого богатого семейства. Меня разочаровал его ответ, потому что из этого следовало, что Храм построен людьми и для людей. А где же тут Бог?

Затем священник стал рассказывать нам о мессии. О том последнем пророке, который придет и навсегда освободит Израиль. Я засмеялся, и другие дети удивленно уставились на меня.

— Откуда же он придет? — спросил я. — Из ящика со свитками?

— Чтобы рассуждать об этом, сначала надо как следует выучить Священное Писание, — ответил священник.

— А почему мессия не пришел до сих пор? Чего он ждет? — не понимал я.

— Мальчик, мы пока не достойны принять его, ведь наша вера очень слаба.

— Значит, дело не в Священном Писании, а в вере? — продолжал я допытываться. — И вера — это главное, а все остальное — просто слова?

— Пророк Моисей получил от Господа Скрижали Завета, — терпеливо объяснял священник,

но я заметил, что он начинает раздражаться. — И пророк Исайя был вдохновлен самим Господом. Разве не чудо, что мы можем прочесть сказанное им? Придет мессия, и все народы перекуют копья свои на серпы! Войны прекратятся, настанет мир и благоденствие... Мудрость всех пророков собрана в Писании. Это не просто свитки, это дар, который отвергать глупо и бесстыдно. Понимаешь, мальчик?

Тогда я задал еще один вопрос, на который можно было ответить только прямо, без возможности сослаться на пророков:

— При Храме есть помещение для прокаженных. Вылечился ли там кто-нибудь?

Священник сделал вид, что не услышал вопроса, но на его лице мелькнула неискренняя улыбка — будто на мгновение он примерил маску, за которой таилась уродливая правда, и стал рассказывать о том, как по египетским домам шел ангел смерти, истребляя первенцев за то, что фараон не отпускал евреев из рабства.

Вечером, когда беседа закончилась и дети разошлись, я соврал священнику, что у меня нет родителей и мне некуда идти. Он посоветовался с кем-то, и мне разрешили остаться на территории Храма, пока не кончатся дни праздника.

Я знал, что должен постоянно учиться, и решил, что в Храме у меня будет такая возможность — там можно было беседовать со многими образованными людьми и узнавать новое.

Мне дали пресную лепешку и козьего молока и отвели в небольшую постройку рядом с хранилищем масла, похожую на конюшню для пары лошадей. Там была чистая солома. Я лег на нее. За краем камышовой крыши виднелось звездное небо. Я думал о том, что есть люди, которые верят в небесные светила, а кто-то поклоняется черным камням, упавшим с неба... Так говорил эллин Никандрос, многому научивший меня в Нацерете по своим свиткам. И я решил тогда, что какой-нибудь врач, вылечивший прокаженного, больше достоин любви, чем камни или священники Храма, которые даже все вместе не могут ясно ответить ни на один вопрос.

Мне было страшно, потому что, глядя в небо над Храмом, я вспомнил слова пророка Исайи: «Истлеет все небесное воинство; и небеса свернутся, как свиток книжный; и все воинство их падет, как спадает лист с виноградной лозы и как увядший лист — со смоковницы».

Мне было тревожно и горько. Я понял, что не хочу возвращаться с родителями в Нацерет. Но почему? Как мне дальше жить? Почему

священник не сказал ничего существенного? Я искал ответы... Я понимал, что мой отец стар и скоро должен умереть. Да и мой ли это отец? Вряд ли. Кто он для меня? Чужой мертвец... Я заплакал. А мать была холодна и мечтала найти нового мужа. Ее тяготил старик Иосиф. Я любил их, но понимал, что если вернусь домой, это не делает меня сильнее... Я должен был идти к жизни, прочь, прочь от моих смертных родителей.

В Нацерете жила девочка Ревекка, которая мне нравилась: маленький пухлый рот и глаза, наполненные темным огнем. Она была очаровательна и упряма, и какая-то особенная сладость таилась в этом ее упрямстве — его хотелось тихо и настойчиво сломить. В ней, в ее стройном смуглом теле, было заключено горячее и хрупкое дыхание бытия. Она была похожа на горный тюльпан. Или на анемон. А в моем отце жизнь дотлевала... А матери не было дела до меня.

Но и Ревекка не стоит того, чтобы погружаться в прошлое. Я не хотел возвращаться домой.

«Может быть, отправиться в Афины, чтобы продолжать учиться?» — думал я. Никандрос к тому времени уже научил меня всему, что знал сам, в том числе эллинскому языку и латыни, азам риторики и философии, а еще — определять путь и делать небольшие прогнозы событий по звездам.

Я даже читал с ним римских поэтов, разбирая каждую строку: Вергилия, Катулла, и они нравились мне больше, чем Книга Премудрости Бен-Сиры или описание мрачных подвигов Юдифи — кровожадной девственницы, отрезавшей голову доверчивому Олоферну³. Помню, как меня взволновали впервые прочитанные строки Эмпедокла Акрагантского: «Радуйтесь — бог среди вас! Из смертного стал я бессмертным». Я держал в руках свиток, и казалось, Бог стоял за моей спиной, вызванный этим стихом из бездны.

Рожденный на кладбище, я лежал на конюшне и думал: кто я? Неужели я создан только для того, чтобы в этом удивительном мире заменить собой ночующую лошадь? Глаза слипались. Я свернулся на соломе, как зверь. Ночи на исходе месяца нисана⁴ еще холодны... «Родители говорят, что мы царского рода, — размышлял я, — но царем чего могу быть я?»

Звуки Иерусалима не доносились туда из-за высоких стен, но на территории Храма был слышен рев жертвенных животных в загонах. Они чувствовали, что им конец.

³ Книга Премудрости Бен-Сиры — еврейское этико-дидактическое сочинение II в. до н. э.; Юдифь — героиня второканонической Книги Юдифи.

⁴ Седьмой месяц в еврейском календаре, соответствует апрелю-маю.

Меня кормили, я выполнял мелкую работу. Иногда хотел поговорить с кем-то из священников, но они отмахивались от меня, как от слепня. Было обидно. А может, они боялись сказать правду и это нежелание сообщить мне правду являлось актом милосердия по отношению ко мне?

Родители нашли меня через три дня.

Поскольку я должен был прийти из Храма в дом Феодосия, они решили, что я потерялся где-то в Иерусалиме, и в поисках сына бродили по узким улицам и площадям, расспрашивая людей, заглядывали в темные подвалы, дворы и лавки торговцев, пока не догадались вернуться на территорию Храма. Впрочем, там, среди тысяч паломников, они тоже обнаружили меня не сразу.

Мать злилась и ругала меня. Когда она была в таком состоянии, рядом с ней кисло молоко и спотыкались лошади. Ее большие выпуклые глаза выражали упрямое непонимание, смешанное с горчайшей обидой на судьбу. Она поблагодарила одного из левитов за то, что они приютили меня. Ей пришлось дать ему три драхмы, и она не раз еще мне это припомнила, потому что мы были бедны.

Затем мы вышли в город, и возле рыночной площади она прилюдно стала кричать, что я позорю

весь род. Мимо прошла богатая горожанка, следом за ней раб нес две корзины. Этот раб посмотрел на меня и усмехнулся. Иосиф отчужденно молчал, опираясь на свою палку. Я оскорбленно подумал, что даже дешевый раб стоит тысячу денариев, а мать только что купила меня за три монеты.

Возле Северных ворот она немного успокоилась, но продолжала причитать:

— Что ты делаешь с нами? Ведь мы таскались по всему Иерусалиму, ища тебя. Мы думали, что тебя украли... Увели куда-то обманом... Ты считаешь себя умнее нас? Почему ты не помогаешь отцу и столько времени проводишь с этим проклятым Никандросом? Это он всему виной! Чтоб он подавился своими папирусами! Почему ты слушаешь его больше, чем родителей? Да ты не умнее ящерицы, спящей под колесом телеги!

Мне это было непонятно: мать такое большое значение придавала тому, что сама воспитывалась в Храме несколько лет, а я пробыл там всего три дня, и она так недовольна. Да, она хотела, чтобы я перенял дело отца и стал когда-нибудь уважаемым человеком, как она любила выражаться. Уважаемым мастером, который кормится от рук своих, как предписывает закон пророка Моисея... «Не дать сыну профессию, — повторяла она, — все равно что отказаться от него».

Ну и что бы я делал? Мастерил рукояти заступов, топорища и грабли, сколачивал столы, лавки да кресты для бандитов? Нет-нет, если не обманывать себя, надо сказать: наиболее уважаемые люди получают пропитание от чужих трудов. Не зря же я в четыре года умел читать и помнил имена всех наших патриархов.

Два дня на окраине города мы ждали новую группу паломников, чтобы идти с ними в Нацерет — только так, толпой, можно было защититься от разбойников, а их на дорогах было множество: и беглые рабы, и просто опытные душегубы, и странные кровожадные легионеры без начальников, и люди, выдававшие себя за посланников Божиих, но которые при этом горели желанием во что бы то ни стало отобрать твой мешок и пояс с деньгами.

К нам присоединился гладиатор, который выкупил себя и бросил это ремесло, получив большое вознаграждение за поединок. Ни до этого, ни после я не встречал бывших гладиаторов — все они заканчивают жизнь на песчаной арене цирка либо в пьяных ссорах где-нибудь на улице, пропивая заработанные деньги. По его словам, он шел через Нацерет в Кану, чтобы жениться там на сестре гладиатора, убитого им в поединке. Я не поверил в такую любовь. Наверно, выкупив себя, от радости он немного тронулся умом,

и врать у него получалось хуже, чем уворачиваться от сети ретиария и добивать поверженного противника ударом меча в горло.

Впрочем, все обрадовались — в толпе паломников, если разбойников тоже будет толпа, гладиатор — нужный человек.

Когда мы вышли из Иерусалима и поднялись на холм, я обернулся и посмотрел на Храм. Его крыша сверкала на солнце, будто щит великого воина в битве с небом.

Во время отдыха мы читали отрывки священной истории народа и хором пели псалмы, слова которых были красивы, как узоры на дорожной шкатулке, но я чувствовал в них сухость и пустоту. Я не восторгался этими историями, обращенными в песни... И не гордился за наш народ, потому что глупо гордиться своим народом, своей одеждой или родословной. Да и гордиться вообще — глупо. И еще мать злилась, потому что замечала это во мне, замечала мое прохладное отношение к Святому Преданию. Она говорила, что я должен любить наш народ и ненавидеть римлян. Но они не сделали мне ничего плохого. А император Октавиан Август наверняка был умным человеком и уж точно интересным собеседником. Но с матерью невозможно было вести дискуссию, она вспыхивала, как хворост,

и твердила одно и то же. И еще говорила, что я «дурак со всех сторон» и «врун проклятый».

Еще в детстве я заметил, что могу превращать ложь в действительность. Все дело в том, когда именно солгать. Надо почувствовать этот момент, когда одно слово может заместить другое. Был случай, когда однажды утром я вдруг ни с того ни с сего сказал всем, что у Савватия, нашего соседа в Нацерете, умрет вол, пока не зайдет солнце. Я соврал, но одновременно наполнился уверенностью и восторгом от возможности заглянуть в будущее, пусть и не очень далекое, и вол действительно умер, что больше всех поразило меня самого, а Савватий решил, что я либо отравил вола, либо видел у него признаки болезни.

В дороге я думал о мессии, про которого говорил священник в Храме. О том, что быть настоящим пророком — это почтенно. Пророком, а не одним из тех бесталанных проповедников, которые бродят всюду в поисках людей, готовых поверить чему угодно, лишь бы на миг забыть о том, что их в реальности окружает.

Это интересно и легко — быть пророком. Хотя бы для нескольких людей. Не надо выполнять тяжелую работу ни по камню, ни по дереву... И я решил, что когда-нибудь наполнюсь уверенностью и восторгом и скажу всем, что

мессия — это я. Все, что нужно будет, — это говорить с людьми и внушать им надежду. Но я понимал, что для этого надо очень много знать и долго учиться. Впрочем... не дается ли кое-кому знание с момента рождения?

Но Нацерет — настолько захолустное место, что даже пророками там никто не интересуется. Все заняты своими мелкими делами, так или иначе связанными с земледелием. Духовная апатия, бесчувствие. Никто не подаст лепешку нищему, а на мессию не обратят внимания, даже если он сойдет с облака. Не зря существует поговорка: «Может ли быть что доброе из Нацерета?»

Почти все, что я видел тогда, было связано с Нацеретом, окруженным зелеными холмами. С его узкими улицами, на которых ночью какой-нибудь пришлый кочевник легко может всадить припозднившемуся прохожему нож в спину, чтобы отнять деньги. И этому не станет помехой целый римский гарнизон, разместившийся в соседнем квартале. Никто ничего не услышит, а если услышит, сделает вид, что не заметил. А тело — в колодец. Да, как-то раз из колодца рядом с нашим домом достали мертвеца, и вода там была испорчена надолго.

Я ходил смотреть на это вместе с Ревеккой. Она с ужасом разглядывала труп, а я украдкой

смотрел на ее смуглую тонкую шею с завитками волос. Наш Бог знал, что делал, когда вылепил Ревекку из волшебной глины. Кажется, именно тогда я впервые почувствовал себя мужчиной.

Мертвецы часто валялись в Нацерете прямо на улицах, и никому не было до них дела, особенно если при жизни они не были евреями. Наверное, никакая беда не соответствует тому позору, когда ты умер и открыто гниешь под забором. Впрочем, свободу от этого могут подарить дикие животные, например шакалы, которые придут на запах разложения и спасут тебя. Да, шакалы — лучшие в этом деле, проводники из нашего зыбкого царства смерти в мир, где смерти нет.

ГЛАВА 2

Иоанн

Один египетский врач сказал мне, что лучший способ покорить человека — создать его двойника, который будет полностью под твоим контролем. «Делай с двойником что хочешь, — объяснил египтянин, — и это неизбежно отразится на человеке-подлиннике». Мне исполнилось тридцать лет, я был сообразителен, здоров и знал, что делал, и Бог решил устроить мне испытание — появился человек, который хотел стать мной, занять мое место, и слух об этом распространился далеко за пределы Иорданской долины. Он говорил о вечной радости, свободе выбора, о светлом и справедливом царстве будущего... Но, в отличие от многих болтунов в шурах мессий, он действительно обладал духовной силой.

По слухам, у нас с ним даже матери были одного возраста. Но он придумал что-то новое — приобщал каждого желающего к вечной жизни с помощью воды. Его звали Иоанн.

Это было мудро, ведь для многих земледельцев, живущих на краю пустыни, вода означает жизнь. И люди верили Иоанну.

К тому времени я давно оставил своих родителей, уйдя из Нацерета. Я путешествовал по еврейской земле от Кесарии Филипповой до городов Идумеи в поисках знаний и оттачивал мастерство проповедника. Заходил и в соседние

царства — в Египет и Ливию, был в Аравии, плавал в Киринею на римском корабле, добирался до Галатии и берегов Северного моря. Не был в Элладе, но мечтал при первой возможности посетить Афины и Академию, а также Киссию, где живет знаменитая эвлайская община магов и находится колодец, который содержит смесь воды, масла и смолы, а когда зачерпнутое выливают, то жидкости текут порознь, и в этот момент, глядя на них, можно точно предугадать будущее. Я учил языки и обычаи, много читал. Каким праздником было попасть в библиотеку Александрии! Или, заплатив смотрителю, получить доступ к свиткам в хранилище книг иерусалимского Храма! Я целыми неделями сидел там с какими-то полусумасшедшими старцами, которые за пару медных монет могли найти любые сведения или возвести твою родословную хоть к Саулу⁵, хоть к евнуху Абагде. Мне удалось побывать даже в личной библиотеке префекта Иудеи, где он собрал немало книг римских поэтов и греческие научные тексты.

Чтобы иметь возможность читать, я некоторое время работал в Александрийской библиотеке, получая скромное жалованье. В то время ее хранителем был Дионисий Киликийский. Проверив мои знания, он поручил мне исправить ошибки

---

⁵ Первый царь Израиля.

в переводе Торы на греческий, который второпях сделали еврейские священники по просьбе Деметрия Фалерского⁶. Несколько месяцев они жили на острове Фарос, пируя за счет царя Птолемея⁷, которого смогли очаровать своими сладкими речами, и работали в перерывах между возлияниями, но перевод все равно получился слишком сухим. К тому же в нем отсутствовали некоторые фрагменты: сильные заклинания, эротические подробности и описания некоторых изощренных казней. Естественно, я не в силах был восстановить все это и, сидя в прохладной тишине библиотечной анфилады среди каменных ящиков со свитками, лишь привнес в перевод немного поэзии, в которой знали толк мои предки. Особенно тщательно я выправил псалмы Давида.

Вернувшись из Египта, я перебивался случайными заработками, часто одалживал деньги, не имея возможности их вернуть, жил где придется. Недоедал. Иногда все, что было у меня в дорожном мешке, — это горсть сухих фиников или черствая лепешка, полученная в дар.

Я работал учителем в семьях богатых людей, обучая грамоте детей, а иногда и самих хозяев.

---

⁶ Греческий государственный деятель и один из основателей Александрийской библиотеки.

⁷ Птолемей II Филадельф — царь Египта в то время.

Один человек хорошо заплатил мне за то, что я научил читать и писать его любимую наложницу. Признаться, я занимался с ней не только грамматикой.

Долгое время я не мог научиться разговаривать с толпой, и это приносило мне много страданий. Бывало, пылкой речью я собирал вокруг себя людей где-нибудь в Галааде или в бедном селении на берегу Есевонского озера, обещая им прозрение, как вдруг умолкал на полуслове в каком-то отчаянии, будто ослепленный догадкой: все бесполезно. Надо мной смеялись, меня били. Часто я сам ввязывался в драки, испытывая судьбу и твердость своей руки. Меня сажали в темницы, но ненадолго, пытались судить за мелкие кражи и соблазнение чужих жен, но всегда удавалось каким-то чудом откупиться, найти невероятные доказательства своей правоты, сбежать из города.

Ко мне всегда тянулись женщины, и я благодарен судьбе за то, что знал лучших из них — умных и чутких, без заботы которых я давно умер бы с голоду или от непосильной работы в поле либо пополнил бы ряды тех бродяг, чьи белые кости лежат при дорогах в пустыне.

Однажды я шел в Иерихон и остановился на вершине холма, в нескольких поприщах

от этого старинного города. Я был один, каменная тропа вела вниз, в зеленую долину, в которой раскинулся огромный масличный сад. Я долго смотрел на серебристые кроны деревьев, уходящие вдаль, и вдруг они показались мне морем расплавленного металла, озером Халколиван, в котором было растворено все человеческое знание, в том числе слова всех языков мира. Я понял, что эта первозданная огненная масса ждет меня, я должен был стать ее демиургом. И в тот момент я научился видеть живые буквы еврейского алфавита! Алеф, Хет, Шин... — они были из огня и ветра, из меда и вина, из гнусной правды и добродетельной лжи, и с их помощью можно было сделать что угодно, ибо они лежали в основе мироздания.

Видение продолжалось недолго, но в тот момент я изменился — я понял, что именно передо мной должны расступиться воды этого раскаленного моря. В тот момент поднялся ветер, деревья зашумели, будто предостерегая меня: «успокойся, тебе это не под силу, утихни», но я воздел к небу руки и закричал от восторга, потому что увидел скалу, из которой мы иссечены, и заглянул в глубину рва, из которого мы извлечены, увидел лица Авраама и Сарры⁸...

---

⁸ Из книги пророка Исаяи.

Масличные деревья живут очень долго, и если какой-нибудь человек вдруг научится слушать их, мой торжествующий вопль донесется до него.

Я жил в разных местах, но моя полоумная мать каким-то образом узнавала, где я находился, и время от времени передавала мне послания со случайными людьми. Я не отвечал. Она по-прежнему за что-то сердилась и обижалась на меня, хотела научить меня жить по законам, вести оседлый образ жизни...

Я узнал, что умер мой отчим Иосиф.

Прошло еще несколько месяцев, за которые я значительно возрос как оратор, у меня даже стали появляться первые последователи — впрочем, в то время все они были со мной недолго. Однако я уже не оставался один. Мужчины и женщины, юноши, совсем молодые девушки стремились ко мне. Им было легко со мной, потому что я действительно любил их, мог утешить и найти такие слова, каких они никогда не слышали даже от самых близких.

Я хотел жить так, как жил, хотел приближаться к истине, а не копать в земле, как червь, не строить себе убежища, как зверь. Я хотел быть свободным от всех. Я хотел быть собой.

Но Бог, как я уже сказал, послал мне испытание двойником.

О нем начали говорить в Галилее, в Самарии и за Иорданом... Он жил в пустыне. Утверждали, что он питается только саранчой и диким медом, не умеет читать и обладает настолько острым умом, что читает мысли людей.

Он заявил, что является наследником всех пророков и живет по закону Моисея, он даже приходил в Иерусалим и насмеялся над почтенными мужами из Высшего совета, называя их порождениями ехидны. Все это было правильно, но... вывести их на чистую воду должен был я! Однако мне, стыдно сказать, тогда не хватало на это смелости. Нет, не смелости, а благоразумия... Синедрион, естественно, возмутили его речи.

Да, он был похож на меня.

И я шел всю ночь, чтобы скорее увидеть его. Я был один. Со мной хотели пойти друзья и помощники, но я решил испытать себя. Один на один с этим Иоанном.

Перед рассветом после долгого пути у меня порвалась правая сандалия. Я снял обе сандалии и бросил в кусты.

Я вышел к Иордану рано утром. Я был один, босой, усталый и очень голодный. По всему берегу, среди кустов, в тени пальм и кипарисов, лежали и сидели люди, многие еще спали; стояли шалаши, покрытые тканью, со стенками из перевитых ветвей; к деревьям были привязаны лошади и верблюды, горели костры — готовилась пища, и над водой Иордана стлался дым. Там были сотни людей. Простолюдины, солдаты, бродяги, книжники, чиновники и ессеи, которым наскучила оседлая жизнь. Бегали дети. Вокруг раскинулась безжизненная долина, еды взять было негде, и люди там подолгу не задерживались. Иоанн совершал над ними свой обряд, и они отправлялись обратно — в Галилею, Самарию, за Иордан...

Я увидел, что у ближайшего костра женщина ошипывала белого голубя, пойманного в силки, собираясь варить из него похлебку.

У самого берега группа людей ожидала очереди подойти к Иоанну, который стоял в реке, в неглубоком месте, по пояс в воде.

Он был космат и черен.

Когда человек приближался к Иоанну, он с головой окунал новообращенного в воду, смеялся и кричал непонятные слова.

Не обращая внимания на тех, кто ждал очереди совершить обряд (кто-то стал роптать и показывать на меня пальцем), я сбросил с себя одежду, оставшись в набедренной повязке, и вошел в реку. Иоанн как раз закончил очередной ритуал — старая женщина, плача от счастья, выбралась на берег, стыдливо прикрывая руками груди, выпирающие из-под мокрой одежды.

Иоанн, задрав голову к небу, крикнул что-то на языке, понятном, наверное, только ему, и заметил меня. Его глаза были похожи на глаза мясника, уставшего от работы. Он был страшен: черный от солнца, в полуистлевшей вонючей накидке из меха, косматый, как лев (но лев из колена Иудина — это все-таки я). И он совершенно не сомневался в истинности того, что делал. Да, он верил в то, что совершал, гораздо сильнее меня. Мне хотелось легкой и необычной жизни, любви, безграничной свободы, а он не думал об отдыхе, не заботился о своем теле, он был движим некоей неистовой силой — слепой жаждой неустанно сотрясать воздух воплями о целительной силе речной воды и необходимости всеобщего покаяния.

Как только мы с ним посмотрели друг на друга, как только это произошло — все было кончено. Нам не надо было ни о чем спорить и что-то доказывать друг другу. Он сразу понял, что должен

мне покориться, хотя я пришел один, а на берегу была целая толпа, очарованная им.

Так бывает, когда встречаются дикие звери или гладиаторы. Недаром говорят, что можно проиграть бой еще до поединка.

Иоанн, этот сильный человек, будто действительно посланный свыше, поддержал огонь моей, моей игры! И это было закономерно — люди, которым я предлагал эту игру, либо начинали ненавидеть меня, либо сразу становились участниками этой мистерии. На счастье, Иоанн оказался в моей власти, иначе неизвестно, чем закончилась бы эта встреча. Последователи Иоанна запросто могли убить меня, защищая своего учителя. Они были готовы на все. Но Иоанн смирился. Иными словами, хищная буква проглотила другую, поменьше. Я победил.

— О нем, о нем говорили пророки! — хрипло крикнул Иоанн, указывая на меня.

И множество лиц на берегу повернулось к нам.

— Вот человек, который несоизмеримо выше меня, — продолжал Иоанн.

— Мое имя Йесус! — крикнул я людям. — Иоанн спасает вас водой, а я — духом! Незримым духом!

Даже если вся вода мира будет отравлена безумием человеческим, дух останется неуязвимым!

— Да! Да! — слышались голоса с берега.

Я слышал их голоса, я видел их ликующие лица... Кто были эти люди? Такие же, как те, что окружали и меня, когда я ходил из города в город. Женщины с пустыми глазами, кроткие юноши, готовые на все, кроме работы, стареющие мужчины, в иных обстоятельствах готовые отдать за гетеру последние сестерции...

Я вернулся на берег, а Иоанн продолжил свою работу в воде. Но люди вокруг стали смотреть на меня иначе — с нескрываемым благоговением. Меня накормили и поднесли вина, я лег в тени кипариса на чьи-то заботливо подстеленные циновки. Какая-то женщина села рядом, глядя на меня с обожанием, и провела ладонью по моим волосам. Я подумал, что ее молодое тело вполне достойно меня, и велел ей навестить меня ночью...

Люди подходили и прикасались ко мне, повторяя слова, сказанные Иоанном: «О нем, о нем говорили пророки!»

Иоанн поступил правильно. Он стал не просто очередным проповедником, которого я убрал со своего пути, а частью моего учения.

После встречи со мной Иоанн продолжил с помощью воды приобщать людей к вечной жизни — в Еноне, близ Салима. Не думаю, что он впрямь дарил людям вечность, которая и так дана каждому с рождения. Просто это нравилось и ему, и людям. Но теперь, во время каждого своего ритуала с водой, он говорил обо мне. Конечно, это делало меня известнее и сильнее.

ГЛАВА 3
Пустыня

Я был один в пустыне, и голова кружилась от голода. Я чувствовал легкость, хотя четвертые сутки почти не ел. Днем там страшная жара. Земля, покрытая желтым песком, известняком и галькой, пышет жаром, и я прятался в пещере рядом с ущельем, на дне которого был источник, а ночами спал под открытым небом на подстилке из верблюжьей шерсти. Незадолго до рассвета я вдруг проснулся. Далеко впереди виднелись темно-серые очертания гор, и созвездие Ас хищно выжидало чего-то, как и во времена праотца Иова.

«Я должен уединиться, чтобы ничего не мешало моей молитве», — сказал я своим людям, и они остались ждать меня там, в часе ходьбы на запад, у границы пустыни, в чьем-то фруктовом саду. Среди них были две мои новые жены. Одна собиралась скоро родить. Я не знал, сколько к тому времени у меня было детей. Женщины приходили к нам и уходили.

«Когда-нибудь вся эта каменистая земля станет ложем любви для народа Израиля, и мы обретем неугасимый огонь истины». Вроде бы это пустые пышные слова, думал я, глядя в ночное небо, но, если говорить людям такие вещи, подкрепляя их предначертаниями вдохновенных пророков, толпу можно повести за собой на что угодно, даже на очередное восстание против Рима, которое заведомо кончится провалом. Это занятно.

Как на моем цельнотканом хитоне не было швов, так и в том, что я говорил людям, не должно было быть слабых мест. Я наконец научился искусству оратора — главному ремеслу современного человека. Мир очень изменился за последние годы, народ жаждал чего-то нового, и я особенно это чувствовал, потому что не сидел на месте и знал, что говорят люди, тысячи людей по всей еврейской земле.

В пустыню я взял с собой несколько лепешек из инжира с изюмом — отщипывал понемногу и жевал, когда становилось совсем невмоготу. К тому времени я привык сытно есть и даже немного раздобрел. Я почти ни за что не платил, всё покупали (а иной раз и воровали) мои люди. Для этого всего лишь надо было поддерживать в них на должном уровне чувство вины и готовность к раскаянию. Но при этом я уже немного устал от постоянной свиты. К тому же репутацию учителя надо было подтверждать не только в словесных дуэлях с книжниками, но и на деле, например недолгим походом в пустыню, так делали многие великие учителя. Поэтому я и оказался в пустыне.

И все-таки очень хотелось есть...

Интересно, думал я, чем питался Давид, когда прятался в пустыне от царя Саула?

Я стал думать о еде. Не надо было этого делать, не надо было поддаваться искушению мечтать

о вкусной пище. В конце концов, я ведь пришел в пустыню молиться. Но...

Нежная, шипящая на жаровне козлятина с шафраном, перцем и тертыми орехами...

«Господи, — подумал я, отгоняя от себя эту козлятину с шафраном, — обрати на меня взор!.. Чего ты прячешься от меня, чего ты выжидаешь?»

Но вокруг сохранялось безмолвие, и не было никаких привычных звуков ночи, потому что на голых камнях не было ни травы, ни цикад в ней, ни других букашек. И не слышно было криков птиц, которые питаются этими букашками... Вечное безмолвие, наполненное мудростью — никому не нужной мудростью, потому что постичь ее во всей полноте все равно невозможно.

Не было ни звука. Хоть бы шакал заплакал! Лишь сновали призраки чьих-то забытых и незабытых страшных грехов.

Вдруг невыносимо захотелось простого, свежего и душистого блюда: мелко нарезанный эндивий, петрушка и лук, все это приправлено медом, солью, уксусом и маслом. Подается с куском овечьего сыра. А сделано смуглыми руками юной голубоглазой иудейки из знатной семьи... Девушки, примкнувшей к нам, но еще не испорченной никем из моей свиты.

Захотелось выпить чашу яин-яшан⁹, отрезать кусок от жаренного в печи молодого барашка с густым, как остывающая кровь, соусом из виноградного сиропа. Захотелось оливок, выдержанных в уксусе...

Да хотя бы просто свежего жареного зерна, политого маслом!

Кумранские отшельники всю жизнь проводят в пустыне. Не они ли настоящие подвижники? А я кто? Жалкий мечтатель, выдававший себя за посланника истины. Но если я мог дарить людям надежду, я должен был это делать. Что толку сидеть в пустыне ради спасения лишь своей души?

Иногда я с ужасом думаю, что вся жизнь человека подчинена исключительно еде, как будто цепи волнующих событий — само рождение и смерть, триумф и любовь — нужны только для регулярного утоления голода. Поговаривают, даже прославленный поэт Квинт Гораций Флакк заявлял, что живет по большей части ради выращивания базилика и капусты.

Я лежал под небом пророков и видел копченые говяжьи ребра, похлебку из бобов с луком и специями, фруктовые пироги, горячие лепешки с медовой пастой из миндаля и фисташек... Пирь проплывали у меня перед глазами один за другим.

---

⁹ Старое вино (ивр.).

Пища! Радость пищи! Даже Моисей перед смертью пел о меде, сочащемся из скалы, и о масле из кремнистого утеса. А еще о пенистом соке винограда.

Мне слышались какие-то шлепки и хохот, рычание ручного леопарда и звон его цепи, я видел, как нагие рабы внесли корзины с лепестками роз, чтобы рассыпать их по мраморному полу среди колонн, и там, в облаках этих лепестков, началось неистовое совокупление, с быстрым чередованием изумительных задниц, горячее блаженство. И сразу после бурного извержения — еда, еда...

Хор мальчиков пел для меня!

Нет-нет, это был мертвый звон пустыни. Неудивительно, что сам пророк Илия хотел в отчаянии умереть там, сидя под можжевельным кустом.

— Господи! — крикнул я что есть сил. — Я здесь, я жив, я настоящий, Господи! Я подлинный человек, разве ты не понимаешь? Что за проклятие? Почему ничего не меняется? Открой мне глаза!

Сколько таких воплей поглотила Иудейская пустыня? Но я решительно приподнялся на своей подстилке и встал на колени, молитвенно сложив ладони на груди. Я был исполнен уверенности, что получу откровение здесь и сейчас.

Я напряженно всматривался вперед и вверх, ожидая божественного присутствия, как вдруг каменистая пустыня посветлела, хотя небо оставалось темным, затем погасла луна, словно ее проглотил Апофис, и откуда-то появилось существо, похожее на человека, грубо вылепленного из теста. Или на белую раздутую мумию. Голова ее выглядела как шар с выгнутым стеклом вместо лица, в котором мелькнуло мое маленькое отражение. Мумия двигалась необычайно медленно, задерживаясь в воздухе после каждого шага, и несла в руке тонкий шест с прямоугольным куском материи, на которой были пурпурные и белые полосы и звезды на синем фоне, но не шестиконечные, как в орнаментах Храма, а с пятью лучами.

Я замер, стараясь не выдать себя. Я не испытывал страха, а мумия не обращала на меня внимания либо не видела, что более вероятно. Она воткнула свой шест между камней прямо у меня перед носом, при этом загадочная цветная материя почему-то оставалась в развернутом состоянии, хотя ветра не было. Мумия стала удаляться плавными шагами, будто невесомая. К спине у нее был прикреплен какой-то белый ящик. Я смотрел ей вслед, и мне почему-то казалось, что весь мир стал вдруг безлюдной каменной твердью, как на второй день творения.

Настало утро пятого дня в пустыне. По голым холмам я пошел назад, к людям, нельзя было больше там задерживаться, я мог сойти с ума или попасть в плен

к бедуинам, которые сделали бы из меня раба. Я мог просто настолько ослабнуть, что не нашел бы сил вернуться... Я мог стать добычей львов, которые появлялись в тех местах.

Конечно, мои люди искали бы меня, но нашли бы?

Что означало мое ночное видение? Сон ли это был? От которого не осталось и следа в пыли? Кто это безмолвное существо, раздутое, как утопленник? Оно не хотело причинить мне вреда и делало свое дело, только в интересах каких сил? Но мне кажется, это добрый знак. Может быть, это нельзя назвать истинным откровением, но и это неплохо. То, что делала эта белая, грациозно парящая мумия, напоминает... утверждение победы. Может быть, это торжество духа над плотью?

Солнце поднималось, тени от камней становились медленней и короче, повинуюсь вечному ритму, который заставляет плясать все живое под неумолчную флейту смерти. Я шел на запад по бесплодной сухой земле, но раз в год даже там случается чудо: в те редкие дни весны, когда наверху близ Иерусалима идет дождь, пустыня преобразается, из ущелий раздается гул жизни — бегут потоки воды и на короткое время все вокруг покрывается нежной зеленью.

Так когда-нибудь небеса отверзнутся, и мы, бродяги и возмутители душ, станем теми, кем являемся

на самом деле. Мы обретем себя, и в нашу честь воскурят благовония. Мы есть у нас самих — и только в этом слава всех царств мира. Надо иметь хотя бы каплю, каплю решимости — и камни вокруг станут хлебами, а на иссохшем дереве дряхлой веры появятся белые и розовые цветы.

Когда я вернулся из пустыни, то узнал, что мой пылкий друг Иоанн, мутивший воды Иордана, взят под стражу по приказу царя Ирода и сидит в тюрьме крепости Махерон. Я опечалился, но надо отдать должное его гонителю — Ирод долго терпел. Зачем Иоанн публично обвинял царя в том, что тот совратил жену брата и женился на ней, отослав куда-то свою жену? Какое дело нам было до этих страстей? Ирод — слабый царь без настоящей власти, угнетенный зависимостью от Рима, да еще получила огласку история с его женщинами. Зачем Иоанн прицепился к нему? По всей Палестине каждый день происходило такое, что и подумать страшно, но гнев Господень через Иоанна был обращен на жалкого Ирода. Это было так же глупо, как нападать с мечом на петуха, который топтал своих кур.

ГЛАВА 4
Кафарнаум

Я бродил по Галилее, и все больше народа стекалось слушать меня. Каждое утро я встречал рассвет где-нибудь на уединенной вершине холма либо на утесе. Нет ничего лучше этих минут, когда воздух еще прохладен и солнце косыми неизбежными лучами призывает к ответу каждую птаху, каждого скорпиона, каждую мышь. Одно существо отвечает солнцу тем, что подышает на камнях от жажды, другое — тем, что подставляет теплому свету свой бок. Это — язык, на котором все общаются с солнцем. В этом языке есть только три слова: жизнь, смерть и жертва, ведь египтяне режут баранов и гусей во славу солнцеликого Амона, таким образом беседуя с ним.

Но каждый мой рассвет на этих вершинах омрачала мысль, что и в этот день люди будут искать способ уязвить меня, добиться какой-то неистойвой правды, кричать о божественных законах, о которых они знают не больше, чем свинья про эллинскую скульптуру, и при этом будут клеветать, лжесвидетельствовать, истреблять урожай соседа и поджигать его дом. Ради высших целей, конечно, в которые верят. Если собрать эти иллюзии вместе, можно уничтожить мир.

При этом я не считал преступлениями многое из того, что предписывают законы Рима. Например, измена государству. Что это? Что есть государство? Сады, долины и горы? Животные?

Или люди? Но какие? Изменить можно только кому-то, нельзя изменить всем. Там, где трое или более собираются во имя справедливости, Бога нет, ведь любую толпу ведет за собой только безумие.

И если Бога нет, то, получается, там его нет вдвойне. А если Бог есть, он не безумен. Он часто беспощаден и циничен, ему нравится не оставлять шанса, но чертогом истинного безумия правят низшие демоны.

И можно ли верить закону из Таблиц, согласно которому младенец, отличившийся исключительным уродством, должен быть лишен жизни? Я сомневаюсь, потому что уродство — это случайность, которая допущена Богом. Кто знает, быть может, младенец, имеющий по шесть пальцев на каждой руке, когда-нибудь вызовет свой народ из рабства. Меч справедливости рука с шестью пальцами будет держать крепче.

А вот что касается двух голов или трех ног... Здесь надо предоставить младенцу возможность выжить, разве что не заботиться об этом больше, чем мы заботились бы о совершенно здоровом ребенке. Чтобы не превращать заботу об уроде в маленький культ... Ведь избалованный урод может вырасти и стать тираном более свирепым, чем избалованный тихий красавец.

Встретив рассвет, я спускался вниз, к людям. Там меня обычно уже ждали, хотели слов утешения, целовали мне руки, плакали, жаловались, скорбели и несли мне подарки. Но иногда мне было так трудно! Одно доброе слово — и будто передвигаешь тяжелый камень. Я был одинок, даже находясь в центре толпы. Даже когда возлежал с двумя женщинами сразу.

А бывало, я сидел на горе долго, в оцепенении, пока не начинало припекать, тогда за мной приходил кто-то из учеников и вел вниз, к мужчинам и женщинам, восторженным глупцам и скептикам, которые задавали нелепые вопросы, спорили со мной до беспамятства, книжники требовали разъяснения трудных мест Писания и упрекали меня в извращении учения, в отступничестве, говорили, что я лживый и неразумный человек. Иногда за этими разговорами некогда было поесть.

В то время в Кафарнауме, на берегу Галилейского озера, я жил в доме, вход в который стерегли два мраморных льва. Прежде мне не доводилось даже заходить в такое богатое жилище. Дом принадлежал состоятельной и благочестивой вдове военачальника, погибшего во время подавления восстания Такфарината в Африке, и она позволила мне жить в этом доме, в том числе распоряжаться тремя рабами-галлами и вольнонаемным поваром, а сама переселилась к родителям.

Рабам я, конечно, сразу подарил свободу, но они в нее не поверили и добровольно продолжали выполнять обязанности по уходу за домом и садом.

Что ж, меня это устраивало. Я ведь не из тех евреев, которые за разбитую вазу сажают своего раба в садок с муренами или ставят тавро *serva*¹⁰ юной варварке на ягодицу. Но что, если кто-то ценой своей жизни подарит свободу целому народу, а народ не примет этот дар?..

Я понравился вдове, когда проповедовал в местной синагоге и перед толпой рыбаков укорял тамошних учителей Закона тем, что они не помнят наизусть всю Тору.

Как и прежде, ко мне приходило много злых людей, ищущих наживы, а то и беглые преступники. Например, мужчина, который совратил весталку в Альба-Лонге и скрывался так далеко. Удивительно! Я притягивал неимущий сброд. Одни беглецы. Но и в них был толк, они разносили слух обо мне, и этот слух доходил до тех добрых людей, которые могли помочь мне деньгами. Немного слов — и всё в твоей власти, ты на коне. Они искали новой жизни — пожалуйста! Свобода от имущества, свобода от семейных уз и (тише!) свобода от законов Рима.

---

¹⁰ Рабыня (лат.).

Мне нравилось в Кафарнауме. Зеленый город. Всюду фруктовые сады, пальмы, и виноградники подступают к голубым водам моря, в котором изобилие рыбы... Олеандры, миртовые кустарники с белыми цветами. Там нет изнуряющей жары, а урожай — в течение всего года. Недаром говорят, что в Галилее легче вырастить рощу масличных деревьев, чем в засушливой и пустынной Иудее одного ребенка.

Во дворе вдовьего дома располагался маленький фонтан с дном, украшенным искусной мозаикой: Левиафан среди прислуживающих ему мелких морских гадов. Омовение в этом фонтане всегда быстро приводило меня в чувство, если я долго спал или переусердствовал накануне с вином. Из восточных окон дома открывался прекрасный вид на озеро и благословенную землю вокруг.

Ну и конечно, молодые женщины. Дом был открыт для них. Если Бог все-таки есть, именно они его главное орудие.

К тому времени со мной находились три постоянных ученика, которым я доверял: Андрей, Симон и наивный, как дитя, Иуда. Эти ученики отсеялись из сотен случайных и бесполезных мужчин, восторженных простаков, которые хотели видеть во мне совершенное существо,

а видели, к их великому огорчению, мужчину, вкушавшего плоды земные в свое удовольствие, пившего неразбавленное вино и утешавшего привлекательных женщин, отдавая предпочтение мулаткам. Он гневался, он смеялся и не склонен был обличать всё и вся, в отличие от многих бродячих проповедников. И, конечно, он не отличался ненавистью к Риму, а ведь глубина ненависти к врагу — это мерило святости для простодушного народа...

Ни тогда, ни позже я не спрашивал своих учеников, откуда они пришли, где их дом и родители, а они не открывали этого мне. Я знал о них только какие-то очевидные вещи: Андрей менее распутен, чем другие, а еще обидчив; неуклюжий Симон добродушен и забавен; Иуда моложе других и очень сильно привязан ко мне, может безропотно выполнить любую мою просьбу. И каждый из них был очень сообразителен и ловок, если дело касалось нашей общей выгоды.

Эти мои три ученика зачем-то убедили весь Кафарнаум в том, что я пришел освободить евреев и стать царем. Это меня пугало. Римляне терпят многое, но с властью расставаться не будут, даже если на нее претендует (только на словах!) смехотворный царек какого-нибудь захолустного поселения. Не зря говорит император Тиберий, что власть — это волк, которого он держит за уши.

И это усугублялось тем, что в Кафарнауме постоянно находился отряд легионеров.

А ведь я говорил не о примитивной власти, нет, совсем о другом: наслаждайтесь тем, что есть, каждой минутой, а уходя — не берите с собой ничего лишнего. Свобода от предрассудков важнее, чем царский трон! Можно сидеть в клетке и петь песни, сохраняя радость в сердце.

В Кафарнауме я начал постигать искусство врачевания — местный лекарь Априм учил меня. Слишком уж много стало к тому времени приходиться ко мне страдальцев, которым требовалось лечить не только душу. Априм рассказал, что когда-то служил в доме проконсула Сирии. Он чтит Эскулапия, ко мне относился с дружеским спокойствием, а иногда даже сочувственно (когда я был в печали), не принимая всерьез то, что я обычно говорил во время проповедей в синагогах. Безусловно, он повидал в жизни немало пророков. Видимо, я был симпатичен ему по каким-то иным причинам. Он больше любил римских и греческих мудрецов, чем премудрости Закона, и среди прочего — Тита Лукреция Кара, часто цитируя что-то из его труда «О природе вещей».

Мудрый Априм отвергал боязнь смерти, саму смерть и потустороннюю жизнь, лишь материя, по его словам, была вечна и бесконечна, а после

смерти тела людей просто принимают иные формы существования.

Столбняк, эпилепсия, истерия, лихорадка, астма... Эти слова стали для меня реальностью. В бой с ними успешно (но чаще наоборот) вступали другие слова: кровопускание, порошки, отвары целебных трав.

Я узнал, какими травами лечить мокрую рану, а какими засохшую, и какими мерами отпускать лечебные снадобья, чтобы изгнать воду у водяночных или задержать кровь у кровоточивых, или остановить чахотку и проистекающее от нее истощение.

Прекрасная вещь — лечение в термах, с помощью разницы температур.

Хорошо, что не приводили чумных.

Грустно было, когда приводили стариков, разум которых иссох от времени, и просили их вылечить. Да я сам был бы счастлив оказаться на месте такого старика — это же прекрасно! Ты в блаженном неведении, в мире грез и детских уютных страхов, ничего не понимаешь и по большей части счастлив, если тебя не забыли покормить. Даже если бы я мог возвращать таким старикам ужас осмысленной жизни, я бы не стал этого делать. У меня много грехов, зачем отягощать себя еще и этим?

ГЛАВА 5

Кровь

Светало. На полу валялись мои пьяные ученики. Вокруг — остатки пиршества. Рядом спали на коврах голые женщины, имена которых теперь вспоминать нет смысла. До глубокой ночи мы веселились. Было много молодого вина и угощений, а бродячие музыканты играли и пели для нас. Этот праздник устроил нам галилейский торговец Итан, караваны которого ходили в Египет, Ливию и Сирию по средиземноморскому побережью.

Его интересовало все: пшеница, фрукты, воск, лен, кожа и шерсть, микенские сосуды и тирийский пурпур, мирра, пряности, масло, одрисские рабы, вино и оружие. Он превращал это в денарии, драхмы и ауреусы с удивительным упорством и был богат, как Крез.

Этот рыжебородый детина пресытился, захотел чего-то особенного, и мы предоставили ему такую возможность — некоторое время он заботился о нас. Неотесанность у него соединялась с торжественным высокомерием и щедростью.

Еврейский Закон ему наскучил, римские боги справедливо казались чужими, ессейские монахи пугали его нечеловеческой аскезой, вновь вспыхнувшее среди образованных людей Галилеи почитание Исиды он осмеивал — и вот решил сблизиться с нами. Думаю, его смогли бы увлечь орфики своими жизнерадостными мистериями, но он про них не знал.

Я с нежностью посмотрел на своих спящих учеников и женщин, сходил в сад, помочился, выпил финиковой воды из кувшина и уснул вновь на вдовьих шелках.

Этот беспечный симпозиум запомнился мне, потому что случился незадолго перед тем, как мы ушли из Кафарнаума, из дома, который охраняли каменные львы. Почему? Мне казалось тогда, что страстный проповедник, живущий в большом и удобном доме, — это неубедительно, и я не хотел задерживаться там, где было слишком хорошо. Я полагал, людям нужен мессия-странник, спящий под кустом, который презирает блага земные. Сейчас я понимаю, что это не так, — люди верят кому угодно, лишь бы он поощрял в них мечтательное невежество. Но тогда я был наивнее.

И мы отправились дальше.

Здесь стоит вспомнить то, что случилось в Кане — галилейском городке, окруженном пшеничными полями, на которых в отдалении друг от друга возвышаются огромные камни, будто бы оставшиеся от игр древних гигантов. Как только мы там оказались (был вечер), какие-то люди стали уговаривать меня пойти с ними на свадебный пир. Сказали, женится сын местного судьи. Они общались со мной без почтения, чуть насмешливо. Ученики отговаривали меня идти туда, но я все-таки

пошел, взяв с собой Иуду. Остальные ученики разбрелись по городу — узнать, чем можно поживиться и не грозит ли нам опасность.

Не люблю свадьбы, это самое абсурдное, что может быть на свете. Вместо того чтобы тихо оплакать свою судьбу где-нибудь в уединенном месте, новобрачные тратятся на увеселение голодных гостей.

И вот я оказался среди них. Меня усадили за стол. Я был голоден, но терпел и не набрасывался на еду — это выглядело бы нехорошо. Дом, в котором все происходило, показался мне очень неудобным — сырым и мрачным, хотя горели свечи на столе и подвешенные к потолку лампы. Я давно заметил за собой способность чувствовать, в хорошем нахожусь доме или в плохом, причем это совершенно не зависит от хозяев. Само место, на котором возведены стены дома, может отталкивать.

Осушались чаши, произносились обычные в таком случае речи, страшные в своей самонадеянной пустоте, в своей надежде на благополучие. Никто меня ни о чем не спрашивал, и это было необычно.

Понемногу я подкрепился, съев мяса с овощами. Иуда грыз яблоко.

Прошло какое-то время, и вдруг распорядитель свадьбы объявил, что кончилось вино. Все

притихли, обратив ко мне взоры, и какая-то старая горбоносая женщина с лукавыми глазами сказала:

— Йесус, что нам делать? Винные лавки уже закрыты. Мы слышали, ты умеешь дарить людям радость. Сделай так, чтобы наше веселье продолжалось.

В этот момент я понял, что все они знали, кто я, и ждали моего прихода. Слух о том, что я направляюсь в Кану, опередил меня, и они хотели чуда — либо доказать, что я лжец.

Иуда перестал грызть яблоко и шепнул мне, что нам лучше уйти.

Но это было бы неразумно. Они расценили бы это как мое бессилие...

— Йесус, не прячь от нас то, что ты умеешь, — продолжала говорить эта женщина с напускной кротостью. — Зачем накрывать зажженную свечу горшком? Пусть она лучше будет светить всем, укрепленная на подставке. Яви нам свет и вино, Йесус... Видишь, возле стены стоят пустые кувшины, ты можешь наполнить их?

Я посмотрел на ряд этих кувшинов, больше похожих на сосуды для омовения, чем на емкости для вина, и понял, что надо сделать.

— Принеси мне чистый острый нож и чашу, — сказал я распорядителю.

Он с готовностью исполнил это.

— Я напою вас вином, которое пьянее римского сенатора! — произнес я и провел лезвием ножа по левому запястью, стараясь не нажимать слишком сильно, чтобы пустить кровь, но не повредить жилы.

Кто-то из гостей вскрикнул.

Я направил струю крови в чашу и подождал, когда она наполнится на треть. Женщины, включая невесту, в страхе отвернулись или закрыли лица ладонями.

Какая-то старуха, причитая, кинулась перевязывать мне руку платком.

— А теперь пейте! Все! Пригубите моей крови! Хотя бы намажьте ею свои губы и облизнитесь! — крикнул я, чувствуя, что происходящее парализовало их, а мне вернуло силу и уверенность.

Гости послушно пустили чашу по кругу, и через несколько минут всеобщее возбуждение достигло высочайшей степени. Их опьянило одно осознание того, что они пьют живую человеческую кровь.

И все запели свадебную песню.

Иуда заплакал.

Какой-то бритый человек, про которого мне потом сказали, что он подослан римлянами, сказал с усмешкой распорядителю свадьбы: «Хорошее вино всегда подают сначала, а ты сберег его до сих пор...»

Что ж, кровь чудодейственна, она самая совершенная часть нашего организма и сочетает четыре корня, из которых состоит все сущее: землю, огонь, воздух и воду. У некоторых людей пропорции этих корней отличаются от обычных. Например, моя кровь сильна, потому что в ней больше огня. Но главное, конечно, то, что в крови растворены две души человека — душа *animalis*¹¹ и душа *vegetabilis*¹², поэтому тот, кто пьет кровь, больше ни в чем не нуждается. Кровь — идеальный источник жизни.

Смешно, если эта свадьба была устроена только ради того, чтобы выяснить, на что я способен.

---

¹¹ Оживляющая (лат.).

¹² Растительная (лат.).

ГЛАВА 6

Письмо

В тот день я пришел с учениками в масличный сад недалеко от Каны. Женщин с нами не было. Мы решили пообедать там, подальше от страждущих, которые стекались ко мне. Мы принесли с собой разнообразной еды и разложили ее на земле на куске холста. Выпили эшкольского вина, и у всех было веселое расположение духа. Кроме Иуды, Симона и Андрея к тому времени рядом со мной уже постоянно были Филипп и Матфей. Тихий и обаятельный Филипп бросил жену с детьми из-за необоримой тяги к странствиям; как жил Матфей до встречи со мной, я не знаю до сих пор. Этот задумчивый седобородый муж понравился мне тем, что был образован, а это редкость среди искателей истины, у которых нет ни сбережений, ни крыши над головой. Он все время старательно записывал то, что с нами происходило, используя для этого папирусы и куски кожи, а также иудейские манускрипты и римские повседневные документы, которые случайно оказывались у него. Матфей стирал старый текст, чтобы писать на них, либо мои приукрашенные деяния ложились между строк латыни: незначительных государственных актов, долговых расписок и завещаний, отчетов о сборе налогов и частных писем. Где Матфей брал все это? Присваивал умением втереться в доверие к первому встречному, будь то хоть неграмотный раб-посыльный, хоть римский делопроизводитель. Его жалели и ему

верили, к тому же он всегда ссылался на меня. Когда мы уходили из очередного города, Матфей мог взять у кого-то письмо с клятвенным обещанием передать его Елисею в Хайфу или Сусанне в Хеврон, а в результате на этом подчищенном пергаменте оказывалось подробное описание нашего ужина или мое наставление какому-нибудь кающемуся убийце, который, может быть, поступил справедливо, потому что мстил за родственника, но одобрять убийство публично я не хотел.

Правда, Матфей никогда не показывал мне свои записки, и со временем я догадался, что они мало соответствуют действительности — он создавал в них причудливый мир, в котором чувствовал себя как рыба в воде, мало заботясь об истине. Я понимаю, что, согласно Аристотелю, истина относится лишь к соединению и разъединению понятий, но, когда дело касается твоей собственной жизни, события подлунного мира кажутся в высшей степени реальными.

Итак, в тот день мы ели в саду копченое мясо, сладости и пили крепкую сикеру, и я мог вновь ненадолго выйти из роли безупречного учителя. Когда добрый хмель оплел наши сердца, мы громко запели рыбацкую песню, слова которой были нежными и грубыми одновременно, и поэтому не сразу заметили всадников, приближавшихся к нам со стороны дороги на Кафарнаум.

Здесь надо заметить, что мы пели веселую песню галилейских рыбаков, а не одну из тех медленных заунывных песен, которые сочиняют рыбаки Средиземного моря. Думаю, дело в том, что Галилейское озеро не дает своим рыбакам заскучать по дому, они всегда видят родной берег. «Не выпуская из рук сладостнозвучный кимвал, ты на рассвете, мой друг, прекрасную рыбу поймал, — пели мы. — Сеть, острога, гарпун и несколько ласковых слов, месяц весны нисан, красotka в твоих сетях».

Их было пятеро. Главный, мужчина-римлянин в богатых доспехах и красной тунике, слез с коня, отдав поводья помощнику, подошел к нам и спросил, кто из нас Йесус. Поборов страх, я поднялся ему навстречу и как можно приятнее улыбнулся.

У него было красивое нервное лицо. Меня удивила почтительность, с которой он поприветствовал меня, это не свойственно римским военачальникам в общении с еврейскими бродягами: он сжал правую руку в кулак и приложил к груди, кивнув при этом.

Сверкали позолоченные бляхи на его ремне и нагрудные украшения, сверкала полированная бронзовая рукоять меча. Этот человек из благородного сословия источал опасность, воплощал

саму природу власти, и на мгновение я подумал, что он приехал взять меня под стражу, но почему-то хочет сделать это с максимальной любезностью.

— Мое имя Маркус Секст, я командир гарнизона ауксилариев¹³, — сказал он. — Я приехал к тебе из Иерусалима просить о помощи, потому что число десять счастливое для меня... Оно привело меня к тебе.

— Что случилось? — спросил я.

— Мой сын давно болен, а сейчас ему стало совсем плохо. Он умирает. Ты — моя последняя надежда. Врачи не в силах помочь — ни местные, ни египетские. Я узнал в Кане, в какую сторону ты отправился, и вот, нашел тебя...

Из дальнейшей беседы с Маркусом я выяснил, что у его семилетнего сына иногда случаются припадки — жар и видения. Я спросил, какие именно видения. Оказалось, последний раз мальчик кричал, что хочет выбраться из своей кожи, как змея, и родиться заново, что тяжелая кожа ему мешает и поэтому он не может летать... Обнадеживало, что при этом не было ни поноса, ни рвоты.

---

¹³ Вспомогательные римские войска, состоявшие из местного населения.

Я понял, что это не смертельный недуг и к тому же наследственный — склонность к такого рода состояниям читалась в движениях самого Маркуса, в его манере говорить и в экстатически блестящих глазах. В общем, его сын просто иногда видел все так, как есть на самом деле, ведь детям это свойственно, и к ним часто ходят гости, о которых родители могут только с ужасом подозревать.

Если время никуда не течет, а мир — это огненный шар, как сказал мне один мудрец из племени измаильского, то сын Маркуса в бреду мог быть кем угодно, даже посохом в руке пророка Моисея. Тем посохом, который превратился в змею. Да, это сложный язык, но только на нем говорит с нами Бог, если не ленится что-то сказать. И этот язык несоизмеримо выше гнетущей очевидности, которая хуже тяжелой болезни.

Да, я был не очень трезв тогда, но славная пенная сикера придала мне уверенности, и я твердо сказал Маркусу, глядя в его страдальческие глаза:

— Не волнуйся, твой сын уже здоров.

Конечно, я рисковал. Но вероятность того, что ребенок вдруг умрет, была невысока (ведь он, по словам отца, не раз переживал эти горячки), а репутацию учителя надо было поддерживать; как виноградная лоза, пересаженная в сухую землю,

требует постоянного полива, так и мой образ учителя нуждался в настоящих чудесах (как выяснилось позже, мальчику действительно стало лучше и припадки прекратились).

Маркус поверил мне тогда — и мгновенно изменился. Его лицо просветлело. Откуда у него было столько веры? Ее хватило бы на всех священников Храма вместе с начальником их стражи. Это было воистину удивительно! А может быть, и совершенно обычно... Ведь вера в Бога, вера в чудо, вера в меня или другого человека, который говорит что-то хорошее, суть одна вера, та самая, которая заставляла пророков открывать рты, детей — рождаться, которая создавала царства и города...

Маркус достал из кожаной сумки, пристегнутой к его поясу, сложенный вдвое лист папируса, протянул его мне и сказал:

— Теперь это письмо не дойдет по назначению, такова моя тебе благодарность, Йесус.

Затем он поклонился мне, сел на коня и уехал в сопровождении своих легионеров. Когда всадники скрылись из виду, Матфей, хорошо знавший латынь, прочитал письмо вслух, переводя на наш язык, и я запомнил каждое слово, потому что потом перечитывал его много раз:

*«Валерий Грат, префект провинции Иудея,
сенатору Публию Лентулу*

Ты спросил меня о положении дел в провинции. Понимаю, что это нужно для твоего доклада Кесарю, поэтому в предыдущем письме я подробно сообщил почти обо всем, стараясь быть кратким, ибо Он не любит многословия, к коему я сам, каюсь, возымел склонность: и климат, и люди вверенной мне Иудеи столь скверны, что поневоле ищешь спасения в регулярном писании писем, записок и воспоминаний, сидя в прохладе резиденции за высокими кипарисовыми дверьми.

Итак, в дополнение к уже известному тебе хочу сказать об опасности, которая исходит от религии евреев. Их священники каждую минуту могут превратиться в военачальников, а города — в неприступные крепости. Они фанатичны и непреклонны в желании угодить своему божеству, которое, по их мнению, учит ненавидеть Рим. Увы, это божество нельзя уничтожить хотя бы потому, что нет его статуй. Но религией пронизана вся жизнь евреев, и легче законодательно запретить горячему ветру перекачивать клубки колючек по пустыне, чем запретить этим людям приносить жертвы в своем колоссальном Храме, который все время перестраивается и становится еще больше. Здесь в каждом молельном доме плетутся заговоры, а на каждой

площади неистовствует проповедник, призывая к какой-то свободе, хотя эти люди не умеют быть свободными, они сами жертвы в руках своего божества.

Нет никаких сомнений, что главные смутьяны здесь — раввины, поэтому раньше я менял первосвященника каждый год, хотя это вызывало со стороны народа еще большую ненависть ко мне. Я одобрил кандидатуру Анны, а через год он превратился в подобие маленького тирана, разглагольствующего о “голосе крови народа”. После него я утвердил на эту должность Исмаэля, сына Фабии, и все повторилось. Затем в этой роли выступили Элизар, сын Ариана, затем Симон... С тех пор и поныне первосвященником является Иосиф, прозванный Каиафой, он, как ни странно, добродушен и рассудителен, а эти два качества — колонны, на которых зиждется то, что мы называем умом. Иосиф, как и его предшественники, начальствует над Синедрионом — это что-то вроде нашей коллегии жрецов-понтификов, которая заведует религиозной жизнью государства и год за годом спорит о тех или иных аспектах тени, отбрасываемой ослом. Иосиф — полезный посредник между мной и народом Иудеи. Посмотрим, что будет дальше.

Вместе с тем я постоянно занят преследованием и уничтожением банд, возглавляемых отчаянными ораторами, которые одинаково ненавидят и меня,

и своих раввинов. Одного такого болтуна-бандита, который принес людям немало горя и принялся оскорблять меня во время допроса, я убил своим мечом, и стоит упомянуть, что в юности он, говорят, был слугой царя Ирода; теперь, наверное, оба прислуживают Плутону в подземном царстве. Откуда берутся эти пылкие евреи, для которых преступление и откровение — одно и то же? Впрочем, бог дает злему быку короткие рога, и этот неблагодарный народ может хитрить, но никогда не сумеет говорить со мной с позиции силы.

Казненные пусть будут забыты, и я перечисляю некоторых смутьянов, разгуливающих на свободе, чтобы ты мог сообщить их имена Кесарю, если Он вдруг пожелает их знать: Захария из Яффы; Иоанн Хевронский; Иоанн Водосвятец; Иоанн Горящий Куст; Шелемия Глас Божий; Самуил, сын Иосифа; Феодосий из Халуцы; Иосиф Отшельник (этот отшельник бродит со своими приспешниками по всей провинции); Иосиф Нагой; Йесус Нацеретянин; Иосиф Горшечник; Иосиф Мытарь; Левий Большая Лампа; Ионафан, сын Есхлеми; Йоханан, сын Заведая; Немеция Самаритянин (убийца, оправданный Синедрионом); Аврей Сын Грома; Варфоломей, сын Таммая; Фома Йехуда; Иеремия Кузнец Слов; Авраам Красная Борода; Авраам, сын Левия (организовал греческий погром в Яффе); Авраам Плачущий Ишак; Учитель из Махерона (имя пока неизвестно, выдает себя за царя); Феодот Говорящий Кедр; Самуил, сын Иуды;

Адей, сын Авраама; Матафия Золотой Перст; Иуда, сын Алфея; Арсам из Лидды; Иасон Святая Дубина; Натфей Рыбий Глаз; Феофил Золотые Уста; Феофил, сын Симона; Авиит Бывший Легионер; Савватий Критский (был главарем шайки пиратов, заочно осужден на смерть); Авиит, сын Иосифа; Хаврий Неистовый; Симон Зилот; а также Анна Непорочная Мать из Эммауса и Геула Красноречивая.

Кто-то из них образован, но ходит босиком и с непокрытой головой, чтобы произвести впечатление на доверчивых людей, разыгрывая напоказ страстотерпца, кто-то действительно обладает даром предвидения (увы, этот дар богов могут использовать и воры), кто-то обычный безумец, а кто-то сознательный и последовательный враг Рима. И каждый из них считает своим долгом составлять увещательные речи к народу. Слушая их, люди покидают свои дома, подвергают себя телесным истязаниям, не спят ночами, постятся, впадают в болезненное ликование и раздают имущество на милостыню, а также совершают самосуды и другие преступления. Эти ораторы вносят волнения в жизнь провинции, а значит, угрожают империи.

Есть печальная ирония судьбы в том, что я, префект, связан в своих действиях, хотя мог бы в течение месяца переловить и казнить всех лжепророков и заговорщиков, как это сделал Квинтилий Вар после захвата Иерусалима, когда распял две тысячи

повстанцев. С одной стороны, меня сдерживает указ Кесаря, а с другой — угроза волнений, которые могут охватить вверенную мне территорию.

Иногда я выхожу на балкон кесарийской резиденции, где с моря всегда дует бриз и можно обойтись без раба с опахалом, смотрю на лес мачт разномастных кораблей в гавани и ловлю себя на мысли, что хочу уплыть отсюда на любом из них. Я завидую иноземным купцам, которые гостят здесь недолго и отчаливают, избавленные от необходимости видеть эти лица и слышать эту речь.

Бывает, я ловлю преступников, а Синедрион отпускает их. К тому же за неимением хотя бы нескольких злых богов евреи обожествляют меня и мечтают отравить или проткнуть кинжалом.

Сама природа этих людей такова, что, разглагольствуя о добродетели, они мечтают о мести и священной войне, потому что образование им заменяет Тора — собрание местных легенд.

Мы можем помогать этим людям, но они пойдут на любое преступление, лишь бы их обычаи не были разоблачены. Они не хотят дружить с богами, а верят в то, что должны подчиняться своему единоличному божеству, как рабы. Они не приемлют гражданских законов и не могут отчеканить две одинаковые монеты одного веса. Они даже не знают,

что город можно построить согласно плану, дабы он не стал хаотическим нагромождением зданий. Они верят воплям сумасшедших у городских ворот, но не признают ни медицины, ни публичного права. И между ними самими нет мира — они часто приходили ко мне, обвиняя друг друга в богохульстве и требуя расправы, пока я не стал вместо судебного разбирательства сажать в тюрьму на месяц и обвиняемых, и истцов.

Как видишь, я очень нуждаюсь здесь в советах камены Эгерии¹⁴, но даже она, наверное, не знает, что нам делать с религией евреев, которая, как мне кажется, может скоро превратиться во что-то еще более дикое. Моя тревога в этом письме предназначена только тебе, Публий, я не хочу, чтобы Кесарь считал меня изнеженным паникером. Нет, я решителен и при необходимости жесток, иначе не смог бы столько времени управлять этой бесплодной провинцией с темным будущим.

Преданнейший твой

В. Г.

Иерусалим, 7-го месяца, 12-й год правления Тиберия Кесаря».

---

¹⁴ Итальянская нимфа, помогающая в разрешении вопросов политической и религиозной жизни.

Это письмо опечалило меня, а еще больше — учеников. Оно означало, что я был врагом империи для префекта провинции, а значит, и для всех остальных. Мое имя было выхвачено из мрака, в любой день со мной могли расправиться, и единственным спасением от этого было перестать свидетельствовать о Боге Живом, распустить учеников, лечь на дно, словно дак моше рабейну¹⁵, поменять имя... Но меня успокаивало то, что письмо не дойдет в Рим (если оно, конечно, не было копией), и то, что Валерий Грат, судя по всему, не решится преследовать еврейских проповедников без разрешения императора. Я должен был просто привыкнуть к тому, что за мной вот-вот может начаться охота, и не придавать этому большого значения. Я попросил Матфея сохранить письмо и строго запретил ему портить его новыми записями поверх текста.

Я понял, почему Маркус приехал ко мне — я был десятым в списке тех, кто мог ему помочь.

Чтобы ободрить учеников, я призвал их удивиться тому, какой веры исполнен Маркус, притом что он не еврей. Человек из племени захватчиков. Представитель надменной и хищной империи Рима проявил веру, которая поистине заслуживает Божией любви, и он, Маркус,

---

¹⁵ Камбала, рыба пророка Моисея (ивр.).

обретет спасение, в отличие от многих нерадивых сынов нашего царства.

Меня немного повеселило то, что мое имя присутствовало в письме вместе с именами первосвященников. Что касается других имен... Я встречал некоторых из этих проповедников и считаю, что они не только не опасны, но и просто не заслуживают упоминания. Авраам Красная Борода — обычный пьяница, впрочем, не лишенный обаяния; Феодот Говорящий Кедр — достойный сочувствия мечтатель, решивший, что получил божественное откровение от белки, живущей на кедре, а Геула Красноречивая устраивала свадьбы детей, аргументируя это тем, что на небесах скопился большой запас еврейских душ, которые должны как можно скорее получить свои тела.

Мы провели в саду весь день, а на закате, когда каменистые холмы вдалеке стали сначала золотыми, а потом, с наступлением сумерек, красными и фиолетовыми, отправились обратно в Кану, в один из тех ничем не примечательных домов, которых у нас было много.

ГЛАВА 7

Иерусали

Иерусалим — злой город. Он притягивает бесконечностью прямых и закругленных углов зданий на кривых улицах, гулом толпы, угольным дымом печей, в безветренный день окутывающим все, притягивает возможностью увидеть новое. Ароматы пряностей на рынке и вонь мясных рядов, смешение звуков, народов, союз медных и серебряных монет. Или вдруг мелькнет вечное золото в осторожных руках торговца, который для верности третий раз пересчитывает ауреусы. Здесь сирийцы, египтяне, набатеи, даки, мидийцы, кадусии, лукавые развращенные эллины; здесь безродные откупщики и братья-иудеи, от которых надо держаться подальше, если ты осмотрителен, — не сомневайся, они найдут способ под благовидным предлогом опустошить твой дорожный мешок, а если сильно не повезет, прирежут в темном углу возле винной лавки и бросят в Змеиный пруд или в канаву с нечистотами, где тебя сожрут собаки, даже если еще будешь дышать и дергаться. Здесь римские сановники в тогах с пурпурной полосой и невозмутимые рослые легионеры, а ненавидящий их сикарий прячет кинжал под плащом; здесь можно на час или навсегда купить девушку или юношу любого оттенка кожи и выгодно продать стадо краденых и меченных фальшивым клеймом овец. Лавки с товарами на любой вкус и кошель. Толкотня, крики. Двигутся толпы — засаленное тряпье сельских богомольцев, простые серые одежды горожан, льняные хитоны до пят

и тонкие, как паутина, восточные ткани на богатых женщинах. Солнце блестит на копьях иудейской стражи, патрулирующей улицы. Возле Храма вдруг засияло среди расступившейся толпы баснословно дорогое облачение священника, украшенное золотыми колокольчиками. Вот он, великий Храм на холме, место сотворения Адама! Поднялся над лачугами бедняков и домами приличных людей, нависает над шлемами римских всадников и этим злит их. Камни вокруг его жертвенника не высыхают от крови и жира лучших животных, пространство между рогов луны сотни раз заполняется светом, а в нем не смолкает молитва и не гаснут лампы. «Тот, кто не видел Храма Ирода, не видел прекрасного здания», — говорят люди и не врут. Великолепный Храм, не принадлежащий никому, центр всех малых домов Моисея, где день и ночь воскурятся ароматные травы, притупляя запах вскрытой плоти. Четверть миллиона агнцев будет заколото в нем во время дней Песаха — пол возле жертвенника имеет наклон для стока воды от замывания крови. Огромная голубая завеса перед святилищем колышется от ветра, притягивая взгляды. Храм — это возможность. Храм — это решительность. Это власть.

Иерусалим — город темных подвалов и темных глаз. Наделенный дикой жизненной силой, он припал к пустынной иудейской земле, как ящерица к раскаленному солнцем камню.

Я оказался в Иерусалиме вечером накануне Песаха. Со мной были Иуда, Андрей, Симон, Матфей и Филипп, мы пришли с караваном богомольцев, оставив наших женщин и помощников в Галилее.

Входя в город, я с грустью вспомнил свой первый Песах здесь, умершего отчима Иосифа, но по-прежнему не испытывал хороших чувств при мыслях о матери.

Мы переночевали в Верхнем городе, в богатом квартале, нас приютил одинокий старик, с которым Симон успел познакомиться на рынке. Он пообещал старику помочь вылечиться от подагры. Когда утром мы уходили, старик напомнил об этом, и я посоветовал ему отпаривать ступни в отваре иорданской колючки, метельника и расторопши.

В городе было беспокойно, войска префекта вновь отгоняли протестующих от его дворца. Накануне были казнены несколько zelотов, которые, как всегда, готовились к бунту, не желая быть всего лишь птицами, сидящими на ветви чужой империи.

Да, Иерусалим влек меня, я чувствовал свою силу. Казалось, могу убедить кого угодно в том, что я — тот посланник, о котором говорили пророки. А что есть Бог, если не радость встречи

и удовольствие? Упоительная власть и блаженный покой. Никто не может управлять миром справедливо: книжники одолеваемы своими страстями, постники-назарееи другими, а римская власть — это просто машина под прикрытием тряпичных богов. И никто не скажет народу Израиля: возрадуйся в мире, избранный! Не трать деньги на жертвы для Храма, не плати налоги кесарю. Будь сильным! Ищи новый путь! Уважь Бога медовой лепешкой, ладаном и песнопением, такие дары Ему милее убоины и ножа в жертвенной корзине!

Но город был сильнее меня. Иерусалим был чудовищем, которое занималось глубокомысленным наблюдением за стадиями собственного распада. Вокруг моих рук, казалось, скользили синие молнии, я был страстью Духа и мог возжечь взглядом светильник, но сон Иерусалима был еще слишком крепок. Вол знает своего хозяина, осел — ясли своего господина, птица — свое гнездо, но Иерусалим пока еще не хотел знать меня.

Однако я решил вступить в диалог с городом. Я знал, что должен быть ревностным и бестрепетным учителем, и меня не останавливало то, что легче было услышать ответ, разговаривая с дохлой лошадью, чем со своим родным народом и городом, ставшим символом народа.

Утром я велел ученикам выпить вина и повел всех к Храму. Матфей догадался, что мы идем не просто помолиться и принести жертву, и ему стало страшно. Он вспомнил про письмо Валерия Грата и повторял, что, случись чего, нас примут за бунтовщиков и будут судить. Я успокоил его.

Мы приблизились к восточным воротам Храма. По обеим сторонам от них теснились торговые лавки и столы менял. Я вспомнил, как много лет назад эти корыстолюбцы обманули моих родителей. Волна негодования поднялась во мне, и люди в толпе стали отшатываться от меня, будто опаляемые невидимым огнем, а торговцы и менялы боялись смотреть мне в глаза. Жадность — вот один из мерзейших пороков наших людей.

Менялы бесконечно обманывают нас возле нашего же Храма!

И вонь! Вонь от сотен голов жертвенного скота во внутреннем дворе, примыкающем к самому святилищу! Овцы, быки и горы навоза... Вот оно, сокровенное добро священников, которые смеют поучать народ.

Навоз, алчность, недоверие... Звон монет заглушал пение левитов. Надменная жадность одержала

победу, мозаичные полы и портики были заняты прасолами и ростовщиками, погонщиками быков и овец. Навоз, разливы навоза! Около храма Венеры на горе Эрике и то было чище, и язычники там действительно молились, а не устраивали зловонный базар... Или возле храма сирийской богини в Гиераполисе...

Хоть кто-то должен был сказать правду! Скверную правду, что серебро в Храме стало изгарью, а вино Храма испорчено стоячей водой. Но нет, все вокруг были захвачены этим бурлящим потоком. Казалось, будто все это видел и осознавал только я...

Было солнечно, мое сердце часто стучало после двух кубков чистого вина.

Я велел ученикам стоять и ждать меня, схватил длинный кожаный ремень с прилавка какого-то торговца и побежал во двор, где томилась скотина. Я кричал и размахивал ремнем, выгоняя коров и овец на прилегающую улицу, и каждое мгновение удивлялся тому, что меня еще никто не остановил. Я поскальзывался в лужах навоза, падал, вставал и с проклятиями хлестал животных ремнем. Толпа замерла, наблюдая за мной. Выгнав несколько коров, я подбежал к ближайшему меняле и перевернул его стол с монетами, затем — к другому, сделав то же самое. В рукаве

следующего менялы блеснул нож, и я не рискнул к нему приблизиться. Возбужденная толпа ревели, и я закричал менялам:

— Это дом моего отца! Я сын Бога, слышите?! Больше не делайте из Храма дома торговли! И вашим священникам передайте! Мое имя Иисус! Запомните, алчные недоумки!

Меня окружила уstraшенная и оскорбленная толпа. Но все понимали, что я рискую жизнью, и поэтому невольно испытывали ко мне уважение. Вопили менялы, растерявшие часть своих денег. Ученики как могли оттесняли от меня любопытных, некоторые люди кричали, что знают меня и что я преступник.

— Почему священники, левиты и служащие при Храме освобождены от всех налогов?! — продолжал я. — Потому что они превратили людей в скотину! Но скоро это кончится! Скоро уже!

Схватить меня никто не решился только потому, что после беготни за скотиной и падений я весь был перемазан навозом.

Приблизился какой-то старый высокий священник с длинной и темной, как корабельный вар, бородой, схватил меня за единственный край одежды, оставшийся чистым, и прорычал:

— Кем ты себя возомнил, сумасшедший? Зверь! Ничтожество!

— Я разрушитель! — заорал я так, чтобы слышали все вокруг. — Вы погрязли в невежестве! Я разрушу Храм из дерьма и построю новый! Сам! Своими руками! — И я потряс ладонями перед лицом священника, перед его страшной, блестящей умасленными кольцами, черной бородой, затем переглянулся с учениками, и мы побежали, расталкивая зевак.

Андрей оступился, упал на прилавок торговца стираксой¹⁶ и голубями, которые заметались внутри своих опрокинутых клеток, вскочил, оттолкнул торговца и благополучно догнал нас. С минуты на минуту могла появиться стража Храма, и тогда мы оказались бы в беде. Сбежав с Храмовой горы, мы затерялись в переулках Нижнего города. Нас никто не преследовал, и это еще одна из случайностей, благодаря которым мне удалось спастись.

Я был истощен духовно, но понимал, что не мог поступить иначе. Все были напуганы, кроме Филиппа, который удивительным образом сохранил радостное спокойствие. Мне раздобыли чистую одежду, и в тот же час мы бежали из Иерусалима. Я чувствовал голод города, казалось, его камни

---

¹⁶ Ароматная смола, покупалась верующими для сожжения на жертвеннике Иерусалимского храма.

стонали от желания выпить мою кровь. Назад, в Галилею!

Ведь я сказал им страшную, невыносимую вещь — что разрушу Храм, на который истрачено столько сокровищ за сорок шесть лет строительства! Тысяча священников строили его своими руками, потому что только они, избранные, имеют право прикасаться к этим глыбам белого и зеленого мрамора, а еще десять тысяч человек были заняты на вспомогательных работах... И против всего этого торжества постепенности, рассудительности и вечных правил — я один.

Сейчас я думаю, а стоило ли устраивать все это? Нужен ли Храм вообще? Ведь один визит к хорошему лекарю для страждущего человека полезнее, чем многолетняя пасхальная жертва чистой монетой, пусть даже из этого Храма уйдут ложь, зловолие и корысть.

ГЛАВА 8
Шаммай

Мы решили идти в Галилею по Самарийской дороге. Торопились, хотели скорее отдалиться от Иерусалима, и только к вечеру следующего дня, будучи на севере Иудеи, остановились для отдыха в старом масличном саду возле ручья, неподалеку от селения Хазе-Эль, жители которого известны тем, что ведут свой род от царя Зимри, правившего всего семь дней, а еще больше тем, что умеют делать пенную сикеру из ячменя и хмеля и великолепно готовить печенную с травами ягнятину.

Это место облюбовали и другие путники — поодаль виднелись полосатые черно-серые шатры, женщины стряпали что-то, бегали дети, паслась скотина.

Мы устроились неподалеку. Матфей развел костер и принялся писать что-то на одном из своих папирусов. Остальные ученики ушли в селение раздобыть еды, может быть, знаменитой местной ягнятины — у нас еще оставались кое-какие монеты, хотя последние дни мы их только тратили и не устраивали проповедей с целью заработать.

К тому же я старался быстрее унести ноги из Иерусалима, не привлекая внимания, и тут уж было не до сбора средств посредством пылких речей.

Деньги у нас подолгу не задерживались, я заставлял учеников делиться с неимущими, да и сами

себе мы мало в чем отказывали, стараясь каждый день превратить в праздник.

Я спустился к ручью и три раза умылся чистой проточной водой. Затем мне стало интересно, что за люди раскинули шатры рядом, я направился туда и, подойдя ближе, увидел, что под толстым полуиссохшим масличным деревом в кресле сидит старик. Этот старик взглянул на меня с такой скорбью, что она, казалось, окружала его серым облаком, подобным туче мошкары.

Дерево, под которым расположился старик, было столь древним, что, наверное, помнило Вавилонский плен и воинов царя Навуходоносора.

По сравнению с этим человеком я почувствовал себя мальчиком. Мне захотелось, чтобы он положил мне руки на голову и благословил меня, но это была рожденная слабостью и усталостью от дороги робкая мысль, которую я тут же отогнал прочь.

— Кто ты? — спросил старик и, не дожидаясь моего ответа, продолжил: — Я, кажется, знаю. Ты один из этих, которые думают, что им принадлежит будущее. Назови свое имя.

— Йесус из Нацерета, — сказал я. — А как мне обращаться к твоим почтенным сединам?

— Шаммай, — произнес старик.

Я понял, что вижу известнейшего законоучителя, о котором слышал еще в детстве. Этот человек всю жизнь провел в дороге и проповедях, обустривая духовную жизнь народа, с ним встречались цари и великие мудрецы; такие, как он, дарили евреям радость быть евреями, но он был жесток, по его прихоти было совершено немало казней за религиозные проступки, в других странах считающиеся незначительными.

По желчному и суровому лицу старика было видно, что это очень сильный человек, но он угасал телесно, как угасали ветхие истины Закона, свет которых он нес всю жизнь.

Заметив меня, к нам быстро подошел кудрявый юноша могучего телосложения, по-видимому, внук Шаммая, он спросил старика, всё ли в порядке, не мешаю ли я ему. Шаммай движением руки приказал ему отойти, юноша повиновался.

Оказалось, в шатрах расположилось большое семейство Шаммая, и сейчас он уединенно молился, сидя в своем тяжелом резном кресле из драгоценного черного дерева, которое носили за ним по всей стране. Даже беседуя с тетрархом Антипой, он, говорят, сидел в этом самом кресле... И так же, сидя в кресле, наблюдал, как врагов

Закона побивают камнями, предварительно закопав до плеч в землю.

— Подойди ко мне, Йесус, — сказал он и добавил: — Я слышал о тебе.

Я подошел ближе, подумав, что слухи о новых пророках распространяются по нашей земле быстрее, чем привычки к добродетелям.

— Знаешь, сын, что сейчас занимает меня больше всего? — спросил Шаммай.

— Что же? — спросил я, вежливо склонив голову.

— Смена времен года. Но истинная вера — это не время года, она не меняется, она только умирает. Ты захочешь ее изменить — и она погибнет. Ты еще молод, но я вижу, что от тебя, сына Израиля, зависит многое. Не позволяй нашей вере превратиться в пыль. Иначе царство наше никогда уже не обретет свободу и будет уничтожено. Понимаешь?..

Мне стало смешно при мысли о том, что этот старик, который едва дышит, беспокоится обо всем царстве — всего лишь очередном в неумолимом, как следует из преданий, процессе рождения и гибели царств.

Но я сохранил почтительное выражение лица и сказал:

— Авва Шаммай, ты живешь в постоянном страхе осквернения и готов очистить от скверны само солнце. Это помогает тебе жить. Я тоже хочу научиться благочестию, но быстро... Скажи, можешь ли ты подняться из своего кресла, встать на одну ногу и преподать мне весь Закон, пока стоишь на одной ноге?

Шаммай сверкнул глазами, но сумел подавить гнев. Его задела эта насмешка. Затем он сокрушенно вздохнул и произнес:

— Вижу, ты мысленно упрекаешь меня в жесткости, но не говоришь этого. Ты, Йесус, ветреный человек, легок, словно пух птицы, но и слова твои легковесны.

— Зачем нам тяжелые слова, Шаммай? — спросил я. — Представляешь, как тяжело будет носить с собой буквы Алеф, Бет и Гимель, отлитые из олова и свинца, учитывая то, сколько слов ты говоришь людям каждый день?

Шаммай улыбнулся. Это не было похоже на обычную человеческую улыбку, правильнее будет сказать, что он перешел из одного скорбного состояния в другое, слегка изменив выражение лица.

— Впрочем, в этом есть и польза, ведь такие слова можно будет забрать обратно, — продолжал я. — Спрятал обратно в мешок и пошел, ведь все мы сожалеем о каких-то словах, сказанных поспешно.

Мы вновь замолчали, глядя друг на друга. Женщина принесла Шаммаю молока в чашке и удалилась. Он отпил половину, наклонился, поставил чашку на небольшой плоский камень рядом с ножкой своего черного кресла и достал из складок одежды маленькую янтарную курительную трубку, а также мешочек, в котором оказался киф — сухая ливийская трава, дым которой вызывает приятные мысли и расслабленность.

Он набил трубку, окликнул женщину, и она поднесла ему от костра головешку, чтобы возжечь траву. Он закурил, сделал вдох и протянул трубку мне.

Мы с ним вдыхали пьянящий дым по очереди, делали по маленькому глотку молока из его чашки, это было хорошо. Я, умиротворенный, подумал тогда, что Шаммай, может быть, и есть мой настоящий отец. После очередного вдоха у меня закружилась голова, и я сел на землю рядом с черным креслом.

— Ты — мышь в горшке, Йесус, — сказал Шаммай.

Мне это почему-то показалось очень смешным, и я засмеялся.

— Согласно Закону, — неторопливо говорил Шаммай, — мышь оскверняет горшок, горшок — человека, евшего из него, а этот человек — другого человека. Но ты прав в том, что благочестие часто рождает страх. И лучше быть смелой живой мышью, чем дохлой кошкой, не совершившей ни одного греха. Вот я стар и благочестив — и что мне с того?

— У тебя есть ученики, — сказал я, ободряя его. — Они живут во многих селениях, и все называют их детьми Шаммая.

— Ты знаешь, — ответил на это Шаммай, — что на полях, убранных заботливыми руками селян, растут камни?

— Да, — сказал я, — говорят, это происходит, когда холодная ночь сменяет жаркий день, и земля выталкивает камни наружу.

— Вот так и любые ученики подобны камням, которые всегда растут сами по себе, независимо от нас, — скорбно заключил Шаммай.

Стемнело, но мы еще долго беседовали. Женщины Шаммая принесли и зажгли лампу, повесив ее

на сук масличного дерева. Лампу тотчас окружила мошкара, и я подумал, что эти крохотные крылатые твари подобны наивным паломникам, стремящимся на праздник света, чтобы сгореть в нем.

Прощаясь, Шаммай подарил мне свою янтарную трубку.

«Да-да, — думал я, засыпая возле костра рядом со своими учениками, — Шаммай всю жизнь дает евреям утешение, словно горький бальзам, но в его учении нет богодухновенности, это прах в золотой скорлупе гордыни. А я обычный человек, забочусь о радостях желудка и усладах любви, друг мытарей и грешников, но я дарю людям восторженное сомнение, ведь только оно рождает поистине новую жизнь».

ГЛАВА 9

Зайин

После беседы с Шаммаем мне приснилось, что я создал денежный храм, похожий на усыпальницу египетского царя, при этом он был сделан из воздуха, приносил прибыль, а все, кто приходил в него, были счастливы и благополучны. С оговоркой, что это продолжалось до определенного времени, а потом рушилось, будто из-под храма вытаскивали его основополагающий камень.

Но что вечно? Все растворяется в бездне.

Суть была в том, что люди приносили нам деньги, которые мы обещали вернуть с прибылью, и каждый такой вклад был подобен кирпичу в стене этого умозрительного сооружения. Например, человек по имени Элиша давал мне три сикля, а через месяц получал назад четыре сикля, ничего не делая, пребывая в праздности и радостном ожидании. Откуда же мы брали деньги, чтобы отдать Элише? И зачем все это? Очень просто: за месяц мы собирали с людей такую сумму, что ее хватало на выплату обещанного, потому что многие не забирали свои деньги, вновь доверяя их мне, чтобы получить еще больше.

Мы открыли что-то вроде лавки, и люди несли нам монеты, слитки, самоцветы и украшения, дорогие одежды. Приводили скотину и даже рабов, но ни то ни другое мы не принимали, потому что

трудно незаметно сбежать из города с толпой рабов или стадом баранов.

В тот момент, когда набралась внушительная сумма, я с учениками тихо исчез, чтобы где-нибудь в другом городе начать все вновь. Из Вифании мы пошли в Герасу, оттуда в Тир и так далее. Часть полученной прибыли раздавалась болтливым нищим, чтобы поддержать мою репутацию, а остальное тратилось на то, что все мы называем простыми человеческими удовольствиями.

В этом сне никто не преследовал меня, никто не жаловался префекту покинутого нами города на обман, и деньги приносили нам столько счастья, что это даже укрепляло веру в Бога.

Андрей купил себе прекрасный дом в Кесарии, сын рыбака Симон купил себе в Риме место сенатора (я не поверил в это даже во сне), Матфей стал экдосисом¹⁷ и открыл скрипторий, где тексты переписывали специально обученные люди; он построил для этого дом в Иерусалиме, обширными собраниями свитков не уступающий знаменитой библиотеке Лукулла. Иуда женился на дочери богатого иудейского вельможи и посвятил все время изучению звезд и составлению карт неба, а Филипп создал в Иерусалиме великолепный и очень

---

¹⁷ Издателем (лат. *ecdosis*).

дорогой лупанарий для заезжих патрициев, в котором при этом умные, но бедные молодые евреи могли обслуживаться бесплатно.

Я же стал поэтом и писал только на благозвучной латыни, большинство букв которой были отлиты из чистой меди, а не из олова и свинца, как в иудейском алфавите. У меня появилось множество новых учеников, потому что слава моя росла и никто не преследовал меня, люди не боялись сближаться со мной, ведь я уже не считался вольнодумцем и вредным для государства проповедником. Власть имущие не призывали судить меня за возмущение народа Израилева, то есть самое страшное, что мне грозило, — колкий упрек в несовершенстве слога или в неточности описания какой-нибудь детали, например звука пощечины или оттенка цвета туники героя.

Лежа в триклинии из тесаного белого камня на шитых золотом подушках, безупречными увесистыми латинскими буквами я выводил первые слова своей поэмы: «Развяжет раб мои сандалии, а Бог развяжет мне язык», смотрел на эти строки и зачеркивал их, чтобы написать еще лучше. Затем я вдруг увидел красивое надменное лицо правящего первосвященника Каиафы, его плотную фигуру в одеждах, достойных иных царей.

— Умолкни, Йесус! — сказал Каиафа. — Чтоб высох твой язык!

— Почему? — спросил я.

— Мы всё знаем про тебя, Йесус, — продолжал Каиафа. — Ты разбогател несправедливо с помощью храма, который выдумал из пустоты, и будешь наказан за это, но, если прекратишь писать свои поэмы на чистейшей латыни, мы еще подумаем и дадим тебе шанс, пиши молитвенные гимны на своем родном языке.

Но время шло, судный день близился, и вот уже солнце однажды утром взошло на западе, это был очень плохой знак, а я не останавливался и продолжал работу: пробовал буквы на вес и подбирал слова, я ворочался на своем ложе, пытаюсь расставить тяжелые медные строки в нужном порядке, пытаюсь найти такое положение тела, при котором не то чтобы будет удобно, но хотя бы ничего не будет болеть. Наш мир погибал, и я увидел, что остались только два слова: «зохар»¹⁸ и «пирук»¹⁹.

Я очнулся. Ученики спали. Рядом со мной безмятежно, как дитя, посапывал Иуда. Костер догорал. Теплый ветер плыл в ветвях масличных деревьев, шелестели крылья пророков в недрах Млечного Пути, а во рту у меня было так сухо,

¹⁸ Свечение (ивр.).

¹⁹ Распад (ивр.).

что, пока не попил воды, не смог бы произнести ни слова.

Сидя у ручья, я слушал, как журчит его темный поток на камнях, и думал о том, есть ли способ донести важные слова сразу до всех людей в разных концах земли? Без голубиной почты, без лошадей и гонцов. Вряд ли получится полноценно сделать это с помощью столбов дыма или блеска металлических пластин, которыми подают сигналы друг другу римские когорты с возвышенных мест.

Все это слишком долго. Скорпион пробежит — и ты уже изменил свое суждение, оно бесполезно, и нет смысла сообщать эти слова другим смертным.

Впрочем, нужно ли это, например, мне? Все самое главное я доверяю лишь близким людям. Толпа бессмысленна, хотя мне постоянно приходится иметь с ней дело...

Нужно. Ведь не обязательно любить народ, главное — делай свое дело. Сколько твоих предков успело обзавестись потомством прежде, чем умереть, и все это только ради твоего появления на свет! Так что если есть что сказать — говори, особенно если красноречив и твои речи идут от сердца.

А что если узнать состав слов? Ведь в мире, как полагает Эпикур, существует только

материя, которой противоплагается пустота, а материя состоит из бесчисленного количества атомов. Значит, надо разбить слова на атомы! Поскольку атомы составляют все сущее, слова могут собираться из них по моей воле где угодно, в любом количестве и в любой час — хоть в Сарматии, хоть в Мемфисе. Главное — разгадать тайну шифра...

Да, ключ есть ко всему во Вселенной.

Если я не буду останавливаться, если преодолю сопротивление и буду думать, если болезнь не оборвет мою жизнь, книжники не добьются моей казни или фанатик не ударит меня ножом, то когда-нибудь я обязательно найду этот ключ...

Близилось утро. Мотыльки кружились в лунном свете. За эти дни, особенно после случая в Иерусалиме, я соскучился по женской ласке, ведь опасность всегда обостряла мою тягу к женщинам, будто кто-то подсказывал: торопись любить, ты не вечен (кстати, может быть, это и есть «голос совести», который недавно открыли эллинские философы?). Я вернулся к костру и лег на свое место, воображая, что меня обнимает гибкая зеленоглазая мулатка, красивая, как Хатхор, и мудрая, как двухсотлетняя змея, ведь ум женщины часто распаляет мужчину сильнее, чем очевидные достоинства ее тела.

Иногда я думаю, что Бог — это возбуждение, внезапная тяга к тому, чтобы соединить несоединимое: мышь и змею, уродство и наслаждение, добродетель и ярость, римских эквитов и нищих ревнителей Иудеи, воду и серебро. Какой силы первобытное одиночество овладело Им, чтобы Он решился на все это?

Бог был один в предвечном пространстве, когда восстал Его могучий зайин, подобный отлитой из золота и перевернутой букве

י²⁰

Что стало женщиной для Него? Конечно тьма. Бог вошел во тьму, сочетался с ней, излил в нее бледное семя смысла, и с этого момента началась катастрофа — противоречивая жизнь всего.

Появились другие буквы, и возникли слова. Как известно, у разных народов они изготавливаются из разных материалов. Не сомневаюсь, что где-то на северо-востоке есть люди, слова которых вырублены из тяжелой черной древесины, а еще севернее закутанные в меха люди используют слова, которые высечены из льда и способны пропускать свет.

---

²⁰ Зайин — седьмая буква еврейского алфавита; издревле обозначает мужской член.

Но большинство самых первых слов сделаны из камня. Тихой ночью, когда не доносится топот всадников, не кричит сова, не крутится мельничное колесо на реке и не потрескивает костер, приложи ухо к земле и услышишь песню на языке камней, которая звучит со дня творения. Она совсем не похожа на то, когда веселая женщина, взяв в руки тимпан²¹, играет и поет для тебя, нет, это напоминает далекий, торжественный и тревожный зов шофара, в который трубит архангел, призывая всех грамотеев к последней войне.

Я видел букву, которая была головой быка, букву-рыбу и букву-глаз, который надлежало выколоть. Буквы из ртути, буквы из костей, буквы из теста. Две буквы, которые были ушами собаки. Я видел неповоротливые слова, которые шли по иссохшей красной земле друг за другом, как стадо слонов к водопою. Я слышал блистательные речи, изъеденные червями. Я наблюдал, как из материнской тьмы исходили слова, ставшие толпой жалких рабов.

Однажды в Яффе я стал свидетелем того, как молодому рабу-бритту отрезали язык в наказание за то, что он пытался бежать — спрятался на фракийском торговом корабле, готовящемся к отплытию, среди мешков с товаром, но был пойман и возвращен хозяину. Дело могло обойтись поркой и длительным голодным сидением на цепи, но пойманный

---

²¹ Бубен.

раб ругался, оскорбляя хозяина — старика-римлянина. Старик отнесся к этому спокойно, понимая, что тот в отчаянии, но вмешалась молодая жена старика, утверждая, что, поскольку раб ругался публично весьма скверными словами, его необходимо прилюдно наказать во избежание дурной славы об их семействе.

Бритта привязали к мраморной колонне в порту. Собралась толпа, среди которой были другие рабы: эллины, азиаты, скифы, негры, даже германцы, выделявшиеся длинными лохматыми бородами. Все они с жадным страхом наблюдали за наказанием — зрелище, по мнению их господ, должно было пойти рабам на пользу.

Палач заставил бритта открыть рот, подцепил его язык острым крюком и сделал быстрое, почти незаметное движение ножом. Из рта раба хлынула кровь, и его язык, похожий на красного моллюска, упал на каменную плиту набережной.

Мне было жаль этого бритта, но в книге Ездры сказано: «Лучше для человека не родиться, лучше не жить, ибо твари бессловесные счастливее человека», — и кто знает, может быть, потеряв язык, этот раб наконец обрел свое тихое счастье?

ГЛАВА 10

Самарянка

Вскоре мы оказались в Самарии, в городе Сихзре, где благочестивым людям делать нечего, но меня это не пугало. Да, там живут иудеи, которые смешали свою кровь с сирийцами и народом Двуречья, и наши духовные отцы строго осудили это. Но разве можно измерить любовь к Богу чистой кровью?.. Да и мнение законоучителей меня всегда интересовало только лишь как собирателя горьких человеческих заблуждений.

Деньги у нас к тому времени кончились, мы были постыдно голодны, а заработать проповедью я не мог, потому что во мне временно, после разговора с Шаммаем, угас этот огонь. Ученики выпрашивали у придорожных селян немного пищи — луковицу или лепешку, и случился маленький праздник, когда Иуда умудрился украсть овцу, которую мы зажарили в укромном месте и съели, вознеся к небу молитвы о ее хозяине. Хотя, если быть объективным, истинным начальником этой овцы был не пастух и не селянин, растящий ее на убой, а только Бог, если он, конечно, существует. А еще хозяином и мужем овцы может считаться какой-нибудь баран.

Покорно признаю, что огонь — слишком торжественное и при этом многозначительное слово для того, чтобы описать мою способность беседовать с людьми, поднимая им настроение,

да еще зарабатывая этим на жирный кусок мяса и бурдюк доброго вина. Поэтому лучше сказать так: во мне ненадолго погасла чадящая лампа, копоть которой многим раздражала глаза и мешала дыханию, но зато в свете этой лампы обнажались самые скверные и сокровенные истины.

Не раз в те голодные недели я вспомнил дни изобилия, которые были у нас в Кафарнауме, в чудесном доме вдовы, и мечтал скорее туда вернуться. Но шли мы на север, в сторону Кафарнаума, медленно и осторожно, часто останавливаясь. Мы прятались от военных разъездов и от богатых повозок иудейской знати. На дорогах в ту весну часто ловили вестников всеобщей свободы и даже приговаривали некоторых к смерти.

И меня это поражало: зачем люди изобрели письменность и колесо? Искусство медицины? Зачем смягчают условия содержания рабов? Ведь при этом торжестве разума в каждый миг может оборваться нить жизни случайного человека, который мог бы стать поэтом всех времен или милостивым мудрым царем, изменившим мир к лучшему, или не стать ни тем ни другим, но быть не менее ценным для того, кто его по-настоящему любит, хоть для собаки или женщины.

Накануне Симон сходил в Сихзру один, чтобы узнать, не опасно ли там, а мы ждали его поблизости в укромном месте. Он был выбран для этой миссии потому, что лицом меньше всех из нас походил на иудея или галилеянина, и мы надеялись, что он своим видом не прогневет самарян.

Симон вернулся и сообщил, что жители Сихзры смурны и недоверчивы (как и следовало ожидать) и непросто будет заполучить там сытную трапезу и ночлег, но есть шанс: он встретил самарянку, с помощью которой все это можно легко осуществить...

Случилось так, что возле колодца у подножия горы Симон оказался с этой женщиной вдвоем и никто их не видел. Он сказал ей что-то хорошее, она доверилась ему и в слезах рассказала, что над ней каждый день издевается муж, местный мельник, подозревая женщину в измене, которой не было. Происходит это к вечеру, когда он напивается вина. Ее глупый муж убедил в этом чуть ли не весь город, и дело всерьез шло к тому, что ее могли наказать по суду старейшин. Бежать ей было некуда, и она с мольбой обратилась к Симону, потому что справедливо увидела в нем человека, который мог ей помочь.

Что делать, Симон сообразил сразу. В его большом кожаном мешке, набитом всякой

всячиной, хранился запас простейших лекарств, и одним из них было снадобье, которое вызывает сильнейший понос и жар и применяется при отравлениях как очищающее средство, — порошок из листьев сенны, семян арктиума и крокодильего помета.

Симон дал ей это снадобье в мере, достаточной, чтобы несколько взрослых мужей провели некоторое время в корчах, и велел подмешать супругу в кувшин с вином, которое тот пил каждый вечер.

Женщина оказалась сообразительной и сделала все правильно.

Изнуренный бессонной ночью, жаром и коликами, недоверчивый сихзрский мельник к утру следующего дня готов был поверить во что угодно, лежа на соломенной подстилке в своем саду.

Мы пришли в город ближе к полудню и в условленный час, будто случайно, встретили эту самарянку на площади возле местных терм. Она оказалась маленького роста, стройной и милой. При случайных свидетелях я приблизился к ней и громко спросил нараспев, как обычно говорил с толпой: «Что ты скорбишь, женщина? Быть может, умирает у тебя кто-то из близких?»

Самарянка заплакала, кинулась на землю и стала обнимать мои ноги так правдоподобно, что я сам чуть было не прослезился.

— Ты великий учитель! — вопила она, и горожане начали выглядывать из-за своих заборов, а прохожие останавливались, глядя на нас. — Ты заглянул в мое сердце, учитель! Мой муж очень болен, я боюсь, он умрет, ведь я так люблю его, так люблю!

— Встань, дочь моя, и веди меня к твоему мужу, — ответил я ласково.

Мы направились к их дому, за нами последовала небольшая гомонящая толпа.

Был жаркий день, ярко светило солнце, и воздух сгустился от всеобщего ожидания чуда.

В саду за домом, возле зловонной выгребной ямы, лежал под персиковым деревом обесилевший мельник, лицо его было серым, и он был так измучен, что даже не удивился, когда люди наполнили его сад. Он трясся, икал, скулил и был страшно напуган, ожидая смерти. Конечно, действие порошка уже кончилось, но он не знал об этом и тихо молился, смешивая слова псалмов с проклятиями и стонами.

Я сел подле него. Он покосился на меня, будто увидел призрака. Симон что-то сказал людям, и толпа затихла.

— Мое имя Йесус, — сказал я. — Хочешь ли ты, чтобы я исцелил тебя?

— Да, равви, — жалобно проблеял мельник, открыв глаза. — Спаси меня, грешного человека, я умираю.

— А хорошо ли ты делаешь свою работу? — спросил я.

— Да, — простонал он.

— А можешь ли ты отделить весь песок от муки? — Я взглянул на него, как в день последнего суда. — Тот песок, который оставляют твои каменные жернова в муке?

— Этого никто не может, равви, — отвечивал мельник, — и я не виноват, потому что все жернова истончаются в песок.

— Так как же ты можешь отделить правду от лжи, — воскликнул я, — если даже простой песок не в твоей власти? Твоя кроткая жена терпит от тебя страдание, хотя ни в чем перед тобой не согрешила, и это начертано на небесах!

Люди в саду загалдели, а мельник, не имеющий сил даже на то, чтобы плакать, прохрипел:

— Верю! Верю! И больше не усомнюсь в своей жене никогда, если Бог смилуетя надо мной и пошлет мне исцеление.

— Сегодня же к вечеру будешь здоров, — сказал я.

Так и случилось.

Вся Сихзра была у наших ног. Мы провели в доме мельника три дня и, приятно отягощенные его подарками, отправились дальше.

Иногда бывает полезно вернуть женщине честь. «Хвалю Тебя, Боже, что Ты не создал меня женщиной», — так молятся многие евреи перед сном, и я думаю, это неплохая молитва...

Мы вернулись в Кафарнаум, но слухи о моем бесчинстве у стен Храма опередили меня, и в этом было мало хорошего. Цель не была достигнута, потому что за редким исключением люди воспринимали это как преступление, не имеющее никакой высшей цели. Да и мне больше не хотелось совершать подобные подвиги, рискуя быть растерзанным толпой, и я подумывал о том, чтобы стать обычным скромным лекарем в Кафарнауме,

этом тихом зеленом городе, который мне так приглянулся.

Правда, я не знал, что делать в таком случае с учениками. К тому времени они настолько отвыкли выполнять какую-нибудь обычную однообразную работу, что могли погибнуть без меня от скуки, голода и тоски.

Благодаря урокам врача-сирийца Априма я мог помогать людям как врач, но что было делать им? Положение учеников усугублялось тем, что каждый из них, в большей или меньшей степени, действительно видел во мне мессию и не хотел бросать учителя, способного ввести их в пределы Господни.

Первым делом в Кафарнауме я, оставив учеников околачиваться на рынке (сообразительные люди в толпе всегда могут как-то подзаработать), пошел в дом добросердечной вдовы, но ее там, увы, не оказалось, она по-прежнему жила у своих старых родителей, а дом заняла семья хайотов, выходцев из Армянского царства, глава которой, тучный волосатый торговец, каким-то образом убедил вдову, что является ее дальним и любимым родственником. Как и следовало предполагать, хайоты довольно грубо и с насмешками прогнали меня. Что ж, ради такого дома в одном из лучших городов мира действительно стоило покинуть Армению.

А вот мне не стоило выселяться в свое время из этого дома, боясь прослыть эпикурейцем, и не важно, что подумали бы некоторые желчные люди...

Априма я не нашел, он покинул маленькую каменную пристройку на территории маслобойни, где жил, и ушел из города, потому что был обвинен родственниками местного главы таможни в том, что не смог спасти ему жизнь. У чиновника было больное сердце, и Априм порекомендовал ему не пить вина, а главное — уйти на покой, передав начальственные заботы кому-то другому. Но чиновник настойчиво требовал чудесного лекарства, добился, чтобы Априм дал ему масляную настойку шалфея для растирания груди, и однажды утром умер.

Я наведалься еще к нескольким людям в городе, которые раньше любили слушать мои проповеди, — мне дали еды и немного денег, но никто не предложил остановиться в своем доме.

В итоге нам помог знакомый рыбак, выделив для жилья один из тех амбаров на берегу, в которых вялится рыба.

Мы вымылись в озере, сварили и съели похлебку из рыбы (большой котел нам одолжила на время жена этого рыбака) и, когда стемнело,

продолжали беседовать, сидя вокруг костра. На холме светились редкие желтые огни города. Оттуда прибежала черная собака, я погладил ее, дал ей остатки похлебки, и она сидела рядом с нами. За спиной каждого из нас плясала живая, быстрая и абсолютно реальная тень, и казалось, что нас не шестеро, а тринадцать, потому что под определенным углом тень крупной собаки неотличима от тени вольнолюбивого еврея.

ГЛАВА 11

Корабль

Ночь была очень холодной. Я оказался на одной из покрытых снегом и льдом вершин горы Ермон. Луна отсутствовала, а звезды почему-то светили не только сверху, но и вокруг меня, словно вершина отделилась от горы, взлетела и повисла немислимо высоко в небе. Я был в льняной тунике и шерстяном плаще, подпоясанном ремнем, но эта одежда плохо помогала согреться, и сразу стали мерзнуть ноги — на них были мои обычные истертые сандалии, а еще больший холод исходил от тверди, на которой я стоял. «Хорошо, что тут хотя бы нет ветра», — подумал я, озираясь.

Небо было знакомым, но как будто сдвинулось, открыв справа невидимую прежде группу созвездий, имен которых я не знал. Пытаясь понять, как очутился здесь, я заметил, что звезды надо мной были чуть ярче, чем те, что внизу, и вдруг понял, что вокруг — лишь отражение звезд в черной воде.

Не было видно ни берегов, ни огней вдалеке, где вода сливалась с небом. Но как получилось, что залило целую гору? Блеснула догадка, и я содрогнулся от мысли, что стал свидетелем нового вселенского потопа. Но как я оказался на вершине? Может быть, меня, спящего, вознесли сюда херувимы? Что дальше? Где мои ученики? Неужели погибли?.. Да, есть известное утешение в том, что они погибли наравне со всеми

царями и великими мыслителями, но мне особенно жаль стало Иуду, который был добрее всех нас. Только, если это потоп, почему вода невозмутима, словно полированный камень? Ведь после потопа, наверное, все бурлит, плавают деревья, тела мертвых людей и животных, и над этим грязным вселенским месивом летит глас Божий: «Конец всякой твари пришел пред лицом Моим, ибо земля наполнилась от них злодеянием, и вот Я истребляю их с земли, навожу потоп водный, чтобы сгубить всякую плоть, в которой есть дух жизни под небесами». Значит, если все улеглось, после потопа прошло много времени... Но почему я жив?

Было так тихо, что я слышал только свое дыхание. Прошло какое-то время, и я увидел, что отраженные в воде звезды едва заметно дрожат.

Я ничего не мог сделать. Не прыгать же в воду. Да и какой в этом смысл, если затоплена вся земля? Я видел столь грозное и необратимое событие, что ощущение торжественности и непонятности происходящего отогнало от меня химер страха.

Среди ледяных изломов этой вершины я мог находиться только на неровной площадке шириной в два-три шага. Спереди и слева твердь круто уходила в воду, до которой было, наверное,

не меньше пятидесяти локтей. Я плотнее завернулся в одежду и смиренно ждал.

Казалось, время застыло, как и вода вокруг, а солнце не появлялось только потому, что я не мог о нем как следует подумать, не мог представить его во всей сияющей полноте, которую не передавали три латинские буквы SOL²², пришедшие мне на ум вместо родных еврейских знаков. Я стал решать, что с ними делать, как высечь из букв первую искру? Я чувствовал, что это возможно, но было также очевидно, что процесс займет невероятно много времени, а мне не хотелось провести в этом ледяном сумраке несколько тысяч лет, во время которых я не видел бы ничего, кроме росчерков комет в черном небе. Надо было искать другой путь, чтобы согреться.

Ведь, если появится солнце, понимал я, день сразу отделится от ночи, как сказано в Торе, после чего закроются источники бездны, вода пойдет на убыль, появятся пресмыкающиеся и рыбы по роду их и всякие животные по роду их, произрастет зелень...

Но других букв у меня не было, и над бездной вокруг по-прежнему висела тьма.

---

²² Солнце (лат.).

Трудно сказать, сколько я ждал, но вдруг далеко слева показалась желтая точка, которая через четверть часа превратилась в группу огней, и вскоре я понял, ликуя, что ко мне приближается корабль, освещенный множеством ламп, тот самый ковчег, на котором шестисотлетний праотец Ноах собрал, чтобы сохранить, по паре всего живого, и ему осталось только спасти меня.

По мере того как корабль подплывал ближе, меня все больше поражал его огромный размер — гораздо больше величин, известных из Предания, и я решил, что кто-то из переписчиков Торы ошибся, указав иное количество локтей в длину и высоту. Это был поистине исполинский корабль, в разы превосходящий размерами многопалубную военную гексеру, увиденную мною однажды в порту Александрии. И он был иной, совершенной, отточенной формы. Только непонятно было, как он плывет без весел и парусов.

По мере его приближения нарастал тихий гул, похожий на далекий рокот прибора.

Этот корабль был воплощением жизни посреди хладных вод, он светился сотнями огней, а внутри него наверняка было тепло, ведь там скрывались все виды зверей и птиц вместе с большим семейством Ноаха, который вот-вот должен был заключить меня в отеческие объятия.

Когда между кораблем и моим жалким островом осталось меньше трех стадий, меня вдруг охватила тревога. Корабль быстро плыл прямо на меня, и неясно было, каким образом этот исполин сможет остановиться. Я понял, что Ноах может не видеть ни вершины горы, ни меня на ней, потому что о препятствии на пути ему не поведал Всевышний, занятый иными делами.

Дрожа от холода и страха, я приготовился к концу, понимая, что от этого столкновения вместе со мной может погибнуть корабль, а с ним и все живое. Корабль приближался все быстрее, и, когда его острый черный нос оказался совсем рядом, я упал на колени и обхватил голову руками.

Раздался скрежет, и гора подо мной чуть заметно качнулась. Через мгновение я осознал, что жив и не тону в море, — и открыл глаза. Я находился на прежнем месте, а прямо передо мной слева направо, одна за другой, пронеслись семь латинских букв:

C I N A T I T

Затем я увидел, как несколько больших кусков льда откололись от горы и с грохотом полетели вниз, внутрь корабля, на какие-то непонятные постройки. Я понял, что корабль успел

повернуть и лишь задел вершину горы. Передо мной замелькало множество маленьких светящихся круглых окон, но я не заметил ни животных, ни людей, лишь слышал равномерный звон, будто кто-то бил по медной пластине. Сияющий корабль проплыл передо мной, как видение, и быстро удалялся.

В его задней части, нависающей над водой, тоже были маленькие круглые окна, свет которых отражался в темных волнах.

Над кораблем поднимались, из круглых высоких башен, клубы дыма, заметные на фоне неба.

— Ноах! Ноах! Ламма савахфани?²³ Почему ты не забрал меня отсюда? Проклятие! Лучше бы вам всем сдохнуть! — крикнул я в отчаянии, понимая, что кричать бесполезно, и не понимая, что происходит. Почему качнулась, а не обрушилась вершина горы подо мной? Почему меня никто не заметил?

Я смотрел вслед кораблю. От него у меня осталось только семь новых букв, которые прибавились к трем буквам, составляющим латинское слово «солнце».

---

²³ Для чего ты меня оставил? (Арамейск.)

Корабль отплыл примерно на десять-пятнадцать стадий и остановился, повернувшись боком, похожий на прекрасно освещенную крепость, из которой немного под наклоном торчали испускающие дым башни, их было четыре. Корабль отплыл слишком далеко, я не мог разглядеть, что на нем происходит, однако в эту минуту почувствовал радость, решив, что мудрый Ноах догадался вернуться к вершине одинокой горы посреди моря и посмотреть, нет ли там кого-нибудь. Но прошло еще около часа, корабль по-прежнему стоял на месте, и я заметил, что он накренился, а большинство огней на нем погасло; затем он еще сильнее погрузился передней частью в воду и... погасли последние огни.

В смятении я догадался, что корабль был поврежден соприкосновением с горой и поэтому ушел на дно со всеми животными и людьми. Я даже слышал доносящиеся оттуда крики отчаяния, которые, сливаясь вместе, напоминали стрекот саранчи...

Вскоре погасли звезды наверху и внизу, и опять стало казаться, что ледяная глыба, приютившая меня, висит в небе. Но у меня было уже целых десять латинских букв. Немного подумав, я составил из них слово SCINTILLA²⁴,

---

²⁴ Искра (лат.).

которое на мгновение вспыхнуло и снова распалось на элементы.

Я понимал, что корабль утонул, все умерли и ничего не осталось. Вся тяжесть мира легла на меня, единственного свидетеля катастрофы. Трясаясь от холода, я собрался с духом и решил, что не погибну, ведь наступает новая эра и мне придется создать все заново. Больше никому. Средств для этого было мало, но достаточно: одиночество, холод, твердь льда, тьма и латинские буквы.

ГЛАВА 12
Аврелий

Когда я проснулся, в щели амбара светило солнце и поддувал ветер. Шуршали связки вяленой рыбы, подвешенной на перекладинах. Ночью было холодно, и кто-то заботливо укрыл меня шерстяным плащом, наверно Иуда. Я был один и подумал, что ученики, наверное, на рассвете разбрелись по городу чем-нибудь поживиться. Я дремал, пока не услышал, что меня кто-то зовет.

Я поднялся и вышел из амбара.

Поодаль, на берегу, окруженный своей скромной немногочисленной свитой, стоял префект Кафарнаума Аврелий. Не обращая внимания на эту делегацию, я подошел к воде, умылся, сел на большой камень и уставился вдаль, на молочно-зеленые воды Галилейского озера, которое всегда имеет такой цвет по утрам. Мне было приятнее смотреть на гребешки волн, чем на префекта, потому что волны были на своем месте, а римлянин Аврелий когда-то приехал в Галилею по службе и не считал эти края своим домом. Да и на местных жителей он смотрел свысока не только потому, что был официальным хозяином города, но и потому, что гордился своей кровью. Я видел на улицах Кафарнаума, как он общается с людьми. Аврелий запросто мог оскорбить какого-нибудь старика или пнуть работягу, а нищих и прокаженных он велел стражникам отгонять от города камнями, как собак.

Мне нравится слово «Галилея», в нем есть музыка. Если произнести его где-то в египетской пустыне, среди раскаленных красно-бурых скал, сразу увидишь, как прохладная волна озера отходит, обнажая разноцветные влажные камни. Тень пальм, зелень, белые крыши. Мне нравится слово «аллилуйя» — это самая короткая и красноречивая молитва на свете; слово «шадаим»²⁵ вдохновляет меня, сочетание его звуков — это статное тело гордой идумейки с длинными смоляными косами. Когда уже не было сил бежать от грохочущих колесниц и всадников фараона, всего лишь произнося такие слова, Иосиф и его дети обретали надежду — дул восточный ветер, и молниеносный гнев Божий испепелял египтян, как солому.

Аврелию было плевать на еврейское Предание, плевать на великий и сокровенный еврейский язык, ставший основанием, на котором держится перевернутая пирамида всего мира, и ему было плевать на меня. Вряд ли он принес мне благую весть, вряд ли пришел ко мне как равный к равному. Так почему я должен был радостно идти ему навстречу?

Оступаясь на каменистом берегу, префект приблизился ко мне.

---

²⁵ Женские груди (ивр.).

Послышались возмущенные голоса:

- Вот гордец! Даже не встанет.
- Обнаглевший бродяга.
- Видать, мандрагоровых яблок объелся...

Могучая фигура префекта Аврелия в скомканной ветром белой тоге надвинулась на меня, как снежная глыба. Нас обступила его свита.

Я посмотрел на его мясистое лицо с длинным носом, похожим на клюв, и приготовился к тому, что меня наконец отправят в тюрьму, вспомнив или придумав для этого повод, и мне стало грустно от того, что еще так недавно жители Кафарнаума считали меня своим врачом и лучшим другом.

— Йесус, я не стал бы тратить время на то, чтобы идти к тебе, я просто гулял по берегу, чтобы проветриться, — сказал префект.

— Рад тебя видеть, добрый человек, — ответил я и улыбнулся.

Когда мне приходилось общаться с неприятным человеком, я всегда улыбался, и у меня получалось выглядеть искренне, потому что я в этот

момент просто воображал что-нибудь смешное — какую-нибудь старую шутку. Или что мой собеседник — большой ребенок, которого надо успокоить.

По лицу Аврелия было заметно, что ночь он провел навеселе. Он был даже еще не вполне трезв.

— Люди волнуются, считают тебя преступником, — продолжал он.

— Кто эти люди? — уточнил я.

— Например, раввин синагоги Авдон, — префект ухмыльнулся. — Ладно, признаюсь, мне безразличны Авдон и его страхи, смешна вся ваша религия, но есть распоряжение, из которого следует, что я должен заключать в тюрьму и предавать суду тех, кто собирает вокруг себя толпы.

— Где же ты видишь толпу, Аврелий? — спросил я. — Я сижу тут один.

— Ты сидишь один, потому что твои подручные бродят по городу, и один из них, кажется, по имени Симон, попытался украсть курицу. Он уже наказан за это. Ты пришел сюда со своим сбродом, чтобы воровать? — Глаза префекта сверкнули. — Не получится. Хотите остаться в городе — работайте. Лишние руки нужны на мыловарне. Или будет худо.

На этом разговор закончился, и префект удалился.

Вскоре на берегу возле нашего амбара появился Симон, прихрамывая, с разбитым распухшим носом, и я подумал, что курицу надо было воровать Иуде, у него такие вещи получаются лучше. Да и воровство ли это в полном смысле? Я абсолютно уверен, что Симон пытался лишить курицы какого-нибудь толстосума, тем самым, может быть, подтолкнув его ко спасению. Разве можно спастись, если тебя ничего не огорчает? Никто из нас никогда не отнимал у человека последнее, никогда не обижал нищего или ребенка. Наоборот, когда у нас были деньги, мы всем помогали. А тут — какая-то жалкая курица. Да она сама добровольно пришла бы к нам, если бы имела ум.

ГЛАВА 13

Посланник

Кафарнаум остыл ко мне, только несколько местных женщин иногда помогали — приходили за советом и несли еду: яйца, овощи, еще что-нибудь. Одна из них даже согрела меня прохладной ночью, благо ее старый муж уехал на праздник к родственникам в Вифсаиду. Мы по-прежнему жили в амбаре на берегу, соседствуя с вяленой рыбой, которая наводила на размышления о том, не напоминает ли загробное вместилище для человеческих душ амбар на берегу вечности, где они, пропитанные солью страстей, висят длинными рядами в ожидании трубного гласа. Но если не пробуждается рыба, то вряд ли, будучи пойманными в сети смерти, проснемся и мы.

Префект нас больше не беспокоил, хоть я и не подумал направить усилия своей крохотной общины на варку мыла. Это омерзительная работа. Мыловарня находилась на холме в пяти стадиях от города, и ветер иногда доносил оттуда смрад гниющей плоти. Для варки мыла использовались трупы животных. Мне было понятно желание префекта отправить нас туда, ведь от продажи мыла он получал доход. Аврелий поставил мыловарение на широкую ногу и сам изобрел несколько новых рецептов кафарнаумского мыла с добавлением амброзии, мирры и можжевельника, оно даже было разным по цвету: красное — с соком финикийского яблока, желтое — с шафраном, голубое...

Город стоит на большой дороге, и Аврелий получал немалый доход от таможенных сборов, мытари

несли ему денарии и дидрахмы, его также умасливали местные торговцы и рыбаки. Конечно, он отправлял в казну провинции далеко не все, что умел стяжать. А что мы получили бы за работу на мыловарне, которую можно приравнять к труду работников каменоломен и чистильщиков клоак? Несколько медных ассариев, которых хватило бы только на то, чтобы вечером купить для всех дешевого вина.

Зато стали приходить люди из других мест (не только из Галилеи), чтобы встретиться со мной. Я говорил с ними, давал советы и лечил как мог, но просил останавливаться на ночлег где-нибудь в городе, чтобы не собирать на берегу вокруг себя народ и тем не вызвать гнев Аврелия.

Я старался не раздражать власть, помня, как мне повезло с тем, что письмо Валерия Грата не дошло по назначению. Случись это, и римляне могли бы устроить по всей провинции такие чистки, что разрозненное братство еврейских проповедников и врачей душ было бы уничтожено.

Слух обо мне не угас ни в Лидде, ни в Иерихоне, в отличие от сотен других проповедников, которые вспыхивали на год или всего лишь на одну весну, а потом растворялись в непреодолимой жизни. Кто-то, заработав состояние, покупал прибыльный сад в долине Иордана и становился счастливым трудолюбивым селянином, а кто-то умирал,

разорванный дикой толпой, которую подначили священники. А некоторые сходили с ума и превращались в обычных грязных нищих либо работали шутами на похоронах римлян, надевая маску покойного и развлекая гостей, да скоморошничали на свадьбах, сочиняя бездарные вирши и принародно распевая их.

Однажды ко мне пришел молодой мужчина. То, что он не еврей, я понял еще издали по его бороде. Точнее, он приехал на дорогом породистом коне, привязал его к дереву на холме и спустился к нашему амбару по крутой тропинке. Он вежливо и с достоинством спросил на арамейском наречии, кто из нас Йесус, затем поклонился мне и сказал:

— Мое имя Амминан, мне поручено доставить тебе, учитель Йесус, письмо и подарок от Орозы Бакурата, который является главным придворным звездочетом Абгара Ухомо, царя Осроены.

Я не сразу поверил, что удостоился визита иноземного посла от царского звездочета. Я подумал, этот человек издевается надо мной либо подослан Аврелием и провоцирует, чтобы префект мог обвинить меня в чем-нибудь, например в государственной измене, и упрятать в тюремный подвал ждать суда. У римлян повод всегда найдется. Говорят, какой-то человек был обвинен в святотатстве лишь за то, что поколотил своего раба, когда у того при себе была

серебряная монета с изображением Тиберия. Ученики уже хотели прогнать подозрительного гостя, особенно на этом настаивал Андрей, но после разговора с посланником (он терпеливо и точно отвечал на все вопросы) я понял, что тот не врет.

Ему было чуть больше двадцати лет. Высокий и умеренно некрасивый. Одет он был в простую, но добротную одежду, видимо, чтобы уменьшить риск подвергнуться нападению разбойников в пустынных местах, через которые добирался ко мне. Он сказал, что искал меня в Иерусалиме и Беф-Сане, пока не приехал сюда.

На поясе посланника висела кривая сабля в ножнах из сандалового дерева, он был широкоплеч и, очевидно, очень силен. Все это, включая скромную одежду, делало его не самой сладкой добычей для грабителей. А то, что он был один, не вызывало подозрения властей в тех землях, через которые лежал его путь.

Он передал мне подарок царя — золотой перстень с изображением головы змеи, глазами которой были два прозрачных камешка необыкновенной чистоты и блеска, и это окончательно убедило меня в том, что он не лжет. Я был поражен! Я понял, что мне еще рано прекращать ту жизнь, которой живу, и становиться обычным тихим врачом-телемом, борцом с подагрой и волдырями.

Я надел перстень на средний палец левой руки.

После этого Амминан развернул свиток папируса и прочитал мне письмо:

«Я, Ороза Бакурат, главный звездочет царя Осроены, Йесусу Нацеретянину, врачу, явившемуся в стране Иерусалима. Дивный муж! Я слышал о тебе и твоих исцелениях, совершенных с помощью лекарств и трав, а также с помощью слов. Сообщаю тебе, что в движении звезд я увидел судьбу человека, жизнь которого продлится после смерти и будет как великое дерево с сотнями ветвей, подобных змеям, и одна змея будет жалить другую, и не сможет понять одна, что делает другая. Полагаю, корень этого дерева — ты. Я рад тому, что мне выпала честь сообщить тебе это. Говорят, ты приходил на ваш главный праздник в Храм и там без страха обличал ваших священников и даже драл первосвященника за бороду. Наш добрый царь Абгар имел дело с вашей бесчестной властью священников, они присылали к нам людей, дабы поссорить нас с нашими соседями-парфянами, и я говорю, что ты поступил правильно. Со временем ты станешь человеком, который прославит свой народ, от всего сердца тебе того желаю. Помолись обо мне, благочестивый Йесус из Нацерета. Будь осторожен, ибо я слышал, что иудеи ропщут против тебя и замышляют злое против тебя. Покорно прошу — прими в дар перстень, чтобы иногда вспоминать обо мне».

Ученики стали наперебой выражать радость и удивление, разглядывая перстень, а я подумал, что Ороза Бакурат, может быть, написал все это в приступе пьяного благодушия, ведь какое дело царскому звездочету до бедного еврейского целителя... Но как стремительно разнесся слух о моем визите в Иерусалим! Впрочем, слухи — сила, с помощью которой можно найти дорогу и к славе, и к могиле. Но о каком дереве он написал? Мне непонятно это до сих пор. Зачастую туманный язык звездочетов понимают лишь они сами.

— Есть ли у звездочета дети? — спросил я посланника.

— Да, три сына и две дочери, — ответил он.

У посланника были с собой письменные принадлежности. Достав их, он развел чернила из сажи и кровяной сыворотки и камышовой тростинкой со срезанным наискось концом записал на листе пергамента мой ответ:

«Благодарю тебя за твой драгоценный подарок, многомудрый провидец Ороза Бакурат. Ведь ты отвлекся от дел и путей вечных звезд, чтобы отправить мне это письмо и перстень. Благословен будь ты, ученый человек, поверивший в мое искусство, даже не увидев меня. Ибо написано обо мне пророками, что те, которые будут видеть меня, не поверят в меня, а те,

которые не будут видеть меня, поверят и спасутся, чтобы обрести вечную жизнь и радость в Господнем чертоге. Однако не верь всему, что говорят, — я не драл первосвященника за бороду, иначе ты не прочитал бы это письмо, ведь благоразумные звездочеты не посылают своих гонцов в мир мертвых с тем, чтобы дожидаться их возвращения. А что касается твоей просьбы помолиться о тебе, то я буду делать это каждый день с великим усердием, и ты поймешь, что наш еврейский Бог любит не только свой народ, но всякого человека, за которого возносятся к Нему святые молитвы. Да будут долгими твои дни и искренними друзья твои, мир Осроене, тебе и твоим пятерым детям».

По лицу посланника я понял, что ему понравился мой ответ.

У меня еще оставалось немного кифа, я набил трубку и угостил его.

Спрятав свиток с моим ответом в кожаную сумку, пристегнутую к седлу коня, Амминан отправился в обратный путь.

Проводив его, я сидел и долго рассматривал перстень — казалось, змея вот-вот заговорит со мной.

ГЛАВА 14

Про коз

Как-то раз на севере Галилеи я в одиночестве отправился на прогулку по склону горы, покрытому соснами и буйным, местами непролазным кустарником. Обойдя очередную каменную гряду, я увидел, что какой-то человек совокупляется с козой. Он не заметил меня, увлеченный ее узким звериным лоном, мои сандалии бесшумно ступали по рыжему ковру хвои, и я спрятался за камнем, наблюдая за происходящим. Я догадался, что это пастух из поселения эллинской общины неподалеку, где накануне я с учениками остановился на несколько дней (эллины были склонны страстно принимать мои идеи, но я относился к ним с недоверием, скверная у них слава — целуя тебе руку, эллин может одновременно украсть монету из твоего пояса).

Пастух держал козу за рога, пригнув ее голову к земле, и делал свое дело. Остальные козы бродили по округе, выщипывая травку между камней и ловко прыгая по скалам, и не обращали никакого внимания на эротическую забаву своего пастыря.

В юности я слышал от одного странника, что в Геркулануме есть необычная статуя из белого камня — дух плодородия и полуденной дремоты совокупляется с козой, заглядывая ей в глаза. Я много размышлял над тем, что можно увидеть в хрустальных глазах козы, и пришел к выводу, что

в них — сама суть Вселенной: бесконечное равнодушие и холод безумия, а то, что может показаться страхом и разочарованием, — лишь отражение твоих собственных чувств. Наверно, именно так Бог смотрит на наш исступленный мир.

То, что я увидел, представляло собой чуть иную картину (эллин пристроился к козе сзади) — если, конечно, странник не врал и та статуя действительно украшает в Геркулануме виллу некоего жизнерадостного человека.

Я не против подобного использования коз, если они чисты и здоровы, ведь с духовной точки зрения это полезнее, чем соитие с женщиной: коза не претендует на то, чтобы завладеть умом мужчины и сделать его своим глупым слугой. Некоторые люди в Израиле (да и не только) не прочь превратить в сосуд своей страсти осла, но козы, на мой взгляд, изящнее и подходят для этого гораздо, гораздо лучше, согласно, не побоюсь сказать, высшему замыслу. И нет резона подробно сравнивать тела женщины и козы, это пустое, ведь еще у пророка Екклесиаста сказано, что «нет у человека преимущества перед скотом, потому что всё — суета».

Я не использовал коз только потому, что меня на них не тянуло, я предпочитал галилеянок по характеру и мулаток по цвету кожи.

Поразительно то, что увиденный мной пастух высмеял великого афинского оратора Демосфена, который так изложил обычные нормы сытой жизни: «Для наслаждения у нас есть куртизанки; наложницы — для каждодневного сожителства; у нас жены, чтобы они рождали нам законных детей и были верными попечителями наших домашних дел». Эту самодовольную сентенцию неграмотный пастух перечеркнул тем, что получил желаемое не платя куртизанкам, не заботясь о судьбах наложниц и не отягощая себя женой.

Конечно, в такой любви есть недостаток, который я, однако, считаю достоинством: коза не может иметь от человека земных детей.

Наши чувства несовершенны, и полагаться в познании мира только на уши, глаза и обоняние так же наивно, как пытаться на ощупь определить красоту и величие иерусалимского Храма, с этим согласны и многие афинские учителя, хотя они найдут свои примеры Непостижимого. Безусловно, в мире идей от каждого любителя коз рождается козлоногий детеныш с человеческим торсом. Это существо прыгает и смеется, видит свет, чувствует ароматы цветущих деревьев и тепло камней, нагретых солнцем, и, когда придет время, насилует своих нимф, которые вяло сопротивляются, тем самым еще больше распаляя его. А главное, что это существо становится счастливым, возникнув на лугах незримого мира, где

по ночам Геката собирает ядовитые травы для своего котла, а Мелиноя присматривает за свежими непокоенными мертвецами, надоедливymi и любопытными, как дети, перед которыми открылся новый мир.

Об этом думал я, глядя на элина, движения которого становились быстрее. Наконец он застонал и остановился. Коза выбралась из-под него и побежала к подругам.

Наши раввины ненавидят разводы и безбрачие, забыв о том, что горше смерти женщина, потому что она — сеть и сердце ее — силки, а руки ее — оковы. Что делать? Увеличивать поголовье коз! Если человек не хочет вступить в брак и зачать ребенка, раввины говорят, что он нарушил заповедь, повелевающую размножаться, и что он умаляет образ Божий, убивая свое потомство. Нет! Пользуясь козами, человек оставляет после себя веселых бессмертных существ, следы которых можно увидеть на песке рано утром где-нибудь возле родника в тихой долине.

Какая несправедливость в том, что еврей может уклониться от брака лишь по одной причине — посвятить все время изучению Закона, буквы которого давно погрызли мыши!

В козе есть то, чего никогда в полной мере не найдешь в женщине и что сильно влечет мужчину, это — естественность. Коза не носит одежд

и драгоценностей, она проста, как и сама природа страсти. Еще пророк Иеремия укорял кокетливых нарумяненных евреек: «Тщетно вы будете краситься и украшать себя золотыми ожерельями, тщетно будете сурьмить глаза: ваши возлюбленные станут презирать вас». Пророк не был услышан, еврейки сотни лет подряд сурмят глаза, и поэтому их возлюбленные перенимают опыт эллинов — уходят в поля и на склоны гор искать удовлетворения среди блеющих стад.

ГЛАВА 15
Синагога

Префект Аврелий запретил мне проповедовать на улицах, собирая народ, но я мог приходить в синагогу Кафарнаума и говорить с людьми там, не обращая внимания на недовольство раввина. Мне нравилась эта маленькая синагога в саду на холме рядом с маслобойней. В отличие от серых базальтовых строений города она сложена из белого камня, с двенадцатью широкими прямоугольными окнами, по числу колен Израилевых, с мраморными колоннами при входе, навершия которых резчик украсил вечно спелыми гроздьями винограда. К микве на заднем дворе подходит отдельный акведук. В этой синагоге всегда можно было почитать священные книги — свитки хранились в шкафу, завешенном покрывалом. Основные тексты Предания я выучил еще в детстве, но не упускал возможности найти какое-нибудь толкование или дополнение к ним. В синагоге Кафарнаума я обнаружил свитки с необычным вариантом Откровения Баруха и время от времени заходил туда почитать это свидетельство времен Вавилона, согласно которому, как всегда, еврейский грешный народ во всем был виноват сам.

Покаянный труд Баруха так не понравился царю Иудеи Иоакиму, что он по мере прочтения отрезал ножом куски свитка и бросал их в огонь, но я черпал в этом пророчестве обличительную силу, которая необходима для красноречия, если приходится иметь дело с толпой. К тому же

в свитке, который мне попался, был подробнее, чем обычно, описан пьющий морскую воду дракон, внутри которого находится ад, а подобные существа всегда меня очень интересовали.

Однажды утром субботнего дня я пришел без учеников в синагогу, когда старый раввин Авдон собрал там довольно много народа, чтобы потолковать о Торе и городских делах. В молитвенном зале, куда широким столбом падал свет солнца из круглого окна над дверью, символизирующего око Господне, собрались, расположившись на скамьях, почтенные кафарнаумские старцы с длинными бородами, мужчины и юноши, среди которых я заметил молодого светловолосого римлянина в тоге, окаймленной пурпурной полосой, — он внимательно слушал Авдона. Восседавая перед народом, раввин объяснял какую-то молитву.

В нише у южной стены сидели несколько женщин, завернутых в длинные одежды.

Я удивился, увидев среди евреев римлянина, а старый раввин с презрением покосился на меня. Он не мог выгнать меня из синагоги, как и не мог запретить мне молиться Богу вне ее стен.

Я сел среди всех и сделал вид, что внимательно слушаю Авдона. В ладони у меня была зажата

ракушка с отломанным острым краем, которую накануне я подобрал на берегу. Я ждал подходящего момента, чтобы укрепить свою репутацию учителя. Я уже не помышлял о тихой жизни, которую можно вести, копаясь в огороде или приготавливая простые снадобья, а снова хотел по мере сил изменить наш духовный мир, с каждым днем все больше казавшийся мне кувшином с прогорклым маслом, которое выдают за лекарство от всех болезней скудоумные законоучители, погрязшие в суесловии и страхах. О них сказал Давид: «Нет в устах их истины, сердце их — пагуба, гортань их — открытый гроб, языком своим льстят».

Авдон закончил объяснять псалом и заговорил о том, что надо уважать римскую власть, не бунтовать, больше думать о том, как спасти свою душу, и меньше критиковать новые законы.

— Не забывайте, что все тайное становится явным, — вещал Авдон. — Только что пришло известие о том, что был раскрыт заговор против великого императора Тиберия, власть которого дарит нам благоденствие. Лукавый Луций Элий Сеян покусился на власть и был казнен! Очень справедливо! Помните: любая власть от Бога, ничего не бывает просто так. Ведь даже царь Ирод Великий построил в Кесарии храм императору Августу.

— Сожалею об этом, Авдон, — сказал я и встал со своего места. — Негоже нам строить храм человеку только потому, что он наделен властью.

Раздались одобрительные реплики старцев. Это меня ободрило.

— Я просто призываю всех быть дальновиднее, — начал оправдываться Авдон, и его лицо покраснело от напряжения. — Я говорю о том, что главное для нас — это сохранить семью и нашу веру, а не бороться с тем, что невозможно победить. Наш удел — тихая молитва...

— Нет, Авдон! — воскликнул я. — Не так робок был пророк Исайя, сказав: выходите из Вавилона, бегите от халдеев со гласом радости!..

— Куда же ты предлагаешь нам бежать, Йесус? — повысил голос Авдон. — Ты пришел невесть откуда, а мы, благочестивые люди, живем на своей земле, и сейчас не времена Вавилонского плена.

— Но что, если Йесус прав и нас ждет наказание Божие за бездействие? — взволнованно спросил мужчина в дорогой шелковой одежде, по-видимому, заезжий торговец, так как раньше я не встречал его в Кафарнауме.

— Такие люди, как Йесус, плохо кончают! — воскликнул Авдон. — Они висят на столбах вдоль дорог на радость воронам. Его друг Симон украл курицу! Знаете об этом?

— Симон уже наказан за то, что был голоден, — сказал я, заметив, что юноша-римлянин разглядывает меня с интересом и уважением. — Давайте будем милостивы к Симону. А сейчас давайте поговорим о главном...

В этот момент я постарался войти в состояние, при котором нужные слова произносятся сами, будто летят навстречу слушателям, рождаясь где-то в конце солнечной анфилады, как поэзия.

— Так что же, — медленно и грозно начал я, — укусом и желчью поите вы Господа? Своим неразумием и упрямством?

Лица слушающих помрачнели. Авдон косился на меня с ненавистью, теребя свою клочковатую серую бороду, но не перебивал. Бичуя то, что присуще нам всем, я говорил сначала медленно, потом быстрее, еще быстрее и под конец этой речи кричал, потрясая кулаками, в одном из которых была зажата острая ракушка:

— Братья мои! Тайны истины открыты в символах и образах, но вы должны отыскивать эти знаки

сами! Только сами! Не надейтесь на синагогу, не надейтесь на кесаря, не надейтесь на Бога! Да, именно это я говорю сейчас!

Слушатели застыли, и юноша-римлянин смотрел на меня с восторгом, как будто видел знамение.

— Этот мир — пожиратель трупов! — кричал я, и слезы текли по моим щекам. — Слышите? Слышите? У нас никого нет, наши матери и отцы — это прах, наши правители — плесень, наше имущество — тлен, так чего нам бояться?

— Да, Йесус! Воистину! — раздавались голоса. — Будь проклят страх! Мы не боимся!

— Тьма и свет, правое и левое, жизнь и смерть, — продолжал я, чувствуя, как воздух в молельной комнате вибрирует от наполнившей его энергии, — все это едино! Бог — это пожиратель людей! А я здесь и с вами, я с вами! Я разделю с вами все! Дайте мне чашу!

Кто-то подал мне черную глиняную чашу. Я быстро провел острым краем ракушки по запястью, как сделал это когда-то на свадьбе в Кане, подставил чашу под струю крови и медленно произнес в торжественной тишине:

— Вот я весь перед вами, другого учителя у вас не будет, и я напою вас своей живой

влагой ради вечной жизни... Чашу сию примите каждый...

Запричитали женщины. Авдон молчал, сидя в своем резном каменном кресле и злобно глядя на меня. Какой-то мужчина с надменным лицом встал и, усмехаясь, вышел из молельной, но все остальные с благоговением пригубили кровь из чаши. Я стоял перед ними и проповедовал, забыв, что кровь продолжает течь из руки, и на каменном полу образовалась лужа. Я лишился чувств.

ГЛАВА 16

Квинт Ламий

Я очнулся в амбаре на камышовой подстилке. Надо мной склонился юноша-римлянин, которого я видел в синагоге.

— Слава твоему Богу, Йесус, — сказал он. — Мое имя Квинт Ламий. Я так рад, что ты жив! Ты потерял много крови. В городе сейчас говорят только о тебе. Ты истинный учитель, твоя проповедь — живительный бальзам!

Квинт рассказал, что я был без сознания около часа. Этот отзывчивый юноша оторвал лоскут от своей тоги и перевязал мою рану. После чего он и еще несколько человек, присутствовавших в синагоге, принесли меня в амбар.

Снаружи доносились голоса учеников, они готовили еду, затем вошел Иуда и тоже обрадовался моему возвращению в бренный мир.

Я чувствовал сильную слабость. Квинт ушел и вскоре вернулся, принес меда и теплого козьего молока в кувшине, и я с удовольствием принял его угощение. Сидя рядом, он рассказал, что является отпрыском знатного семейства. Квинт вырос избалованным и расточительным человеком и проводил все свое время в бездумной праздности: играл в кости, пьянствовал, путался с девками и юношами-рабами, предавался шутковскому суесловию, к тому же красил и завивал

волосы. Но год назад, уличенный в преступной связи с женой консула Авла Плавтия, был изгнан из Рима и отправился путешествовать, чтобы увидеть мир, изучая философию и вероучения разных племен. Изгнание пробудило в нем ум. В Кафарнаум он приехал из Босры и забрел в синагогу из любопытства, надеясь услышать что-нибудь новое.

Он спросил про мой перстень. Я рассказал, что это подарок от Орозы Бакурата, и посетовал на то, что перстень бесполезен, когда ты голоден, ведь продать его жалко, и лучше бы звездочет прислал мне золотых монет. Это развеселило Квинта. Он не мог поверить, что человек, которому посылает дар и приветствие главный царский звездочет, живет в продуваемом ветрами амбаре.

Мне даже пришлось попросить Матфея, который как раз оказался рядом, чтобы он достал из своего мешка то письмо и показал юноше.

Я говорил с Квинтом до самого вечера, иногда ненадолго засыпая, и он терпеливо ждал, когда я открою глаза. Мы общались на латыни. Я объяснял Квинту, что путешествия — это не лучший способ познания мира, что философ прежде всего должен исследовать миры внутри себя и можно стать великим мудрецом, не вылезая из какой-нибудь пещеры, как это делают ессеи и феропевты,

и некоторые из них достигают таких высот, что обретают дар предвидения.

— Если хочешь достичь свободы, которую не в силах отнять никто, — объяснял я ему, — следует освободиться от своего тела. Феропевты и другие отшельники казнят себя медленно, изнуряя плоть, питают отвращение к собственной плоти, а в идеальном случае надо быстро и безболезненно убить себя. Ведь нет большего позора, мой милый юноша, чем быть здесь и в этих телах. Ты видел когда-нибудь, как иерусалимские священники в Храме готовят скотину к большому празднику? Нет? Это стоит увидеть: животные идут друг за другом на убой. Так вот, положение людей ничем не лучше их. И самое мудрое, что может сделать телец на пути к жертвеннику, — это сдохнуть. Потому что Богу всегда, всегда будет мало наших жертв! К тому же я уверен, что истинное счастье и блаженство можно обрести только там, с той стороны, среди прекрасных и бессмертных существ. Поверь, добродетель сторонится смертной природы и радушно встречает бессмертную.

Это поразило Квинта.

— Но ваш еврейский Бог против самоубийства, — сказал он.

— В Торе об этом нигде не говорится прямо, — ответил я. — Более того, Бог сам когда-нибудь

воплотится в человека и совершит самоубийство, подав этим пример всем разумным людям. Затем Он восстанет из мертвых и преобразует мир. Для этого Ему понадобится всего лишь достаточное количество букв, из которых Он составит единственно нужное и важное слово, которое ляжет в основу всего.

Мои слова звучали убедительно, ибо Квинт только что видел, как я чуть не умер от потери крови только ради того, чтобы указать людям путь к вечности, которая одна лишь является ценной.

— Но я боюсь умереть, Йесус... — признался Квинт. — Может быть, позже, когда буду стар и немощен...

— Когда ты состаришься, Квинт, твоя жертва вряд ли будет такой ценной, как сейчас, — развивал я свою строгую и неутешительную, но неоспоримую мысль. — Ты ослабнешь духовно и будешь цепляться за жизнь из последних сил, с позором вымаливая пощады у Того, Кто не удостоит тебя даже усмешкой. Ты опоздаешь на духовный пир... Животное для жертвы не должно иметь никаких недостатков, а старость — это недуг хуже уродства. Ты знаешь, как происходит жертвоприношение в иерусалимском Храме? Прекрасным добрым утром твоя кровь пачкает стены, а потом твои внутренности и жир шипят на жертвеннике, который разогревали всю ночь... Лучшая жертва — это

ягненок. Старый баран не угоден Богу. Эллинский мудрец и врач Эмпедокл Акрагантский шагнул в жерло вулкана Этна, не дожидаясь старости, а он был очень умен.

Квинт задумался, а потом произнес:

— Вам, евреям, повезло, вы имеете одного Бога, которому сразу за все можно плюнуть в бороду с помощью *mors voluntaria*²⁶. А моя семья верит в Нептуна, Аполлона, Марса, Плутона, в гения и Венеру... Гораздо проще подбить камнем большого ворона, чем стаю воробьев. Но, думаю, было бы правильным установить, кто именно является хозяином всех птиц.

Меня удивила точность его слов.

Несколько дней я пролежал в амбаре, набираясь сил. Мне рассказали, что раввин Авдон снова ходил жаловаться на меня префекту Аврелию, но тот высмеял его за то, что он не может навести порядок в своей собственной синагоге. Мои ученики, проповедуя веселое безрассудство и промышляя разными способами, стали все дальше отходить от Кафарнаума, потому что в городе им уже никто не верил. Они подолгу не появлялись. Со мной постоянно находился только Иуда.

---

²⁶ Добровольная смерть (лат.).

Квинт регулярно приносил мне хорошей еды и вина, что значительно меня укрепило. Особенно густое трехлетнее вино. Иногда Квинт ложился рядом со мной, и я обнимал его нежно, как девушку.

Иуда начал его ревновать.

Вскоре Квинт оставил Кафарнаум и продолжил путешествие на юг, в Набатейское царство, желая посетить Петру — город, где находится гроб праотца Аарона. Что там можно увидеть? Аарон давным-давно свободен от нас всех, а его кости превратились в пыль. Прощаясь с Квинтом, я надеялся, что мое наставление возымеет действие. Я подобрал для него лучшее лекарство. В Петре есть красная скала, с которой можно шагнуть прямо в вечность.

ГЛАВА 17

Легионеры

В Кафарнауме располагался отряд римских легионеров, с которыми я хотел найти общий язык, чтобы говорить о Боге. Воевать там было не с кем, а местные евреи в тот год не бунтовали, и большую часть времени легионеры под надзором своего центуриона выполняли работу по благоустройству города в роли каменщиков, плотников и землекопов. Кроме того, на окружающей лагерь территории они пасли скот и выращивали овощи, чтобы прокормить себя. Временами с целью охраны они сопровождали торговые караваны в соседние города, торговцы хорошо платили за это, опасаясь разбойников. Легионеры стремились попасть в такие командировки, чтобы как-то развеяться, полусонная жизнь в Кафарнауме казалась им скучной. Иногда они отправлялись на охоту по окрестным холмам добыть лань или дикого кабана.

Когда темнело, на улицах раздавался скрип подбитых гвоздями военных сандалий этих суровых и простодушных мужчин, они шатались по городу в поисках дешевого молодого вина и развлечений, что беспокоило благочестивых родителей девушек, которых легионеры настойчиво добивались. В Кафарнауме не было борделей, и легионеры воспринимали это как наказание.

Получая тысячу сестерций в год от императора и дополнительную плату за работу от жителей Кафарнаума, многие из них не знали, что делать с деньгами. Покупать дом или вещи не имело

смысла, потому что в любой момент их отряд могли передислоцировать в другую провинцию, а больше тратить особенно было не на что.

Филипп говорил тогда, что хотел бы открыть в Кафарнауме лупанарий и купить для этого черных рабынь из Африки и светлокожих из Дакии, они славятся своими способностями, но нас останавливали две вещи: слух об этом мог разнестись по всему Израилю и повредить моей репутации учителя; и, главное, красивые здоровые рабыни стоили очень дорого, учитывая затраты на их транспортировку в Галилею из ближайшего крупного порта и содержание до того момента, когда все окупится. К тому же у нас не было помещения. Да еще пришлось бы регулярно платить дань префекту-мыловару, который не оставил бы без внимания чужое прибыльное дело.

Слишком часто пробавляться публичным пусканием себе крови я тоже не мог, потому что жить, несмотря на строгость моей философии, все же хотелось. Другими словами, нельзя было постоянно превращать кровь в хлеб насущный, потому что запасы крови у человека ограничены не столько свойствами тела, сколько благоразумием.

Из разных мест ко мне по-прежнему приходили за советом и утешением люди, но почти все они были крайне бедны. От этого, в минуты

печали, письмо Орозы Бакурата казалось мне чьим-то злым розыгрышем, иной раз я даже снимал с пальца перстень со змеей и держал его на ладони, чтобы почувствовать вес золота. Некоторые состоятельные евреи посещали меня из любопытства, но мое красноречие не могло превозмочь их недоверчивость и открыть для меня их кошель. Человек, живущий в рыбном амбаре, слишком уж не походил на их представления о мессии.

Временами невыносимо скучно становилось в амбаре на берегу, где мы, видимо, перед оком Всевышнего до поры до времени заменяли сушеную рыбу. Я мог продать перстень, но что-то меня останавливало, и змеиная голова продолжала сверкать на моем пальце. Хотя ученики не жаловались, а Матфею даже стало нравиться то, что мы недоедаем, он увидел в этом благотворную аскезу и даже стал подолгу молиться вслух, что всех нас позабавило, а Симон язвительно заметил, что Матфей скоро станет так праведен, что будет есть леканору²⁷ и жарить себе лепешки на сухом человеческом кале вместо хвороста, как это делал праотец Иезекииль.

К тому времени я уже давно объяснил ученикам, что общаться с Богом надо утверждая Его

---

²⁷ Лишайник, использовавшийся в пищу кочевниками.

реальность, а не подлинность молитв, придуманных жалкими человеческими существами.

Однажды в полдень, сидя с несколькими легионерами в тени лаврового дерева рядом с их лагерем, я говорил им о природе Бога и счастье прямого общения с Ним. Но легионеры не понимали. Я говорил с ними о тщете земной жизни — они смеялись надо мной. Я мягко убеждал легионеров в том, что Рим — всего лишь очередной левиафан в океане бытия, они не понимали и злились.

В итоге я достал подаренную Шаммаем янтарную трубку, набил ее кифом, высек огонь и пустил трубку по кругу.

Опьянение дымом этой травы произвело на легионеров такое впечатление, которого не смогли бы достичь все проповедники мира, задумай они сразиться с римской армией в красноречии. Легионеры возрадовались, как дети, словно свинцовое бремя упало с их плеч. Они смеялись над моими шутками, они вдруг стали задавать вопросы о вере, хотя до этого момента лишь ухмылялись, слушая меня. Гореусладная и миротворящая ливийская трава внезапно придала им способность удивляться всему на свете и счистила накипь с их суровых сердец. Глядя на легионеров, я даже пожалел о том, что не так прост, как они: и сквозь дым кифа, и сквозь винный дух, и даже в глубоком сне я, увы,

всегда чувствовал на себе тяжелый взгляд реальности, подобной палачу, наблюдающему за тем, как жертва наслаждается своим коротким последним желанием, которое и есть все лучшее в нашей мгновенной жизни.

Один из легионеров, по имени Гай, отломил несколько ветвей от лаврового дерева, под которым мы сидели, сплел из них венок и надел мне на голову. «Иисус, ты кесарь травы», — сказал он при этом, и все засмеялись.

Мы покурили еще, и я стал рассказывать легионерам о зеленом драконе, покрытом изумрудной чешуей, во чрево которого попадают грешники. Легионеры слушали, раскрыв рты, о том, что дракон прячется в жидких недрах, а когда бьет хвостом, земля трясется так, что может рухнуть город.

— Какому же богу подчиняется этот дракон? Плутону? Или, может быть, Асклепию, потому что дракона можно считать большой змеей? — спросил Гай.

— Нет, любезный воин, — ответил я. — Этот дракон никому никогда не подчинится, потому что он и есть главный Бог. И его можно только убить, как неприручаемого зверя. Убить эту бестию! А убивать вы умеете! И после этого самому решать, что является грехом, а что нет.

Легионеры задумчиво качали головами под воздействием моих слов и благотворного дыма.

Гай иногда прерывал меня, задавая неглупые вопросы...

Я продолжал говорить о том, что ткань бытия истончена и близок конец всего, о том, что мерило Вселенной — жизнь каждого из нас... И видел, что их глаза наполняются гордостью и достоинством.

Они слушали жадно, потому что узнавали новое о себе. Всю жизнь они видели только то, что им позволялось видеть. Грязь и бессмысленный труд с юных лет, а позже — кровь, подчинение и еще более бессмысленный труд войны.

— Если вы поверите в свои силы, то легко сможете возжечь звезду на небе и стать этой звездой, — говорил я воинам, которые вдруг превратились в кротких детей. — С помощью вашей веры вы сможете мгновенно переходить из дня в ночь, как сквозь стену, сможете видеть все вещи мира в их истинном смысле. — Я посмотрел на Гая и добавил: — Ты вряд ли читал книги, Гай, но твой ум такой же острый, как и твой меч. Истинно говорю тебе. Знание — это не ум. Ум — это больше, чем сумма знаний. Ты достоин вечного света, как и все, сидящие тут.

И Гай, могучий рыжий легионер, покрытый шрамами и дочерна загорелый, вдруг подошел и обнял меня. Он плакал. Этот невозмутимый воин, убивший не одного врага, впервые почувствовал себя человеком, а не куклой во власти каких-то неведомых легатов и трибунов.

С помощью дыма и слов я на какое-то время смог заменить этим легионерам и вино, и женщин.

Каждый раз, даря взрослым мужчинам ощущение подлинности их жизней, пусть даже делая это не всегда честно с обывательской точки зрения, я и сам ощущал подъем и начинал прозревать все вокруг необычайно ясно и глубоко. Вот и тогда, сидя под лавровым деревом в обнимку с плачущим легионером, сквозь ставшую вдруг прозрачной землю я увидел мерцание чешуи Бога.

Он явно был чем-то обеспокоен.

ГЛАВА 18

0 торговле

На другой день ко мне пришел один из кафарнаумских легионеров. Было жарко. Я сидел в тени амбара. Иуда и Филипп готовили на костре незамысловатый обед. Другие ученики отсутствовали. Я любовался видом дымчато-зеленых холмов на южном берегу озера, их плавные очертания казались обетованной страной, где нет сумасшествия и смерти, не надо платить подати и думать о том, где достать горсть инжира, чтобы подкрепиться. Впрочем, и на других берегах Галилейского озера земля дает оливу и вино десять месяцев в году, но к лучшему ничего не меняется.

— Йесус, вчера нам очень понравилось беседовать с тобой, заглядывай к нам еще, — сказал легионер, и солнце сверкало на чеканных бляхах его балтиуса. — А сейчас не мог бы дать мне немного кифа, которым ты угощал нас вчера? Я готов заплатить тебе три лепты за щепотку этого снадобья, оно так замечательно помогает уснуть.

Я продал легионеру весь скромный запас кифа, который у меня оставался.

На следующий день он пришел вновь.

В тот момент я понял, как могу делиться с легионерами радостью и умиротворением, чтобы они делились со мной деньгами: перепродавать им киф. Для этого нужно было недорого купить

мешок травы у человека, которого я знал, его звали Венедад, он торговал тканями и другими товарами. Я познакомился с ним в Кафарнауме, когда он по каким-то делам приезжал к торговцу Итану, который одно время пекся обо мне и учениках. Венедад тогда угостил нас отличным кифом и произнес убедительную речь о его пользе, выразив сожаление, что среди евреев киф мало распространен, хотя он воздействует на тело и разум гораздо лучше вина.

Венедад жил в Гергесе, городе на другой стороне озера. Посоветовавшись с Иудой и Филиппом, я решил отправиться туда утром следующего дня. Для этого Иуда выпросил у рыбаков лодку. Я надеялся взять киф у Венедада в долг. Продав его легионерам маленькими порциями, мы могли быстро и без лишних усилий поправить наше положение, приобретя законный источник дохода.

У меня всегда была склонность к торговле, хотя я никогда ею особенно не занимался. Мне казалось, что суть торговли позволяет избежать древнего проклятия, которым Господь напутствовал своих детей со времен Адама: «Проклята земля за вас; со скорбью будете питаться от нее во все дни жизни вашей; терния и волчцы произрастит она вам; и будете питаться полевою травою; в поте лица вашего будете есть хлеб, доколе не возвратитесь в землю, из которой взяты».

Торговля избавляет от тупого и монотонного ежедневного труда. Предприимчивому человеку не надо воевать с сорняками. Иной раз мне даже казалось, что светозарное и в высшей степени справедливое будущее всех народов ознаменуется тем, что мир будет держаться исключительно на честном обмене товаров, услуг и монет и никто не станет страдать от непосильной работы, кроме добровольных рабов, безумцев, некоторых глупых женщин и тех, кто по своей воле возложит на себя такое наказание, чтобы очистить совесть. Ведь есть искупительный смысл в том, например, когда убийца, обливаясь потом, копает своей жертве глубокую и просторную могилу.

Главное — не путать торговлю с пиратством, как это делал Геродот Галикарнасский, пока не увлекся писанием исторических трудов. Да, в некоторых случаях писатель может и даже должен быть усердным грабителем и вором, но торговля не терпит подобных отступлений. Торгуй, читатель! Меняй ячмень на финики, не забывая, что ячмень дороже. Если у тебя есть корабль и ты отправляешься на нем в Тартесс с грузом благовоний и пряностей, не скупись и найми смелую, хорошо вооруженную команду, ибо море не знает законов так же, как история — альтернативы. Что тут еще сказать? Если можешь не платить налоги — не плати ни в коем случае, ибо власть все равно потратит казну государства на новую войну, и хорошо

еще, если это не будет война против собственно-го народа. Поэтому, кстати, перепись населения устраивается не только для того, чтобы знать количество налогоплательщиков, но и для того, чтобы понять, сколько у власти врагов.

Что уж тут лукавить, лучше иметь большое доброе сердце и сундук с серебром, чем просто большое и доброе сердце, это понятно и ребенку! Товар к товару, слово к слову, медяк к медяку, и не ленись благодарить за сытую беззаботную жизнь Бога, имя которого — Меркурий Сверхприбыль-ный.

ГЛАВА 19

Прокаженный

Мы встали на рассвете, чтобы плыть в Гергесу. Было еще прохладно. Розовые перистые облака стояли над горами, отражаясь в спокойной воде озера. Из города доносилось постукивание ручных жерновов, которыми женщины мололи муку на день.

Я заметил, что по самой кромке берега к нам идет человек — странной походкой, еле переставляя ноги. Он приблизился, и стало видно, что это молодой мужчина, больной проказой. Волос и пальцев у него уже не было, и руки напоминали две оглобли с утолщениями на концах, обтянутые изъязвленной кожей. Его наготу прикрывала только грязная тряпица, повязанная вокруг тощих бедер.

Этот страдалец выглядел так, будто Господь отщипывал от его тела по куску, не принимая сразу всю жертву. Мне показалось, что он благородного происхождения, — и тем сильнее, наверно, были его душевные муки, он терял больше, чем какой-нибудь отупевший, ни о чем не думающий раб.

— Йесус! Я пришел к тебе, — проямлил он покрытыми струпьями губами и опустил передо мной на колени не столько из почтения, сколько от отсутствия сил.

Матфей хотел отогнать прокаженного палкой, чтобы нам не заразиться от него, но я не позволил этого сделать.

Солнце вставало над озером, но Гадаринские горы были еще окутаны тенями и только скалы их вершин горели медным огнем. В синеве таяла едва различимая луна, похожая на холеный ноготь пальчика юной блудницы.

Я смотрел на этого человека, пытаюсь понять, чем отличаюсь от него, кроме выпавшей на его долю меры страдания.

— Меня не пустили в город, поэтому я пришел к тебе по берегу, Йесус, — объяснил он. — Мое имя Эфраим, я из Далмануфы, выслушай меня.

— Слушаю, — ответил я.

— Йесус, я был состоятельным человеком, но, видишь, заболел проказой. Моя семья изгнала меня. А моя жена уже нашла себе другого мужчину... но это не имеет значения теперь. Йесус, я умираю, но только ты, слышишь, только ты можешь спасти меня. — Он посмотрел мне в глаза. — Даже если ты недостаточно веришь в свои силы, Йесус, я верю за нас двоих... верю!

К тому времени я повидал немало отчаявшихся людей, которые шли ко мне, из последних сил цепляясь за жизнь, но этот прокаженный был особенным. Удивительным было то, что мы оба в равной

мере нуждались друг в друге, потому что его вера в меня была не менее реальной и сильной, чем его страшная болезнь. Тень Бога, поедавшего его, послушно брела за ним, как на привязи. Бог уже не мог обходиться без этого прокаженного, а прокаженный — без меня.

Он рассказал, что прошел обычный обряд очищения в Иерусалиме у священника, но ни красная шерстяная нить, ни иссоп, ни заклятие птицы не помогли. Он безрезультатно принес в жертву двух агнцев и одну агницу, три десятых частей ефы²⁸ пшеничной муки и один лог²⁹ елея, священник лил ему на голову масло агнца с кровью...

Я положил руку на его лысую грязную голову с шелушащейся кожей, закрыл глаза, несколько раз глубоко вздохнул, сосредоточился и увидел душу прокаженного — она напоминала свиток папируса, горящий с одного конца голубым огнем. Усилием воли я развернул этот свиток и попытался прочитать. Многие слова были утеряны. Я мысленно дунул на него, огонь побледнел и погас, а голова прокаженного под моей рукой дернулась. В этот момент закричали какие-то птицы на воде озера, и я заметил, как этот шум отразился на тексте жизни Эфраима — некоторые слова изменились.

---

²⁸ Мера веса, около 20 кг.

²⁹ Мера объема, около 0,5 л.

Я продолжал вглядываться в свиток. Возле одной из строк была наклеена красная пометка из воска, смешанного с киноварью, и я догадался, что это дата судьбы, которая положила начало болезни. Строки дрожали, но я увидел подробное перечисление свадебных угощений, которое обрывалось на словах «телятины столько же, а вина пятнадцать гин в средних кувшинах». Затем весь текст превратился в две большие буквы, с которых начиналось имя прокаженного:

ЭФ³⁰

Я все понял.

— Кто сократил твое имя, Эфраим? — спросил я.

— Теща! Теща! — воскликнул он, и его лицо исказила ненависть. — Да! Она всегда называла меня Эф, хотя мне это не нравилось.

— Эта злая женщина отняла у тебя часть имени, Эфраим, — объяснил я, — а Бог отнял у тебя часть тела с помощью огня проказы, потому что Он слишком часто слепо подчиняется людям, выполняя их желания, копируя их действия и осуществляя сказанное ими... Я погасил этот огонь.

---

³⁰ Буквы Алеф и Пе, в данном случае читаются как ЭФ.

Теперь, чтобы закончить, напиши свое имя на песке полностью.

Эфраим медленно начертил правой культией свое имя на сером песке.

— Проказа остановлена, но тебе придется смириться с тем, что пальцев не вернуть, — сказал я.

— Ничего, зато у меня еще на месте самый главный палец, этот, между ног, — ответил Эфраим и хищно улыбнулся. — Недаром мое имя означает «плодовитый». Спасибо тебе, прекрасный Иисус...

И с этого мгновения Эфраим стал таким спокойным и уверенным в себе, что я не сомневался — он найдет добрую и неприхотливую женщину, которая приютит его и будет заботиться о нем.

Это была наша с ним победа над проказой, Богом и внутренним огнем. Я с радостью вспоминаю этого человека, в котором увидел столько веры, что с ее помощью можно было сдвинуть гору.

Эфраим помог мне стать сильнее — он поверил в меня по-настоящему, хотя я не был достоин и частицы такой веры. Но я понимал, что сила, данная мне когда-то и пополненная им, не обязательно должна служить моему счастью, а если

я не справлюсь с ней, то она и вовсе меня уничтожит.

Затем я с учениками сел в крутобокую рыбацкую лодку, чтобы плыть в Гергесу. Ветра не было, парус был бесполезен, поэтому Иуда и Филипп усердно работали веслами, а я сидел на корме у руля. Когда мы отплыли примерно на половину стадии, я обернулся и увидел, что Эфраим лежит на песке, охраняя свое имя. День разгорался, стало припекать, и я накинул на голову платок.

ГЛАВА 20

Гергеса

Венедад принял нас радушно. Он давно не был в Кафарнауме и решил, что у нас по-прежнему все хорошо, а с удачливыми людьми ему приятно было иметь дело, в его глазах они были праведниками — он верил саддукеям, говорящим, что милость Божия приходит к тем, кто преуспел в земных делах. Хотя в нашем случае было наоборот: временами мы были удачливы только потому, что строили из себя святош.

В Гергесе, найдя солидный дом Венедада, заметный издалека, мы зашли в его внутренний двор, окруженный комнатами. Там, сидя под навесом за ткацкими станками, несколько старух занимались пряжей. За перегородкой блеяли овцы, а на земле и полках вдоль стен стояло множество сундуков, горшков и лежали набитые чем-то тюки. Посередине двора возвышался базальтовый жернов. Маленькая женщина, завернутая до глаз в серое покрывало, испуганно уставилась на нас. Она перебирала крупу на лавке в углу, в тени, и я не сразу ее заметил. Женщина юркнула в одну из комнат, послышались голоса, и оттуда вышел Венедад.

— Здравствуй, Венедад! Достопочтенный Итан передает тебе поклон и надеется, что у тебя все хорошо в торговых делах, — соврал я.

— Рад тебя видеть, Йесус, — ответил он. — Конечно, я помню тебя. Ты по-прежнему лечишь людей в Кафарнауме?

— Да, сегодня на рассвете отогнал смерть от прокаженного, — сказал я и кивнул на учеников. — Они всё видели.

Венедад решил, что это шутка, и засмеялся.

— Ну, пойдете ко мне наверх, — пригласил он, — потолкуем и съедим чего-нибудь.

Мы поднялись по лестнице на крышу дома, огороженную перилами. Там стояли плетеные кресла с подушками и низкий стол из ливанского кедра, на нем ларец для папирусов, пустые и нераспечатанные сосуды, а на циновках вокруг сушилось множество фиников. Дом располагался на склоне холма, и с крыши, где хозяин, судя по всему, проводил немало времени, открывался вид на озеро, полукруглую гергесскую бухту и сады, ступенями спускающиеся к синей воде.

Мы уселись, и женщины принесли нам еды.

Прежде чем начать разговор о деле, я вежливо расспросил Венедада о его здоровье, семье и благополучии. Он жаловался на боль в хребте, на то, что слишком часто встает ночью помочиться, а также на то, что у него подолгу бывает заложен нос. Жаловался, что власти в Иудее запрещают ему торговать с иноземцами. Жаловался, что от многих переживаний лысеет и чувствует, что у него портится характер. Поведал,

что какой-то иерусалимский торговец керамикой задолжал ему почти талант серебра и не отдает.

Рассказав это, Венедад притворно грозился бросить все, продать свои лавки и караваны и стать штукатуром или составителем благовоний, но тут же спросил, не хотим ли мы купить несколько египетских лошадей по сходной цене. Я ответил, что лошади не влезут в нашу лодку.

Но зато Венедад был абсолютно доволен своей семьей, особенно дочкой, которая родилась от женщины, привезенной им из Ясриба. Его первая жена умерла.

— Моя дочка прекрасна, а кроткая жена молчалива, что я могу пожелать еще, дорогие мои? — произнес Венедад, весело глядя на нас.

Я дал ему несколько советов насчет лечения.

Все в округе знали, что Венедад — бессовестный делец и скуп, как старый эллин. Он даже умудрялся безнаказанно давать деньги в рост евреям, что было строго запрещено законом с незапамятных времен, и не стеснялся аргументировать это тем, что его дальним предком был какой-то ибериец.

Его пухлое добродушное лицо со вздернутым носом, окаймленное черной кучерявой бородкой, почти всегда выражало крайнее благочестие,

а кроткие, слегка навывкате глаза бесповоротно вводили в заблуждение тех, кто ему верил.

Он рассказал также, что начал писать книгу о своей жизни, закупив для этого лучший сорт себенинского папируса, и работает над ней каждый день, скрупулезно записывая происходящие с ним события: где был, что ел, долго ли спал, — искренне считая этот опыт бесценным, и я едва удержался спросить, записывает ли он, как обвел кого-нибудь вокруг пальца.

Я брал еду с блюда, посверкивая перстнем так, чтобы его лишней раз замечал Венедад, и удивлялся, что мы едим бесплатно у такого рачительного человека. Он угощал нас густой похлебкой с кусочками говядины, теплыми ячменными лепешками с медом, зеленью, толчеными бобами с чесноком, а также маленькой рыбкой, маринованной в пряном соусе, рецепт которого он привез из Каралиса, где бывал с торговым судном.

Когда мы насытились, а Венедад устал рассказывать о себе, я будто бы мимоходом спросил, не даст ли он мне в долг мешок хорошего сильного кифа. Венедад удивленно уставился на меня и ухмыльнулся.

— Зачем тебе столько кифа, Йесус? — спросил он, обмакивая лепешку в горячий курдючный

жир. — Вы все вместе решили надолго погрузиться в царство неги и грез? И почему не хотите отдать деньги сейчас? Мешок, в который помещается двадцать четыре саты, если не уплотнять киф, обойдется вам всего в семь тирских статиров.

Я объяснил, что киф мне понадобился для лечебных смесей, умолчав о том, что собираюсь его перепродать, и спросил, почему он объявил такую большую цену.

Это возмутило Венедада, и он разразился объяснением:

— Йесус, ничего не растет само по себе! В том числе цены! В конце концов, навоз, которым обильно удобряли эту траву, чтобы она выросла густой и сильной, тоже чего-то стоит. К тому же люди везут мне киф издалека, ты сам знаешь, что в наших краях эта трава совершенно никуда не годится, разве что на дешевую ткань. Но и там, откуда везут ее, она бывает разной. У меня — лучшая. Как бы тебе объяснить... Это как первый отжим масла, который идет в пищу добропорядочным людям и используется для ритуалов. Второй отжим — рабам, а третий — на светильники. Так почему же вы пришли ко мне без денег?

Иуда начал объяснять, что утром мы, окруженные толпой почитателей, сели в лодку,

чтобы отдохнуть от людей и помолиться в покое на лоне вод, затем вспомнили, что в Гергесе живет такой хороший человек Венедад, а оставалось уже полпути, и мы не смогли не приплыть и не передать ему привет от его товарища Итана. «И да хранит Бог твои торговые дела, благосиятельный Венедад, ведь ты незаменимый человек, ты драгоценный камень в короне городов приозерья и всей Галилеи», — увенчал Иуда свою речь.

Это льстивое вранье было настолько очевидным, что изощренный ум Венедада отказался верить в то, что это вранье.

Сошлись на десяти статирах с учетом процентов, которые я обещал вернуть через месяц.

Когда закончили торговаться, на крышу, по второй лестнице, ведущей прямо с улицы, поднялась девочка лет семи. Увидев ее, Венедад расцвел.

— Это моя дочь Лилит, — сказал он. — Иди сюда, моя сладкая.

Девочка была ухоженная и милая, в пестрой шелковой накидке. Ее черные блестящие волосы были аккуратно заплетены в косы, в маленьких розовых ушках уже сверкали золотые серьги, а на загорелых ножках красовались искусно сделанные сандалии из мягкой светлой кожи.

— Вся в меня, — гордо сказал Венедад, хотя это прозвучало дико, если видеть его грузное изношенное тело. — Как подрастет, не буду выдавать замуж, пусть помогает мне в делах.

В руках Лилит держала странного белого зверька, покрытого нежной шерстью. Он напоминал огромную мышь с большими задними лапами и комически длинными ушами. Зверек дрожал и был воплощением безобидности. На шее у него была повязана красная шелковая лента.

Девочка подошла к нам.

— Кто это у тебя в руках? — спросил я.

— Этот зверь называется кролик, — ответила она, — папин друг привез мне его из Эллады, они обитают только там, причем в одном-единственном месте — в Олимпии, а больше нигде их не встретишь! Я хотела завести себе дамана, один наш работник часто ловит их на камнях возле виноградников, но даманы кусаются и не такие милые. Еще я хотела барханного кота, который охотится на змей в пустыне, но его для меня никак не могут поймать. У этого кота такие красивые уши! Йесус, а как он спасается во время бури? Ведь ему в уши, наверно, залетает песок?..

Я погладил Лилит по голове и еще поговорил с ней. Девочка оказалась умной.

Венедад принес немного кифа на пробу. Я набил трубку, и мы выкурили ее. Киф был прекрасный.

Служанка подала фруктов и сыра. Затем Венедад велел ей принести нам желанный мешок, пергамент и чернила. Я написал долговую расписку. Мы провели на крыше у Венедада еще несколько часов, а когда до вечера осталось недолго, решили отправляться обратно.

Венедад с дочкой спустились проводить нас, и мы остановились попрощаться возле двери, над которой висел массивный бронзовый футляр со свитком Торы.

Видимо, я так понравился Лилит, что она решила подарить мне своего зверька. Я отказывался, отец тоже запротестовал было, укоряя ее, но Лилит все равно с недетской решительностью вручила мне этого кролика.

Когда мы собирались отчаливать, какой-то древний старик с черной от солнца лысиной и седой до желтизны бородой подошел к лодке, молча протянул мне небольшой сосуд, у которого было отколото горло, и, не говоря ни слова, удалился. Я счел это старческой причудой и хотел было бросить ничемный сосуд на берег, но Иуда решил забрать его с собой, сказав, что бережливость лучше богатства.

Дул сильный восточный ветер, и мы быстро доплыли под парусом до середины озера. Иуда с Филиппом не трогали весла, а я слегка направлял лодку кормилом. Кролик сидел на дне у моих ног и дрожал. Видимо, такое дрожание было его основным занятием.

Затем ветер сменился на северный, и там, на середине озера, случилось то, чего боятся все галилейские рыбаки: мгновенно, как настроение женщины во время регул, изменилась погода. Северный ветер принес облака с Голанских гор и встретился над озером с горячим ветром из пустыни.

Маленькую лодку стало подбрасывать на волнах, ее бока трещали. Синяя вода побледнела и пенилась, будто от ярости, а в провалах между волнами зияла немая могильная чернота.

Самым скверным было то, что волны беспорядочно накатывали то с одной стороны, то с другой, казалось, озеро издевалось над нами, и мы не успевали ставить лодку носом к волнам. Ветер ревел так, что я не слышал собственного голоса, берега исчезли в тучах водяной пыли, и мы могли ориентироваться только по солнцу, которое висело на западе в мутном небе, как тусклый медный диск. Филипп отчаянно работал веслами и что-то кричал, а я несколько раз чуть не вывалился за борт, пытаясь править рулем. Иуда сидел на дне лодки

в луже, одной рукой вцепившись в мачту, а другой прижимая к груди мешок с кифом, который обернул своим плащом.

На очередной волне нас швырнуло так, что кролика выбросило из лодки, но он не утонул, а с поразительной ловкостью, прыгая с волны на волну, побежал в сторону Кафарнаума. Я был так напуган бурей, что не нашел сил этому удивиться, а Филипп с Иудой и вовсе не заметили, что произошло.

Вскоре все стихло так же внезапно, как началось. Близился вечер.

Нам очень пригодился сосуд с отбитым горлом, я вычерпал им воду со дна лодки.

Филипп с Иудой взялись за весла.

Мешок с кифом промок.

Я догадался, что случилось. Во время бури Бог смилостивился над нами, но, как всегда, действовал со свойственной Ему небрежностью: поскольку возможность спасения была дарована нашей лодке в целом, а не каждому по отдельности, всю благодать воспринял невинный кролик, а не мы, грешные. В духовном смысле это существо уподобилось высокому дереву, в которое ударила молния

милости Божией, потому что оно в ту минуту оказалось ближе всего к небу.

Мы добрались до берега, когда почти стемнело. Вершины Гергесских гор изменили цвет с золота на пурпур. Матфея с Андреем все еще не было, но возле причала нас ждал Симон, который сообщил, что поймал на берегу странного, невесть откуда взявшегося зверя с лентой на шее. Он спросил меня, можно ли пожарить его на ужин.

ГЛАВА 21

Расслабленный

Мы высушили киф, промокший во время плавания. Ученики целыми днями бродили по городу и вокруг римского лагеря, предлагая наш товар. Иногда легионеры приходили к амбару сами. Довольно быстро мы продали весь мешок и получили денег в десять раз больше, чем должны были Венедаду. Это позволило нам лучше питаться, купить новые одежды и припасти немного серебра на черный день.

Кроме легионеров киф покупали простые жители Кафарнаума и люди, которые приходили издалека, чтобы увидеть меня. Ливийская трава стала универсальным лекарством для тех из них, кого мучили душевные боли. Страдалец, вдохнувший благотворного дыма, легче усваивал мои наставления. Я по-прежнему просил этих людей останавливаться в Кафарнауме подальше от моего амбара, чтобы не гневить префекта Аврелия, разве что иногда позволял остаться с нами на ночь новым женщинам из числа искавших мессию.

Появлялись и новые прокаженные, но я уже не мог им помочь — в основном это были отчаявшиеся люди, которые уже не верили ни во что, кроме того, что за ними всюду следует смерть.

Так оно и было. Некоторые умирали в пустынных местах вокруг Кафарнаума, потому что из города их гнали палками и камнями, а самых настойчивых травили собаками.

Глядя на такие сцены, я думал, что проказа — лучший символ человеческой жизни, ведь от жизни тоже нет исцеления, не правда ли? Можно только верить — в небылицы, предания, травы и законы, в близость дождя, в родственные связи богов или в свою семью, в государство и дружбу, лишенную эротизма, но по-настоящему искренне верить можно только в смерть, именно она олицетворяет самую чистую и безупречную религию, ведь все равно жизнь идет так, как идет, но при этом ты, веря в смерть, не обманываешь себя.

Конечно, и я, как все, верил во что-то. В то, что мне дарована сила. Но чудеса, которые я совершал, не могли обольстить меня самого, я понимал — это лишь необъяснимое преломление света в кристалле моего ума.

С тех пор далеко за пределы Галилеи разнесся слух, что я исцелил расслабленного. На самом деле этот юноша, сын рыбака, попробовал наш киф и несколько дней подряд так усердно курил его, что в итоге не мог подняться с постели и своими стенаниями убедил близких, что умирает. Его семья была в панике. Позвали меня. Я попросил оставить нас вдвоем и строго-настрого запретил изнуренному юноше курить киф. А ученикам запретил продавать ему траву, даже если он будет просить полщепотки за три цены. Он не знал меры.

Через пару дней юноша встал и отправился рыбачить с отцом. Его отец со слезами принес мне дары — копченой рыбы, сыра и половину ефы зерна.

Или вот природа простого чуда: представьте, что долговую расписку, которую я дал Венедаду, съела корова, а я об этом не знаю. Я продолжаю думать, что расписка реальна, а ее нет! Святая уверенность в существовании чего-то и есть магия, чудо, которого все так ждут.

Каждую секунду мир продолжает гореть, исчезая и меняя очертания, стираются буквы на камне, гниют свитки, и корова Хроноса не оставляет никаких свидетельств нашей жизни.

Хорошо, что усердный Матфей иногда делал свои записи, хоть и фантазировал, как дитя.

ГЛАВА 22

Бог смерти

Несколько дней шел дождь, что было необычно в тех местах. Дождь такой мелкий, будто одалиски Юпитера протрясали его сквозь небесное сито, превращая капли в пыль. Ученики снова разбрелись. Андрей сказал, что отправился в Вифсаиду, Матфей — в Хоразин. Где были остальные, я не знал. Рядом, как всегда, оставался Иуда, и мы почти не выходили из нашего амбара, докуривая остатки кифа и попивая медвяную сикеру. Я был умиротворен, и убогий амбар казался мне просторным каменным чертогом, потолок которого изогнут куполом, будто небесный свод, и к тому же выложен лазуритом и сверкает сотнями маленьких орихалковых солнц. Под этим куполом я был судьей и преступником, женщиной и девушкой, зверем и птицей. Я вмешивался в движение светил и впитывал горный нектар. Я был уродлив, как младенец, и красив, как новоявленный херувим, я был неумолим и нагл, а через секунду смущенно прятал лицо за веером перьев своего крыла. Несколько раз наведывались легионеры увериться, что кифа больше не осталось, да прибрела сумасшедшая бабка, мечтающая забеременеть от какого-то духа. Насколько я понял из ее несвязных слов, это был дух мужчины, погибшего много лет назад. Я довольно грубо велел ей возвращаться домой.

Однажды к вечеру дождь прекратился. Я вышел на берег. Во влажном туманном воздухе

Галилейское озеро было бесконечным, как море, противоположный берег растворился в молоке. Казалось, по озеру можно было попасть в иные акватории и плыть мимо прихотливых пейзажей и непокоренных островов, населенных людьми, не ведающими ложного стыда.

Я отвязал одну из рыбацких лодок, сел в нее и оттолкнулся от причала, медленно удаляясь от Кафарнаума с его страстями. Вскоре берег перестал быть виден, звуки города не доносились. Совсем стемнело. Я лег на дно и закрыл глаза.

Я хотел понять, что делать дальше. Мне было тридцать лет. Я знал языки, исходил всю Палестину, был в Египте и Ливии, я все это время старательно учился мудрости книг и точности слов. Мог одним взглядом заставить почти любую женщину раздеться и лечь со мной. Научился покорять толпу.

Я стал видеть первооснову словесной материи, передо мной раскрывались двери молелен и бутоны цветов.

Но вся эта ярость красок и чувств не могла утешить меня. Я лежал на дне лодки и плакал, потому что был одинок среди учеников, случайных женщин и тех растерянных и больных людей, которые шли ко мне.

Я вдруг отчетливо понял, что озеро — всего лишь озеро и выхода из него нет. В этой рыбацкой лодке я лежал на поверхности воды, как на блюде, перед Тем, кто собирался ткнуть в меня ритуальным ножом.

Я понял, что весь этот путь был всего лишь отдалением от дома моего детства, от родного очага в Нацерете — к наивным мечтам о том, что в мир можно бросить зерно смысла.

Я давно не пытался узнать, где моя мать, потому что ее безумие было мучительным для меня, я не мог узнать, кто мой настоящий отец, и понимал, что, даже если он еще жив, ему до меня нет никакого дела.

Но мне вдруг отчаянно стыдно стало от того, что я был так бесчувственен к старику Иосифу. Я смеялся над его плотницким ремеслом, и он знал это, но молчал. Он ни разу не ударил меня, в отличие от матери. Да, он был отчимом, но он был, кажется, единственным человеком, который любил меня по-настоящему, хотя никогда не выставлял это чувство напоказ. Ему так приятно было помочь мне, когда однажды я мастерил из щепок кораблик, чтобы пускать его в пруду...

По еврейским законам, я был для него чужим внебрачным вырождением, мамзером, а он хотел обучить

меня столярному делу, которое любил сам. Может быть, я был бы счастлив, помогая ему делать мебель и кресты для распятий, — в конце концов, таким способом часто казнили настоящих негодяев, достойных смерти.

Куда я спешил? Что приобрел кроме исключительной степени отчаяния, настолько сильного, что с его помощью можно было исцелять людей?

Кому нужны мои откровения? Толпе, которая носит проповедников на руках, а потом, по наущению левитов, требует распять или забросать их камнями?.. Сначала евреи обмывают какому-нибудь несчастному пророку ноги слезами, а потом бегут в Иерусалиме за носилками префекта, умоляя казнить лежащего, потому что чуда не произошло. Очередного чуда.

Недавно пришла весть, что Ирод Антипа казнил Иоанна, признавшего во мне мессию. Хорошо, что Антипа выбрал для него быструю и безболезненную смерть, воин просто отсек Иоанну голову одним взмахом кривого парфянского меча, такие носит при его дворе стража...

Так пусть, пусть эти паршивые люди верят, что казнь Иоанна — чудо! Хотите чуда — вот оно.

Людам все равно, исцелил я человека или склеил разбитый сосуд.

Так ради чего все это? Может быть, ради тихих ученых евреев, которые записывают разные громкие истории, нещадно перевирая их на свой лад и чувствуя себя творцами Вселенной?

Я даже не смог похоронить бедного Иосифа, своего негордого и тихого отца. Да, отца. Лучше называть его так. Я должен был скрасить его старость, он жил до ста одиннадцати лет.

Я вдруг понял, что он был единственным человеком, которого любил я сам... Но в двадцать шестой день месяца абиба он умер.

Кто я теперь? Болтун и торговец кифом, одурманивший целый римский гарнизон. Отщепенец. Груз для лодки. Нелепое соединение жидкостей — лимфы, крови и мочи. Я даже не знал, какова судьба моих собственных детей, зачатых за эти годы от разных женщин в разных местах. О чем я мог бы поговорить с собой, встретить я себя на дороге? О свойствах цифр и букв? Да я плюнул бы себе в лицо! Невежда! Что ты знаешь?

Я не знаю, что со мной было до рождения, и не знаю, что будет после смерти. В сущности, я окружен абсолютным незнанием вообще. А то частное знание, которое имею, не стоит и потертой лепты...

Я плакал, свернувшись на дне лодки, обхватив колени руками, как часто делал в детстве. В эту минуту мое отчаяние не могло больше быть источником силы, я просто искренне захотел умереть, поняв, что ничего страшного в этом нет, поняв, насколько прекрасно само свойство смерти — небытие, свободное от всего, лишенное даже намека на страх или гордыню, трусость или предательство.

И безмятежность. А может быть, возможность встречи с Иосифом.

Вдруг я почувствовал, что меня вдавило в дно лодки, будто гигантские невидимые руки быстро и бережно подняли ее к небу. Я открыл глаза и увидел над собой огромное черное лицо с длинным носом. Поразительно красивое, оно почти сливалось с небом и смотрело на меня желтыми миндалевидными глазами, в которых угадывалось сочувствие. Над этими яркими нечеловеческими глазами и узким лбом торчали высокие острые уши. Это был Лик Отсутствия, перед которым все живое теряло смысл, и я испытал восторженный ужас.

Я взглянул за борт — лодка висела на умопомрачительной высоте. Вдалеке виднелись в свете звезд вершины гор, а озеро подо мной было похоже на тусклую лужу с неровными берегами, на которых кое-где виднелись крохотные светлые точки — горели костры путников и рыбаков.

По обеим сторонам от величественной черной головы шевелилось множество бледных полупрозрачных голых людей, напоминающих египтян, было похоже, что они шли друг за другом, а потом остановились. Они отчужденно смотрели на меня, чего-то ожидая. Все они были с какими-то изъянами — я заметил мужчину с распоротым животом, смертельно худую женщину, младенца с необрезанной пуповиной, молодого мужчину с отрубленной рукой...

Мощь и величие исходили от черного существа, держащего на ладони мою лодку, и я с трепетом понял, что это Анубис, который провожает караван умерших за день людей в вечность, они только начали свой путь и дальше должны были проследовать орбитами планет.

Когда я возжелал смерти, алое облако скорби вокруг меня было столь ярким, что Анубис не мог не заметить его на пустой глади озера своим божественным зрением. Он сжалился и решил помочь. Каким-то образом я понял, что для согласия присоединиться к процессии должен сказать только одно слово «да» на египетском наречии и Анубис возьмет меня с собой в сферы, где уже не будет страдания, но я медлил, это было важным решением.

Великолепная черная голова нетерпеливо качнула ушами, и мне показалось, что я услышал голос Иуды, полный волнения и любви.

В ту же секунду я очнулся на дне лодки. Туман над озером рассеялся, появились звезды. В темноте сбоку маячил огонек. Все это время лодка кружилась на тихой воде недалеко от причала. Я понял, что Иуда зажег лампу, вышел с ней на берег искать своего учителя и этим спас мне жизнь. Иудушка, йильди!..³¹ В лодке лежало только одно весло. Я взял его и направил лодку к берегу.

---

³¹ Дитя мое (арам.).

ГЛАВА 23

Любовь Филиппа

Тем вечером мы сидели, как обычно, на берегу озера у костра. Звезда Цедек приблизилась к владениям Альмы³² и была такой яркой, будто рассчитывала согреть земных тварей своей милостью. Мы собрались вместе. Андрей вернулся из Вифсаиды и рассказывал новости. Симон жарил для всех чечевичные лепешки на камне. Шелестели волны на песке, пламя костра металось то в одну сторону, то в другую, и Симону приходилось передвигать камень. Был один из тех вечеров, которым я придавал мало значения, но которые стали, как вижу теперь совершенно ясно, подлинной и лучшей текстурой моей жизни, в иные дни в большей степени пропитанной горечью и суетой.

Разговор зашел о мужеложстве.

На днях к пристани причалила большая лодка, хозяин которой зарабатывал тем, что перевозил людей и грузы с берега на берег. В числе каких-то переселенцев на этой лодке приплыл юноша по имени Иона, чтобы увидеть меня. Он был красив: стройный, смуглый, с горбинкой на тонком носу и зелеными глазами. Он имел безволосые голени, умощенные кудри, бритые щеки и мягкие одежды, а также мелодичный голос. Юноша оказался родом из Гиппоса и пришел ко мне, потому что слышал, что я не так суров, как другие учителя. Причина

---

³² Дева (созвездие) (ивр.).

была в том, что его необоримо влекло к мужчинам. В Гиппосе он подвергался издевкам и насмешкам, родители стыдились его, а сверстники избегали. Но сильнее всего его оскорбляло то, что знакомые отказывались считать его мужчиной и называли не иначе как «лилла»³³. Он справедливо полагал, что имеет право оставаться настоящим мужчиной, любя мужчин и отдаваясь им. Ему повезло, что он жил не в Иерусалиме, где сутулые чванливые книжники нового поколения имели бóльшую власть, чем в глубинке, и могли потребовать суда над ним, хотя в Торе и не запрещается мужеложство, там сказано только о запрете совокупления с гермафродитом: «И не ложись с мужчиной, который с ложами женскими», и запрет объясняется лишь заботой о гермафродите, который может зачать ребенка, но погибнет в мучениях, когда дело дойдет до родов. Впрочем, я слышал от одного почтенного старца устный комментарий к Торе о допустимости совокупления с гермафродитом через тыльные врата.

Да, какой-нибудь бессердечный книжник с хорошо подвешенным языком запросто мог доказать толпе на площади, что этот ангелоподобный юноша Иона — главная беда Израиля. Законоучители, вестники Божией воли... Откуда берутся эти пустые люди в таких количествах? Как далеко в чертоги ненависти заходят они в своей уродливой вере!

---

³³ Баба (арам.).

Мудрый Гиллель Вавилонянин сказал им: «То, что ненавистно тебе, не делай другому, — в этом вся Тора», но и его голос утонул в шуме толпы.

Мудрость нашего народа уже почти занесло песком.

Иона признался, что не может больше так жить, и попросил меня исцелить его от склонности к мужеложству. Это рассмешило меня.

— Твоя страсть — это твоя жизнь, — сказал я, — а разве я могу исцелить тебя от жизни?

Он удивился, что я не стал бранить его или увещевать, и его смазливое лицо просияло.

— Люди не считают тебя мужчиной, а меня не считают человеком, поэтому я очень хорошо тебя понимаю, милый Иона, — добавил я, чем утешил его окончательно.

Я разрешил Ионе остаться с нами на какое-то время.

Филипп сразу взялся его опекать. В амбаре он сделал юноше постель из сухого камыша, покупал ему разные вкусности и всячески его баловал, но при этом стал использовать как женщину. Впрочем, оба были довольны. Я не препятствовал.

Но в тот вечер, когда мы собрались все вместе у костра, когда лепешки были съедены вместе с маленькой жареной рыбой, Матфей вдруг ни с того ни с сего стал обвинять Филиппа в том, что тот слишком увлекся Ионой; говорил, что это может дурно обернуться для нас, если слух пойдет по городу — дескать, старейшины и раввин могут даже инициировать суд, который неизвестно чем кончится.

Иона в это время ушел в город, посланный мной купить каддим³⁴ пальмовой сикеры в лавке. Филипп молчал.

— Давайте продадим Иону в римский гарнизон, — пошутил Андрей так глупо, что никто даже не улыбнулся, а Филипп покосился на него с такой злостью, что, казалось, вот-вот вцепится ему в бороду.

Все ждали моего решения.

— Матфей, — сказал я, — давай вообразим, что ты устал скитаться со мной по городам и весям и свил себе, скажем так, гнездо где-нибудь в Иерусалиме, в переулке у Змеиных ворот, где живут скрипторы, лекари, гадалки и халдейские волхвы...

— Нет, Йесус, — возмутился Матфей, — я не оставлю тебя, зачем ты так говоришь?

---

³⁴ Кувшин (ивр.).

— И все-таки давай представим это, — продолжал я, — ведь способность к воображению дарит воинам победу, а поэтам — возможность писать поэмы; с помощью воображения Барак³⁵ победил хананеев с их железными колесницами. Итак, ты, знаток вероучения, нашел постоянное место, стал скриптором, исправно несешь дары Ваалбериту³⁶, переписываешь торговые бумаги, настоящие и поддельные завещания и книги при Храме. Ты умащиваешь свою лысину елеем, красишь и подстригаешь бороду, и вид твой так богоугоден, что паломники подают тебе монеты. А может быть, ты даже женился...

— Только не это, Йесус, — воскликнул Матфей, его лицо отразило искреннее страдание, и все заулыбались. — Прекрати смеяться надо мной, учитель! Чтоб я поселился с какой-то бессмысленной бабой у Змеиных ворот, где каждое утро находят ограбленного мертвеца?..

— Дослушай меня, Матфей, — нахмурился я. — Итак, ты накопил достаточно денег и решил не сдавать их на хранение в Храм, а держать дома. А дома у тебя есть два сосуда — один целый, у другого выбито дно. В какой из этих сосудов ты положишь свое золото?

---

³⁵ Барак бен-Авиноам, израильский полководец.

³⁶ Ханаанское божество, под покровительством которого заключались договоры.

Все молчали. Потрескивал костер. Матфей наморщил лоб. Он не торопился отвечать, размышляя.

— В целый сосуд, — наконец ответил он неуверенно.

— Очень хорошо! — обрадовался я. — Ты, наверно, помнишь слова великого раввина Менахема Мендла Таббая о том, что истинный мудрец способен в течение дня превратить несколько капель своего семени в несколько золотых монет?

— Помню, — кивнул Матфей.

— Да, и это значит, Матфей, что золото мы можем приравнять к мужскому семени.

— Можем, — согласился он, — но какое отношение это имеет к неблагоприятной связи Филиппа с Ионой?

— А вот какое, — сказал я и строго посмотрел на него. — Все слышали, как ты сделал выбор, положив золото в целый сосуд. Но ты забыл, что другой мудрый раввин, Ниттай из Арбея, сказал, что женщина — это сосуд без дна. Значит, мужчина — это сосуд с дном. Учитывая все сказанное, ты признался, что готов поместить свое семя в мужчину.

Матфей хотел что-то возразить, даже сделал возмущенный жест рукой, но не смог.

— Что получается, милые мои? Почему раввины говорили так? — продолжал я. — А вот почему: сквозь женщину семя льется в ненасытную вечность, оно уже не принадлежит тебе, оно превращается в неконтролируемый огонь. Женщина продолжает болезнь жизни. Поэтому давайте не будем осуждать Филиппа, может быть, он в чем-то мудрее нас. В конце концов, он уже отведал горечь супружества и может сравнить одно с другим... Но при этом не надо забывать, что есть пословица аравийских кочевников: «Зад юноши прекрасен, но это не врата вечности». В этой пословице сквозит сожаление... Поэтому выбирайте, но помните, что вечность непредсказуема. Вы можете влить в нее море семени, и оно высохнет, оставив на поверхности лишь мертвую соль. А можете бросить туда несколько еле слышных слов и создать цветущую империю, а ваша старость будет скрашена любовью наследников. Так что здесь у всех вас есть выбор.

— А ты можешь вылечить Иону и отправить его домой в Гиппос, к родителям? — спросил Симон и пояснил: — Ведь мы для него скучные и довольно старые люди, и вряд ли он постоянно будет с нами, он уйдет искать новых чувств. А недобрые люди способны сделать с ним что угодно, ведь он такой доверчивый.

— Кто знает, Симон, — ответил я. — Может быть, Иона останется с нами до тех пор, пока Священный Синедрион не начертает в нашем приговоре слово «хенек»³⁷. Это слово есть лучшее лекарство и от любви, и от жизни.

Филипп повеселел.

— Спасибо, Йесус, что понимаешь меня, — сказал он. — Я как представляю, что кто-то может обидеть Иону, сразу такая тревога на сердце. Что, если из него обманом сделают раба? Он же умеет только петь и танцевать с бубном. Моя душа разрывается при мысли, что он будет страдать где-нибудь на работе в поле под нещадным солнцем и кнутом. А если он попадет на «Фиолетового осла»?

Да, Филипп тревожился не напрасно. Юноши вроде Ионы не без оснований считают себя совершеннейшими из мужчин, но слабы перед лукавством мира и грубой силой, что, впрочем, вовсе не отменяет их мужественности, ведь даже льва в Иудейской пустыне можно заманить в ловушку.

Я подбросил хвороста в костер и вспомнил, что однажды в порту Тира видел знаменитый коринфский корабль с фиолетовыми парусами и носом, украшенным деревянной мордой осла. Некий

---

³⁷ Удушение (ивр.).

предприимчивый человек, по-видимому, вдохновленный эллинской пословицей, гласящей, что бордель — куда более надежное вложение денег, чем корабли, создал плавучий лупанарий, где содержались мальчики и юноши — дети рабов, а также несколько удивительных уродов для утех: женщина с четырьмя сосцами; беззубый и слепой негр-альбинос, достигший Зевесовых высот в ремесле феллатора; старая ливийка с волосатым лицом, которая взглядом и шепотом вводила мужчину в состояние сладкого полусна и совокуплялась с ним до тех пор, пока друзья или родные не уносили его домой. Был на корабле и ученый гермафродит с шестью пальцами на каждой руке, который ублажал мужчин искусственным жезлом из кожи, ведя при этом деле беседу столь изящно, что удовлетворились бы и милетские мудрецы.

Раскрашенную морду осла видели эфебофилы и сладострастники во всех крупных портах от Киренеи до Фракии, доходил корабль грез и до Херсонеса в Понте Эвксинском. Достойные мужи посещали его и платили хорошие деньги ради веселой науки, но оказаться там в шкуре молодого раба было бы несладко. Иначе говоря, по сравнению с тем, что свершалось на этом корабле, мерк даже разврат антиохийских бань.

— Не тревожься, мой дорогой Филипп, — сказал я. — «Фиолетовый осел» не появится

в Галилейском озере, хоть оно и называется иногда морем. А умеренное мужеложство — это хорошо, еще царь Давид говорил о своем любовнике Ионафане, что его любовь была для него превыше любви женской. Просто знайте меру. Во всем. В курении кифа, в смехе, в гневе. Скорбите тоже в меру. Иначе утратите волю, и духи земли будут творить свою волю через вас. Истый мужеложник и скорбец во власти духа может стать таким бешеным, что когда-нибудь убьет любовника только за то, что он не с той стороны очистил ему от кожуры индийский плод³⁸. Буквы имени такого человека сами собой могут перескакивать с места на место, образовывая ненужные, а порой и опасные сочетания. Добродетель, как говорил учитель Сократ, зиждется на контроле над сладострастием.

Вскоре вернулся Иона и принес кувшин сикеры из лавки. На деньги, которые остались от тех, что я ему дал, он купил себе немного конфет из меда с протертыми ягодами. Он подсел к костру и начал что-то рассказывать, смеясь, его лицо в свете огня было особенно нежным и юным. Он сделал несколько глотков сикеры, сразу опьянел, сходил в амбар, нашел в своих вещах сердоликовые бусы, надел их, затем скинул хитон, оставшись только в повязке на бедрах, и стал танцевать с тимпаном. Белый шелк повязки светился на его смуглом теле,

---

³⁸ Банан.

которое, казалось, было покрыто короткой нежной шерстью, сверкали его жемчужные зубы, кошачьими манерами он был подобен богине Баст, и мы залюбовались им. В такт его хищным движениям мы начали хлопать в ладоши и запели песню.

Во всей внутренней тьме, окружавшей Кафарнаум и озеро, и спящий Израиль, во всем утлом и непристойном мире он танцевал, как бог, только для нас — и это было прекрасно, Иона олицетворял цветущую мужскую красоту, какой она предстает в период преобразования юноши в молодого мужчину.

Один Матфей не поддался его очарованию — он отошел к амбару, сел там у двери, зажег лампу, развел чернила и с деловитым видом принялся записывать что-то.

Иона прожил с нами еще неделю, а затем познакомился в городе с каким-то заезжим торговцем эллином, немолодым, но состоятельным. Спустя час Иона отдался ему в городской терме. На следующий день, уводя караван из города, эллин забрал Иону с собой.

От козы и человека рождается фавн. От козла и женщины — сатир. От сатира и нимфы родился юноша Ампел, возлюбленный Диониса, ставший звездой в чертоге Цедек. Но мне всегда хотелось

знать, кто в мире фантомов рождается от двух мужчин? В одном я уверен: два мужа в постели — это лучше, чем мул и осел, запряженные в одну телегу. Мул и осел никогда не смогут идти рядом, а мужчины при желании всегда найдут общий язык.

Иногда мне кажется, что Иона танцует на берегу озера до сих пор, хотя все мы, глазевшие на него тогда, давно превратились в мумии. Камни поют под его ногами, стираясь в песок, местные рыбаки бесконечно чинят свои сети, девочки превращаются в желчных старух, матери проклинаят своих нерадивых сыновей, сотни раз отцветает гибискус, а Иона продолжает танцевать; днем его гибкое тело кажется темным, во тьме оно источает свет, а если лунной ночью бросить ему под ноги горсть зерен финикийского яблока³⁹, он примет их за драгоценные антраксы, опустится на колени, чтобы собрать, и в этот момент ты можешь без единого лишнего слова вложить в его прекрасный рот свой пылающий зайин.

---

³⁹ Гранат.

ГЛАВА 24

Священники

Я вел тихую жизнь в Кафарнауме, но громкие слухи обо мне не утихали. Как будто некий сказочный дух бродил по дорогам и каждый день вытворял что-то от имени Иисуса Нацеретянина. Впрочем, ко мне продолжали приходить люди: из Декаполиса, Иудеи, Финикии, Итуреи, из Махерона и Масады. Приезжали на ослах, приплывали на лодках.

Больше всего, конечно, шли из Галилеи и сопредельной Самарии. И почти все хотели что-то получить. Взять. Схватить свое исцеление, а дальше пусть хоть исчезнет весь предательски здоровый мир в пасти Таннина⁴⁰. Прав был мой наставник в медицине Априм, говоря, что в болезни человек либо становится святым, либо думает только о себе и ради исцеления готов задушить ближнего. Последнее, конечно, чаще.

Я понял, что мое имя стало жить своей жизнью в воображении народа, но знал бы еврейский народ, как я временами ненавижу его.

Где-то там, за Гергесой, за цепью гор, пролегла Via Regia⁴¹, ведущая из Египта в Дамаск и дальше, в древний город Рецеф. Однажды ко мне принесли

---

⁴⁰ Чудовище, символ хаоса в еврейских религиозных текстах.

⁴¹ Царская дорога (лат.), древний торговый путь.

эфиопского вельможу с застарелой опухолью в животе. Рабы тащили его по этой дороге полторы тысячи стадий, он добирался ко мне из Аксумского царства, с другого берега Эритрейского моря. Большую часть пути они проделали на корабле, который остался ждать их в порту Эцион-Гевера.

Он так ослаб, что едва мог говорить, и тяжелые золотые перстни спадали с его иссохших коричневых пальцев.

Через толмача он сказал мне, что является потомком самого царя Соломона и царицы Савской (а значит, происходит из того же колена, что и я), но в это трудно было поверить, глядя на его сморщенное черное лицо с оттопыренными ушами, похожее на рожицу старой обезьяны. Разве что кожа его была чуть светлее, чем у обычных эфиопов.

Я уже не мог ему помочь. Слуги отнесли его в город, и через несколько дней он умер, найдя последний приют среди могил кафарнаумских рыбаков и садоводов.

Как он узнал обо мне? Наверно, какой-то еврей-торговец посетил те земли в поисках дешевой слоновой кости, леопардовых шкур, эбенового дерева и редких благовоний.

Однажды привели молодого мужчину, больного прогерией. Говорят, с такой болезнью редко доживают до десяти лет, а этому было двадцать. Его тело стремительно старело, и он выглядел как паломник, вернувшийся со звезды, где время течет быстрее. Я помазал ему лоб и руки ароматным маслом, и это было все, что я мог сделать. Старость, хоть и преждевременная, непобедима.

Часто приносили умирающих детей. Я сумел спасти лишь нескольких, одним из них был белокурый мальчик-раб с севера, который задыхался — у него воспалилось горло, и от этого появилась пленка, которую я проткнул пальцем. Но всегда, спасая ребенка, хотя это и получалось редко, я чувствовал вину за то, что обрекаю его на жизнь: может быть, Бог послал эту душу на землю в виде наказания последний раз, а я делаю так, чтобы наказание было доведено до конца, чтобы человек познал бесконечную боль мира, испил эту чашу до дна.

Ведь самое обременительное, что может быть вообще, — это осознание реальности своей плоти, которая независимо от твоей воли стремится только к одному — к распаду на атомы и погружению в апейрон, в безликое первовещество, как установил Демокрит Абдерский, если копия греческого текста этого учителя, попавшая ко мне, переписана верно.

И, конечно, кафарнаумские старики каждый день ковыляли ко мне кто с болью в спине, кто с бессонницей. От этих и прочих незначительных недугов спасали травы. Я собирал их в лугах вокруг Кафарнаума, сушил в амбаре, перетирал и смешивал. Душица при астме. Отвар зуты успокаивает. Витания — при утрате мужской силы... Пажитник, мята, мак...

На некоторые растения пагубно действует свет солнца, поэтому сушить их надо в тени, а белену, дурман и белладонну вообще следует собирать ночью, чтобы не потерять их свойств.

Из высушенных побегов сливового дерева, пихты и сосны, растертых с чесноком и настоянных на вине, хорошо делать компрессы от язв и бородавок.

Я пробовал составлять новые лекарства из растертых камней, органов и крови животных, а также выяснил, что порошок из сушеных черных тараканов незаменим при водянке, а порошок из божьих коровок — при боли в зубах.

Пчелиный клей заживляет ожоги, но только он должен быть свежий — желтого цвета; старый, почерневший не годится.

А тем, у кого болели суставы, я советовал сидеть на лодку и отправляться к целебным

горячим источником в Хамат-Гадере, от Кафарнаума при попутном ветре это полдня пути.

Вывихи, переломы. Хорошо, когда при переломе не обнажена кость. Вывихи я вправлял, сломанные кости помещал между двух дощечек и закреплял веревкой. Некоторые бестолковые лекари обрабатывают переломы порошком из костей животных, но это еще никому не помогло, только ухудшало заживление, и я никогда так не делал.

У меня были медные палочки с крючьями на конце, которыми я вырывал зубы, и маленький острый египетский нож с нефритовой рукоятью, им я вскрывал и вычищал раны. Эти инструменты перед использованием я обязательно держал над огнем, чтобы убрать с них грязь, в том числе частицы пыли и жира от прикосновений рук.

Иногда я ловил лягушек, жег их в костре и продавал лягушачий пепел женщинам, которые использовали его, чтобы избавиться от нежелательных волос на ногах и других частях тела. А при нерегулярных циклах советовал женщинам пить настой петрушки.

От геморроя помогают свечи, сделанные из равных частей серой египетской соли, бычьего костного мозга, инжира и ладана.

Я уверен, что медицина — это умение перенимать целебное воздействие природы, поэтому, если хочешь добиться успеха в этом деле, надо подражать природе, а не людям, даже если они слынут искусными врачевателями. «Спроси у скота, и научит тебя, у птицы небесной, и возвестит тебе», — сказал в древности один еврей и был прав.

Кифом мы больше не торговали, потому что должны были Венедаду десять статиров, отдавать не спешили, а больше взять кифа было негде.

Однажды жарким днем я дремал на берегу под фисташковым деревом, пытаюсь прочитать слова, которые плыли передо мной в разных направлениях: это были обрывки судеб, какие-то жалобы и доносы, фрагменты восторженных молитв, просьбы о помощи, необъяснимые комментарии к священным текстам, неизвестные мне ранее способы лечения с помощью ядов и длинные страстные письма от живых к мертвым, полные боли. Я понимал совершенный язык, на котором все появлялось; наверное, таким он был до обрушения мигдаль бавель⁴². Затем я вдруг осознал, что вижу и свою жизнь, выраженную в цифрах и буквах, я стал жадно вглядываться в нее и увидел эллинское слово *κορβάν*⁴³ и индийскую цифру «13», стоящую рядом

⁴² Вавилонская башня (ивр.).

⁴³ Жертва (греч.).

(этому способу счета меня научил странствующий брахман из Варанаси). Эллинское слово вспыхнуло красным огнем, цифра «3» зашевелилась, ее изгибы стали похожи на очертания человека, и я понял, что это сам почтенный первосвященник Иосиф Каиафа. Единица у него в руке оказалась посохом из черного дерева.

В эту минуту меня разбудил Симон и сообщил, что из Иерусалима пришли два священника и желают о чем-то побеседовать со мной.

— Они ждут тебя в синагоге, Йесус, — взволнованно говорил Симон, — а с ними стража. Может быть, лучше туда не ходить? Давай сядем в лодку и уплывем, ведь из Иерусалима добра не жди.

Я рассудил, что если бы они хотели поймать меня, то пришли бы за мной на берег неожиданно, но они чинно сидели в синагоге, поэтому бежать было глупо. Не испытывая особой радости, я отправился к этим гостям, размышляя, почему Каиафа, которого я никогда не видел, так отчетливо является мне во снах. Я даже запомнил его лицо, привлекательное той упитанной красотой, которая способна облагородить любой порок.

Андрей с Филиппом отсутствовали, Иуда отправился помогать рыбакам забрасывать сети с лодки, и к синагоге со мной пошли Симон и Матфей.

Впрочем, внутрь их не пустили. Священники хотели говорить со мной без свидетелей, присутствовать позволили только раввину Авдону, который едва скрывал радость от того, что мной наконец заинтересовалась духовная власть, ведь понятно было, что это не сулило мне ничего хорошего.

Со священниками прибыли их слуги и охранники. Эта делегация, опекаемая Авдоном, расположилась в доме при синагоге, где обычно останавливались важные гости. Там же была конюшня. От этого дома вела через сад к микве красивая, обсаженная кустами дорожка.

Мои ученики и четыре воина, сопровождавшие священников, остались во дворе синагоги.

Два священника ждали меня, сидя за покрытым узорчатой тканью столом, который был специально для этого внесен в синагогу. Авдон стоял рядом, стараясь уловить каждое желание гостей. Их звали Элиша и Ханох, они были нагидами, помощниками первосвященника, и пользовались большой властью, особенно в Иерусалиме и окрестностях. Элиша был высок и статен и имел необычную бороду — коричневую, с ровной проседью посередине, похожей на белую полосу, нанесенную раствором мела. Дорогая длинная одежда из голубого виссона и серебряное ожерелье с двенадцатью голубыми камнями, по числу Израилевых колен,

придавали ему царственное величие, но его взгляд, в котором я уловил затаенную неуверенность, говорил, что этот чувственный и, наверное, неглупый человек получил свою высокую должность случайно. Ведь цари и священники не должны сомневаться ни в своем величии, ни в своей правоте, иначе для них все кончается плохо.

Ханох был низкоросл, но в два раза шире Элиши, с бородой цвета черной меди и необычайно густыми бровями, из-под которых остро смотрели маленькие и равнодушные, как у ящерицы, глаза. Этот человек явно никогда не испытывал сомнений, действуя от имени Израиля, об этом говорила вся его коренастая, в белой мантии фигура. Лицом он напоминал наемного выбивателя долгов. На запястьях у него были тонкие золотые браслеты.

Головы обоих украшали шелковые кидары со множеством складок и вышитыми голубой нитью словами «Святыня Господня». Оба они являлись членами Священного суда, неповиновение которому наказывалось смертью, и я сразу понял, что перед этими людьми нет смысла резать вены и пускать кровь. По их воле пролито достаточно крови, чтобы они давно к этому привыкли.

— Приветствую вас, достопочтенные нагиды. Вы хотели видеть меня? — спросил я, садясь

на каменную, покрытую ковриком скамью у восточной стены.

— А как ты сам думаешь, Йесус, зачем мы добились сюда два дня? — спросил Элиша.

— Неужели всего лишь поболтать с галилейскими язычниками? — весело ответил я.

На лице Элиши мелькнуло раздражение, Ханох остался невозмутимым.

— Йесус, — сказал Элиша, — я знаю, ты умеешь дурачить неграмотных людей, но сейчас будь серьезен. Решается твоя судьба. Недавно ты одновременно совершил несколько преступлений в разных городах от Вирсавии до Филипповой Кесарии. В Кесарии ты убедил толпу в скором наступлении конца света, и несколько человек совершили самоубийство. В Вирсавии ты украл деньги городской общины, а в Баниасе возле пещеры ты прилюдно принес жертву поганому языческому Пану, говоря, что это он послал тебя в мир с благой вестью; при этом ты оскорблял священников. В Хевроне ты совершил преступный молебен Гелиосу, бросал в огонь ладан и гадал по дыму и силе огня. В Эйн-Геди ты смешал настойку афарсемона с вином, ночью напоил этим нескольких женщин и от имени мессии совокуплялся с ними прямо в синагоге, при этом избил и связал раввина, который пытался тебе

помешать. И это только малая часть твоих преступлений. Мы здесь, чтобы призвать тебя к ответу.

— Премногоуважаемые нагиды, — сказал я, — вы сами себе противоречите. Вы сказали, что я совершил все это одновременно в разных городах. Как же я мог это сделать?

— А еще по всей Иудее ты вызывал мертвых и волховал. И призывал к беспорядкам, к свержению римской власти, — игнорируя мой вопрос, сказал Ханох вкрадчивым голосом и добавил: — Об этом знает сам первосвященник Иосиф, и он послал нас сюда.

Я растерялся, подумав, что они издеваются надо мной. Некоторое время мы все молчали, и слышно было сопение тучного Ханоха. Я невольно подумал, что он и со своей женой, наверное, милуется, не меня каменного выражения лица; точнее, она, видимо, скачет на нем по причине его неуклюжего телосложения, а он лежит на спине безучастно, как статуя.

Раввин Авдон взглянул на меня гиеной, собираясь что-то сказать, но не решился вступать в разговор и покашлял в кулак.

— А теперь слушай внимательно, Йесус, — торжественно сказал Элиша, довольный тем, что сумел произвести на меня впечатление. — Из всего

этого следует, что твоя слава не принадлежит тебе и приносит Израилю неприятности. Мы прекрасно знаем, что ты не совершал перечисленных выше преступлений и какие-то жалкие проходимцы просто использовали твое имя, хотя ты, на мой взгляд, не менее жалкий проходимец, но твоя слава — это химера на бешеном быке. А бык — это ты. Йесус, что делают с быком, который взбесился?.. Ты молчишь? Да, потому что знаешь, что такой бык должен быть заколот.

Ханох согласно покачивал головой, глядя куда-то сквозь меня. Я должен был придумать достойный ответ, какое-то оправдание, потому что это был тот самый случай, когда только слова решают судьбу. Я понял (и это вселило в меня надежду), что у нагидов не было готового вердикта относительно меня, они еще не знали, что меня ждет, и все должен был решить Синедрион на основе того, что они обо мне туда доложат.

— Хорошо, пусть я бык, — сказал я. — Но я имею свой голос, я говорящий бык, в этом вы мне не можете отказать, хотя бы потому, что я говорю с вами.

— Да, — задумчиво произнес Элиша. — С этим не поспоришь. Ну и что?

— Вспомните, любомудрые нагиды, что сказано в притче о быке, который при жизни имел один

голос, а после смерти получил семь голосов: два его рога стали трубами, кости двух ног — флейтами, из шкуры сделали барабан, толстая кишка превратилась в струны для арфы, а тонкие кишки стали струнами для цитры... Я хочу сказать, что моя смерть еще больше возбудит людей, сойдутся новые толпы, из тех, кто сочтет меня невинно пострадавшим учителем. Так уж устроены люди: стоит помереть обычному человеку, и он становится в три раза благочестивее, никто не говорит о нем дурного, а стоит умереть проповеднику, он превращается в божество. Так что, приговорив меня к смерти, Синедрион сделает так, что заиграет сразу вся эта музыка, и она не даст высокопочтенному Каиафе спать спокойно.

Мне показалось, что, когда я закончил говорить, на лице Элиши появилось удовлетворение, которое, впрочем, сразу сменилось прежней раздраженно-недоверчивой гримасой. Ханох продолжал безразлично глядеть куда-то, будто мог видеть недостойный мир сквозь стены синагоги.

Элиша повернул голову к местному раввину и повелительно сказал:

— Авдон, выйди.

Раввин поклонился им и немедленно, пятась, вышел, плотно притворив за собой дверь.

— Буду с тобой откровенен, Йесус, — сказал Элиша, и голос его зазвучал почти дружески. — Накануне Песаха ты устроил погром возле Храма. Именно ты, а не один из тех, кто назвался твоим именем. Ты обещал разрушить Храм. Ты понимаешь, что происходит в Израиле? Вокруг нас враги, внутри — враги. Префект Понтий приказал внести в город проклятые языческие знамена римских легионов и хотел конфисковать имущество Храма. Венценосный Антипа послал протест императору Тиберию. Протест был удовлетворен, но сколько евреев погибло в столкновениях с легионерами! Чтобы душить нас всеми способами, префект ввел налоги на все, даже на продажу фруктов! Он до сих пор не отменил надзор за облачением первосвященника, мотивируя это тем, что боится, как бы его не украли, но на деле это легализованная слежка! И тут появляешься ты, еврей, и, как предатель, сеешь смуту... Разрушить Храм! Который строится сорок шесть лет! И еще не достроен! Да он и без тебя на краю гибели! Лучше бы ты пообещал его достроить! А что, давай, дострой своими силами, Йесус, ты же мессия. Нет, ты не мессия, ты предаешь свое отечество! Веру отцов! Ты кощунник! Ведь, кроме Храма, у нас нет ничего! И тут ты, ничтожный, самодовольный человек... гордец... разрушить... нам плевать на тебя, но твое имя подхватили люди. А три дня назад на моих глазах один мальчишка кинулся на легионера и был заколот! Из-за таких, как ты! Да кто слушает тебя? Мытари,

грешники и блудодеи всех мастей! Ты допляшешься до того, что тебя казнят, повесив на кресте, как Шауля из Эммауса, чародея и еретика!

В конце этой страстной речи он встал, потряс кулаком в воздухе и снова сел, глядя куда-то вперед и вверх, на круглое окно северной стены, словно призывая небеса в свидетели, а я подумал, что насчет заколотого мальчишки он совсем заговорился. Я никогда не призывал, в отличие от сикариев, к убийству кого бы то ни было, хотя мир не рухнул еще только потому, что в нем есть раскaiвавшиеся убийцы.

— Почтенные нагиды, — как можно покорнее сказал я. — Бог свидетель, что скотина у стен Храма загадила святое место. Я просто взял ремень и выгнал ее оттуда. Это ведь даже было стадо не для жертв, а для перепродажи. Неужели вы там так нуждаетесь в заработке, когда паломники несут в казну Храма монеты бескорыстно и день за днем? А что касается разрушения Храма — да, говорил. И раскaiваюсь в этом. Я погорячился, я не хочу разрушить Храм, простите меня.

— Будь искренен, — сказал Ханох, — объясни нам, зачем ты так говорил?

И они уставились на меня, как гиены на ускользающую добычу. Молчать было нельзя, это

усугубило бы мою вину, а отвечать следовало разумно, желательно словами Писания.

— Храм прекрасен, многомудрые нагиды, но он все-таки рукотворен, — произнес я со вздохом. — Мы сами творцы своего Храма, вот в чем краеугольный камень моего сомнения. Нет чуда в том, что он так долго строится. Я говорил о разрушении, потому что не забываю слова пророка Исаяи о том, что нельзя ничем заменить Бога: идола создает художник, и золотильщик покрывает его золотом и приделывает серебряные цепочки, и разве вы не уразумели из оснований земли, что Он есть Тот, Который восседает над кругом земли, и живущие на ней — как саранча? Он распростер небеса, как тонкую ткань, и раскинул их, как шатер для жилья... А мы не слышим пророка, мы золотим и украшаем наш Храм, уподобляясь саранче. Зачем мы стяжаем в нем тленную красоту и земные сокровища, если нам дан великий храм Вселенной, прекраснейший шатер для жилья, который не нуждается ни в каких украшениях?

— Зачем тогда ты носишь золотой перстень, Йесус? — спросил Элиша.

— Это подарок от хорошего человека, — объяснил я, — он надет на мой палец не для красоты, а для молитвенной памяти об этом человеке. Я не продал этот перстень, даже когда весьма

нуждался... Вы попросили меня говорить честно, и я полностью открыт перед вами, справедливейшие нагиды. В моем разуме звучат, как песни, истины святых пророчеств. А почему мальчишка бросился на легионера — не знаю. Наверно, Бог таким способом избавляет Израиль от самоубийц.

Нагиды переглянулись, видимо, не сразу сообразив, в чем здесь проявлена милость Божия. Но они уж точно не хуже меня знали, что слово Творца иной раз должно быть больше похоже на плоский камень, чем на лепешку с бараниной, чтобы боль сломанных зубов заставляла людей думать, ибо бездумные Ему не нужны. Какой смысл заботиться свыше о спящей свинье? Или о спящем разуме?

— Ты услышал нас? — спросил Элиша.

— Да, — ответил я.

— Тогда, если хочешь жить, избавься от своего имени. И тогда, может быть, Израилю не придется избавиться от тебя. Вспомни, что сказано: человек, который поступит дерзко, не слушаясь священника, да умрет человек тот и тем искоренится зло из Израиля.

Затем Ханох стал долго и монотонно, как будто публично читая Тору на праздник Суккот,

говорить мне о благочестии и повиновении, но слова эти были безжизненны и скучны.

На этом наша беседа закончилась. Общаюсь с нагидами, я вновь нашел подтверждение тому, что все в мире состоит из слов, просто сделаны они из разных материалов: из кости, из металла, из стекла и соляных глыб, и судьба каждого человека зависит только от того, насколько удачно он может сочетать те или иные вещества, доступные ему, в поисках абсолютной материи — кода ко всем словам, ключа к вечной жизни. Главное — успеть сделать это до того, как сквозь тебя прорастет трава.

А еще я понял, что слова не могут быть лживыми, они могут быть только сильными или слабыми, как разные животные, ядовитыми, как мандрагора, и бесполезными, как содомский виноград, но абсолютной неправды не бывает, потому что ложь, идущая от сердца, всегда становится истиной. И если кто-то где-то выдает себя за меня и приносит людям неоспоримое зло, я начинаю страдать за его грехи. А что мне еще делать?

Выйдя из синагоги, я передал содержание своей беседы с нагидами Симону и Матфею. Все это время они мирно болтали со стражниками священников — у них нашлись общие знакомые в Иерусалиме.

Мы вернулись на берег к своему амбару. Вечер был жарким, ночь тоже не обещала прохлады, и я устроился спать в старой рыболовной сети, подвешенной между двух ив. В ней было удобно, а с озера дул слабый, но все-таки освежающий ветерок. Кричали стрижи, золотые тона заката сменились коричневыми. Я смахнул прядь волос с лица — и подумал, что сделал это движением рукой без участия своего разума. Но что это значит? Я смотрел, как покачиваются ветви деревьев над озером, и понимал, что движение моей руки было таким же безрассудным, как и движения ивовой ветви. Так что же управляет мною, если даже пошевелить рукой я не могу осмысленно? Я вдруг с содроганием понял, что все вокруг ритмично движется, подчиняясь колебанию струн вселенской арфы.

«У рек Вавилона сидели мы и плакали, на ивах повесили мы наши арфы», — гордо сокрушались сыны Израиля, но это наивная чепуха, ведь никто не в силах заглушить музыку жизни, будь он хоть судьей Самегар⁴⁴, потому что эта музыка исходит вовсе не от наших арф, она была и будет всегда, ее слышит даже глухой, и мое тело всего лишь дергается под нее в общей пляске, а разум пытается за этим наблюдать, подыскивая слова. Так же дергается нога разделяваемой туши ягненка, когда

---

⁴⁴ Третий судья Эпохи судей, обладавший огромной силой.

мясник задевает секирой жилу. Так же трепещут на ветру перья мертвой гниющей птицы.

В начале времен Бог бросил арфу на землю и завалился спать, а ее струны, пронизывая все, звенят сами по себе. Не ждите, когда Он проснется, Он слишком много выпил на ночь, смешал все сорта вин и проснется злым, и тогда всем будет еще хуже, так что пусть лучше спит вечно.

Иногда кажется, что мы можем влиять на мир, что у нас есть голос или множество голосов, но, что бы ни сделал человек, до каких бы сакральных вершин ни поднялся он в служении ближним, все равно он не изменит звучания скорбной музыки мира, ведь этот великий человек даже никогда не поймет, что с ним на самом деле происходит. Зачем он посмотрел на звезду? Зачем он почесал за ухом? Зачем он закрыл глаза?

ГЛАВА 25
ОХОТНИК

Стоя на четырех крепких лапах, я, лев из колена Иудина, прислушивался к звукам пустыни. Было утро, и я хотел утолить голод. Мои уши улавливали каждый шорох и писк.

Ночью я спал, свернувшись клубком, в укрытии у подножия горного хребта, уходящего далеко вниз, к реке, где было больше деревьев и добычи, но и больше людей, а от них исходила опасность, хотя любого человека я мог убить ударом лапы. Иногда по ночам я подкрадывался к их домам с подветренной стороны так тихо, что меня не замечали сторожевые собаки, и принюхивался к дразнящим запахам еды.

Я не знал, где люди берут пищу, если не охотятся, и пришел к выводу, что они едят друг друга по какому-то правилу — наверное, в первую очередь съедают больных и слабых.

Я был главным зверем в округе.

Я медленно отошел от скал на открытое место и услышал, как под слоем сухой травы шевелится ящерица, мгновенно выкопал ее, прижал к земле лапой, она вырвалась, побежала, но в два прыжка я достиг ящерицу и отгрыз ей голову. Затем все съел. Этого, конечно, оказалось мало, чтобы насытиться. Впереди был день, и, чтобы пережить его, мне необходимы были силы, которые дают живые существа, пожираемые мной.

Моя голова была наполнена разными сведениями о мире. Иногда мне даже казалось, что я понимаю, зачем существуют люди, но не мог сосредоточиться на этой мысли. Люди мне были противны. Еще больше меня раздражали их голоса — когда они кричали что-то друг другу или своему Богу, эти звуки воплощали бесконечное самодовольство и смерть.

Иногда я лежал под каким-нибудь одиноким деревом на краю утеса, вытянув передние лапы и помахивая хвостом, вглядывался в пустыню и видел темные облака, похожие на скопления тысяч мух, которые двигались над самой землей в горячем воздухе. Это были слова, отторгнутые людьми. Они выстраивались в строки, которые все вместе составляли книгу пустыни. От них исходил гул, как от роя ос. Иногда я пробовал догнать их и схватить, но это было невозможно.

Я медленно спускался по склону горы к ручью, где виднелись зеленые кусты, там можно было поймать мышь или невнимательную птицу.

Я шел через ровное открытое место; спрятаться, если что, было негде, но лев не испытывает необходимости прятаться там, где он единственный безраздельный хозяин.

Я чувствовал свою силу, однако какое-то древнее наитие все равно подсказывало, что нужно

быть настороже, поэтому иногда я останавливался, внимательно смотрел по сторонам и принюхивался. Самое неприятное, что я мог почуять, — это дым костров кочевников, а еще — запах другого льва, если он вторгся на мою территорию. Но я понял, что днем раньше в мою часть пустыни соперник не забредал и не оставил своего запаха, а что было до этого, уже не имело значения в нашем беспамятном мире, где все живут даже не днем, а мгновением, за которое можно стать или победителем, или жертвой.

Я заметил крупного аппетитного паука, подскокил к нему, но он успел юркнуть в щель. Чуть дальше я услышал шорох за камнем, кинулся туда, это был тушканчик, но он тоже успел нырнуть в свою нору. Выпустив когти, я сунул лапу в нору, но она была слишком узкой и глубокой, и тушканчик остался жив. Это немного раздосадовало меня — глупый тушканчик не понимал, что от него будет больше толку, если его съем я, большой и красивый зверь, повелитель этих мест. А он спрятался в свой бессмысленный лаз.

Дальше я шел осторожно, потому что левее, на другой стороне балки, часто появлялись люди, разводили огонь и ставили шатры из козьих шкур. Там находился черный камень размером с крону небольшого дерева. Возле него люди общались со своим Хозяином. Камень помогал им

в этом. Иногда я, спрятавшись среди скал, наблюдал, как люди стоят перед черным камнем на коленях, что-то вопят, а потом откалывают от него куски и уносят с собой. Темные скопления слов вились вокруг камня, но люди их не замечали.

Я осторожно выглянул из-за скалы: на этот раз возле камня никого не было, он возвышался над множеством обычных камней, лишенный без людей какой бы то ни было силы.

Наверное, когда-то, во время бури, он скатился с горы и застыл так, размышляя, низвергнуться ему на самое дно долины либо остаться здесь.

Его вершина была убелена пометом птиц.

Я пробрался сквозь сухие колючие кусты, затем, неслышно ступая, прошел сквозь заросли камыша, надеясь внезапно застать какую-нибудь добычу на берегу, но там никого не оказалось, только на глине у самой воды были следы, оставленные диким козлом, и лежало несколько серых перьев, которые, наверно, потеряла птица, когда чистила себя клювом. Я понюхал эти перья.

Рядом на камнях журчала прозрачная вода. Я никогда не пил воду и не купался в ручье, как это делают некоторые звери, даже мысль опустить в воду

лапу пугала меня — казалось, я тут же промокну насквозь и растеряю всю свою ловкость и мощь.

Я услышал тихий гул, поднял голову и увидел, что живое темное облако повисло над противоположным высоким берегом ручья. Быстро меня очертания, оно отплыло назад и в сторону, и от него осталась только небольшая часть, которая выглядела так:

𐤓𐤓𐤁⁴⁵

Я сразу понял, что это: облако предупреждало меня, что там был враг. Я мог убежать, но не стал этого делать, ведь был взрослым львом, властелином, и должен был доказать это себе, жителям пустыни, живому облаку слов и своему, пока еще незримому врагу.

Я не боялся его, потому что не боялся смерти. А смерти не боялся потому, что никогда не разделял мир на живые и неживые предметы, то есть не видел особой разницы между змеей и палкой, камнем и птицей, между мертвым человеком и живым. Если хочешь быть смелым, не надо заранее в своем уме признавать силу противника, и, если он просто останется безобидной частью пейзажа, ты победишь.

---

⁴⁵ Змей (арам.).

Темное облако висело над другим берегом ручья, где начиналась чужая территория — земля другого льва, которого я никогда не встречал, но знал о его присутствии по запаху меток, оставленных им. Смелость и любопытство взяли верх над осторожностью, я перепрыгнул через ручей, заметив, как на миг отразилось в воде мое длинное мускулистое тело, и взбежал по крутому глинистому берегу наверх, чтобы скорее встретиться с врагом.

Это была большая змея. Коричневая, с черными пятнами. Она ждала меня на открытом ровном месте, похожем на маленькую арену. Она давно поняла, что я нахожусь рядом, и могла спрятаться, уползти в темную щель, но тоже посчитала бегство недостойным своей опытности. Змея надменно наблюдала, как я приближаюсь.

Она сделала молниеносный выпад, подняв облачко пыли, но была еще слишком далеко, чтобы достать меня. Я отскочил в сторону и уселся возле небольшой скалы, на которую в случае чего можно было запрыгнуть. Я принял такой вид, будто змея меня не интересовала, и стал неторопливо вылизывать лапу. Змея тоже замерла, не сводя с меня взгляда. Прошло несколько минут, змея не выдержала и стала медленно отползать к груде камней позади нее, среди которых могла оказаться в безопасности. Но я не хотел отпускать змею. В три прыжка я обогнул ее и перегородил дорогу

к спасительным камням. Змея сделала вид, что собирается ползти вниз, к ручью, но вдруг снова прыгнула на меня, и в этот раз я едва успел увернуться.

Опасность только раззадорила меня, я стал бегать вокруг змеи, то приближаясь, то отскакивая, когда понимал, что она вот-вот сделает очередной бросок. Мне было легко двигаться, а ей, чтобы не терять меня из виду, в какой-то момент приходилось либо перемещать все свое длинное тело, что было неудобно, либо крутить головой, и если змея выбирала второе, то в момент, когда она отворачивалась, у меня появлялась возможность ударить ее лапой чуть ниже головы и отскочить обратно. Я с упоением чувствовал, как мои острые когти пронзают ее кожу, не нанося, впрочем, сильного вреда. Но раз за разом я удачно проделывал это, и змея начала злиться, терять терпение, а злость мешала ей сосредоточиться и сделать единственный точный выпад, который мог кончиться для меня плохо, учитывая количество яда в ее белых зубах.

Во время этого противостояния, похожего на танец, тело змеи принимало форму разных угрожающих букв. Мы обменивались знаками, и это был очень серьезный разговор.

В очередной раз избежав ее укуса, когда она сделала бросок, но еще не успела принять

оборонительную позу в форме буквы **𐤆**⁴⁶, я выбрал мгновение, приблизился, схватил ее за горло и сжал челюсти как можно сильнее. Ее шипение раздавалось у меня возле левого уха, она бешено извивалась, но я пошире расставил лапы, чтобы не упасть, и ждал, когда у нее кончатся силы. Ждать пришлось долго, и вот змея, наконец, обмякла. Я разжал челюсти, одновременно мотнув головой, чтобы отбросить змею от себя, и прыгнул в противоположную сторону, ведь она могла лишь притвориться мертвой. Но змея уже умерла — ее жирное коричневое тело было неподвижным. И аппетитным.

Я набросился на добычу и стал пожирать ее, урча, пачкая морду в крови и внутренностях. В это мгновение я остро почувствовал могущество своего рода, во мне рычали тысячи моих предков, я был олицетворением их бесконечных побед, их выносливости и ума. Они не умели разговаривать с Богом, как люди, но их дикая ярость была лучшей молитвой. Я хотел издать торжествующий рык, но вместо этого из моей пасти раздалось хриплое шипение, как будто во мне заговорил дух убитой змеи. Я подумал, что из-за тихого и по большей части одинокого образа жизни разучился рычать так, как полагается льву.

---

⁴⁶ Семкат — пятнадцатая буква имперского арамейского алфавита.

От змеи осталась только голова. Глаза ее были наполовину прикрыты, а рот со страшными зубами крепко сжат — перед смертью она в отчаянии вцепилась в пустоту.

Я направился обратно на свою территорию, вновь перепрыгнул через ручей, но на этот раз не рассчитал, и мои задние лапы и хвост окунулись в воду. Выбравшись на берег, я посмотрел на хвост — вымокнув, он выглядел жалко.

По склону горы я поднялся на равнину. Я так объелся змеей, что шел с трудом. Поединок занял несколько часов, которые показались минутами. Солнце к полудню раскалило пустыню так, что камни жгли лапы, если стоять на месте или медленно идти, поэтому я собрался с силами и побежал.

Там, дальше, в скалах, была скрытая от посторонних глаз пещера, где я решил поспать и переварить пищу. Я торжествовал, победа над змеей придала мне еще больше уверенности в том, что все вокруг здесь именно моя территория, мой дом, где я волен убивать и миловать, если сыт и спокоен. Слева на песке я заметил крупного скорпиона, который замер, почуяв меня. В другой раз я поймал бы его и съел, предварительно откусив ему ядовитое жало молниеносным движением, но сейчас мне было не до него. Моя недавняя победа была слишком серьезной, чтобы отвлекаться

на скорпиона. И эта победа требовала какого-то продолжения. Я решил, что выплыву в пещере и ночью, когда станет прохладнее, отправлюсь еще дальше на юг, где за холмом начинается территория львицы. Главное, чтобы она вспомнила меня и не была в компании другого льва. Я давно не видел ее, с тех пор, как пустыня несколько дней цвела после дождя.

Повернув на запад, я приближался к месту, где люди прятали в каменных гробах своих мертвецов. Не понимаю, зачем люди это делают, ведь всегда найдутся звери и птицы, которые захотят съесть мертвое тело: шакалы, вороны, грифы. Зачем же прятать тело в землю? К тому же иногда одни люди закапывают мертвого, а через несколько дней приходят другие и выкапывают, чтобы снять с него одежду и украшения. Жалкие люди, они стесняются своей наготы и стремятся к тому, чтобы повесить на себя как можно больше несъедобных драгоценностей, от которых нет никакого толка, кроме блеска.

Иногда я видел, что над свежими могилами висели скопления букв. Они соединялись в слова, которыми человек пользовался при жизни. Вид некоторых слов был настолько ужасен, что не хотелось не только вникать в их смысл, но даже смотреть на них. Это живое облако над могилой исчезало, когда перечислялись все слова, которыми

пользовался умерший. Обычно последними появлялись проклятия, мольбы, обвинения, нелепые просьбы и взывания к богам, а потом ветер уносил все это, как шелуху.

Однажды над могилой старца, которого люди считали святым, три дня висело слово

קִיר⁴⁷

Я обогнул кладбище и уже хотел прыгнуть через узкую и глубокую расщелину, за которой начиналась одному мне известная тропа через белые холмы, гладкие и совершенно пустые, но подул западный ветер, и вместе с его горячей волной донесся запах свежего мяса. Это удивило меня, я остановился.

На моей территории не должно было быть никакого мяса, потому что не должно было быть других охотников, кроме меня. Может быть, гриф откуда-то принес в лапах свою добычу? Но тогда почему мясо свежее? Кто осмелился?

Хотелось скорее попасть в прохладную пещеру, которую я делил с летучими мышами, и залечь спать, но теперь надо было выяснить, что происходит в моих владениях, поэтому я повернул на запад

---

⁴⁷ Ничтожество (арам.).

и, пригибаясь к земле, побежал туда, откуда шел запах. Я понимал, что придется сделать крюк, но это было необходимо — никогда нельзя терять контроль над своей территорией, ничего нельзя выпустить из виду. Оставишь что-то на потом, и этим сразу воспользуется враг.

Все, что у тебя есть, — это твоя шкура и территория. Береги их. Будь очень внимателен.

Я остановился возле высохшего дерева, которое торчало из земли, как огромная костлявая лапа, и снова принюхался. Запах мяса стал сильнее. Когда-то давно, еще до моего рождения, на этом месте был сад и дом. Жил человек. Может быть, с семьей. Наверное, хотел держаться подальше от себе подобных и ушел далеко в пустыню. Я его понимаю. Я сам ненавижу людей и живу один. Пожалуй, я мог бы даже испытывать симпатию к человеку, который ненавидит других людей, ведь это настоящий мудрец.

От сада, который он возделывал, осталось только это голое дерево, настолько бесполезное, что в полдень даже не отбрасывало тени, в которой можно было бы спрятаться от солнца. А дом этого отшельника превратился в грудку серых камней, только одна стена, с маленьким оконцем сверху, еще продолжала стоять. Запах мяса доносился откуда-то из-за нее.

Я стал тихо приближаться к этой стене, чувствуя, что к мясному духу примешивается еще какой-то запах, но не мог понять какой. И в этот момент у меня зачесались яйца.

Где-то рядом мог поджидать враг, нельзя было отвлекаться, но зуд стал таким, что я не выдержал, остановился, сел, вытянул в небо заднюю ногу, зажмурился и начал сладострастно вылизывать яйца своим шершавым языком, урча от удовольствия.

Наверное, лев необычно выглядит за этим занятием. Что думает пятнистая гиена или какой-нибудь ихневмон⁴⁸, когда застигают царя пустыни в такой позе? Ненавидят ли меня больше обычного? Или наоборот — это как-то сближает нас, зверей, в глазах друг друга? Интересно, а любит ли меня какое-нибудь создание? Или мною, хозяином горячих камней, можно только восхищаться издалека, с безопасного расстояния? Вряд ли меня любят мыши, которых я обычно пожираю. И люди тоже вряд ли. Другие львы? Львица, к которой я решил наведаться ночью? Ее отношение ко мне нельзя назвать любовью, она просто покорно соглашается вступить со мной в близость то ли от страха, то ли от скуки.

Думаю, любви вообще нет. Есть только желание избавиться от страха и скуки, хотя некоторые

---

⁴⁸ Египетский мангуст (ивр.).

создания настолько глупы, что не знают скуки, им остаются только неумолимая деятельность (какое-нибудь бесконечное рытье нор) и страх. Мне знакомо слово «ахава»⁴⁹, придуманное людьми, потому что оно часто мелькает в раскаленном воздухе пустыни, не принадлежа никому и пугая птиц. Буквы Алеф, Хет и Бет, из которых оно состоит, то и дело исчезают и заменяются другими буквами, и получается что-то иное, например слово «захав»⁵⁰, обозначающее металл, ради которого живые люди выкапывают мертвых.

Вылизывание яиц. Иногда так увлечешься этим процессом, что кажется: если прекратишь их вылизывать, жизнь прекратится. «Я тоже наделен способностью разжигать страсти, — думал я, работая языком, — способностью превращаться в навязчивую идею, быть недоступным и вынуждать людей совершать нелепые действия (например, лезть на дерево, спасаясь от меня), ведь недаром моя шкура золотистого цвета, хотя в последнее время немного выцвела. И на ней кое-где появились черные полосы, будто от ударов бича Господня».

Вдруг что-то зашуршало совсем рядом, я вскочил на четыре лапы, но заметил гигантских людей слишком поздно. Их было двое, они появились

---

⁴⁹ Любовь (ивр.).

⁵⁰ Золото (ивр.).

из-за стены. Тот, что оказался ближе ко мне, бросил сеть, я прыгнул в сторону, но запутался в сети и мгновение спустя оказался подвешенным в ней, как в мешке.

— Вот он, барханный кот! — сказал мужчина, держащий сеть. — Маленькая хозяйка будет довольна. Такого она и хочет, полосатого. Смотри, Мордехай, какой он сердитый. А какие уши! Не думал, что мы так легко его поймаем.

— А я и не сомневался, я же говорил, что он на мясо обязательно придет, — ответил второй мужчина.

Я захрипел и забился в сети, сделав отчаянную попытку вырваться, и они засмеялись.

ГЛАВА 26

Пьяница

Я проснулся в старой рыболовной сети, подвешенной между двух ив. Сердце стучало, будто я бежал, — потому что видел тяжелый сон, в котором из гордого и свободного льва превратился в барханного кота, угодившего в ловушку. Это было неприятно, ведь кот — ничтожное животное, которое даже ни разу не упоминается в священных книгах, хотя этой чести удостоено множество свиней.

Был час перед рассветом, когда птицеголовый Тот выпустил из клюва солнце, устав держать его всю ночь, и небо над восточными горами осветилось шафранным огнем.

Я приподнялся и сел, пытаюсь стряхнуть с себя морок этого сна, несколько раз глубоко вдохнул прохладный воздух, поднял вверх руки и потянулся, глядя на темно-серую гладь озера. Берег был пуст, из города не доносилось ни звука. Ученики спали в амбаре.

Иногда, проснувшись, чувствуешь себя безумцем, сошедшим с корабля в незнакомом порту, и ко всему приходится привыкать снова.

Я стал вспоминать свой сон и вчерашнюю встречу с нагидами и сосчитал, что слово «любовь», приснившееся мне среди других особенных слов, имеет числовое значение «тринадцать». «В виде

индийской цифры “13” оно похоже на первосвященника Каиафу, — подумал я, зевая. — Что-то он часто стал сниться мне в разных ипостасях. Неужели Каиафа равен любви?»

Я всегда ложился спать с неохотой. Даже бодрствующий человек слабо управляет течением собственных мыслей, а уж во сне просто становится игрушкой в лапах злых химер. Погружения в сон для меня — расплата за возможность принимать хоть какие-то самостоятельные решения; стоит уснуть, и тут же вепрь калидонский начинает окутывать меня изнурительными видениями и вынуждать разгадывать мучительные загадки. Или вдруг оказываешься на вершине ледяной горы среди предвечной тьмы, вынужденный, дрожа от холода, создавать новый мир из собственных сомнений и горстки букв.

Поэтому я особенно радовался тихим утренним минутам, когда меня отделял от нового погружения в бездну ночи целый день, не отягощенный большими заботами. Дневные часы были отсрочкой перед очередным сошествием в суетливую тьму, которая, наверно, хуже смерти, ведь смерть — это прежде всего безмятежность.

Я снова закрыл глаза и, покачиваясь в своей сети, размышлял, чем наполнить день. Недавно хозяин красивой мастерской пригласил меня

на обед, и я подумал, что можно к нему наведаться. Наверно, у него какой-то недуг. Что же, помогу ему, решил я, но и поем у него хорошенько; учеников брать с собой не буду, красильщик живет скромно, не надо вводить его в слишком большие расходы на угощение.

По всему берегу озера начиналась жизнь. Босоногие женщины с коричневыми от загара лицами, намолот муки, пекли утренний хлеб, и его запах, доносящийся до меня, свидетельствовал, что всё в порядке, всё как всегда — нет голода, болезни или войны. Разноплеменные обитатели Галилеи приступали к своим делам: кто-то строил лодку, кто-то солил рыбу или лепил горшок, а кто-то разводил в кузнице огонь. Я всегда с почтением относился к кузнецам, ведь эти жрецы хромоногого демиурга⁵¹ заняты поистине волшебным делом — очищают, укрощают и заставляют работать на людей металл, который никому ничего не должен.

День пройдет, засоленную рыбу поместят в бочки и отправят в Тарихею — город неподалеку, где находится самый большой в округе рынок (соленая рыба из этого озера славится далеко за пределами Галилеи), металл в виде украшений, инструментов и оружия будет покорно служить людям, и кто знает, думал я, может быть, именно в этот день мастер

---

⁵¹ Греческий бог огня Гефест.

выкует наконечник копья, который войдет под мое ребро по указу духовенства...

Многие начали день с молитвы. Евреи молились Богу только за то, что Он создал их евреями, римляне и эллины — богам, которые делали их счастливыми, а кое-кто, вероятно, в такое хорошее утро осуществил давно задуманный священный ритуал и оскотил себя во славу луноликой и рогатой Аштарот, чтобы иметь возможность не отвлекаться на любовные терзания тела и пить небесное молоко мудрости из ее сосцов.

Светало. Пастухи выгоняли скот на пастбища, и доносилось мычание коров. Ослы вытягивали шеи и обнажали зубы, приветствуя новый день, петухи взгромоздились на крыши и заборы, чтобы прокричать свои утренние псалмы.

А кто-то начал тот день с дурных размышлений, черной ненависти и неутолимой печали, и правда осталась именно за этими людьми, которых ничего не смогло очаровать.

Звезды исчезали, небо на востоке прорезали желтые полосы, появилось солнце, и я увидел, что по озеру идет под парусами маленький изящный корабль. Он не был похож на судно перевозчика или рыбацкую лодку и явно принадлежал состоятельному человеку. Я разглядел на борту двух воинов, увидел красную полосу на главном парусе и догадался, что

корабль принадлежит Моисею Стире⁵², богатейшему купцу из Тиверии, известному тем, что он устроил себе флотилию из разных суденышек, на которых любил курсировать по озеру. Свое прозвище Моисей получил из-за шрама через все лицо, приобретенного когда-то в схватке с разбойниками в пустыне.

Воины на борту корабля были его телохранителями, хотя непонятно зачем, ведь на Галилейском озере нет пиратов. От кого они охраняли хозяина?

«Наверно, Стира полагает, что воины отсекут щупальца Левиафана, если чудовище вздумает съесть его прогулочный корабль, — подумал я. — Может быть. Но когда опасность придет не снизу, не сбоку, а сверху, от Бога, Стиру не защитит никто».

Я чувствовал, что во мне говорила зависть, потому что, признаться, мне тоже хотелось когда-нибудь утром выйти на простор озера на своем корабле и беззаботно выпить кубок сладкого вина, поднесенного юной любовницей, глядеть, как проплывает мимо зеленый берег, населенный бедными людишками.

В зависти плохо только одно — она терзает ум, но часто бывает очень полезной, потому что помогает человеку достичь какой-то возвышенной цели, подстегивая его.

---

⁵² Царапина (ивр.).

Тиверия — юный город, в который стремились образованные молодые люди, там можно было легко сделать состояние на торговле или выдвинуться в сановники при дворе Ирода Антипы, если ты блистательно хитер и неумолимо подл. Белые каменные дома Тиверии построены на месте еврейских гробниц, многие учителя-законники это осудили, но зато эллины сразу смекнули, что это выгодное место, и хлынули туда. Чистые улицы, амфитеатр, множество торговцев с караванами со всего света.

Там несколько синагог и, главное, библиотека, которую устроил книжник Иссахар, друг Антипы, на царские деньги. Если бы я имел средства и возможность поселиться там, в столице Галилеи, непременно сделал бы это. Тиверия — город будущего. Но мне не следовало появляться там, где жил царь, казнивший Иоанна.

Заспанный Иуда вышел из амбара и помочился возле дерева, заметил меня и помахал мне рукой. Вскоре проснулись Симон и Матфей. Андрей и Филипп еще не вернулись — бродили где-то.

Мы поели — у нас были ячменные лепешки и яйца, а Симон сбегал в город и выпросил в какой-то лавке кувшин кислого вина в долг. Вино никто не процедил, и частицы косточек скрипели на зубах, но оно было хмельным, и мне вдруг сделалось так хорошо, что на какие-то блаженные минуты

я обрел истинную душевную трезвость, осознав, как мне повезло, что я еще жив, здоров и свободен. Амбар на берегу показался мне жилищем, которое несравнимо лучше царской резиденции, ибо жизнь во дворце несовместима с покоем, так уж устроены люди. Даже если ты станешь самым справедливым правителем, люди все равно будут ненавидеть тебя и пытаться убить только потому, что венец оказался именно на твоей голове... Да, мне вдруг стало очень хорошо, а в своих учениках я увидел лучших слуг в мире, ведь они не мечтали убить меня и занять мое место.

Они считали меня особенным и были правы, я никогда бы не стал безвольным человеком из толпы, а тем более из группы верующих, потому что любой толпой, собравшейся под именем Бога, управляет облако слов под названием Ктут⁵³, а я всегда сам распоряжался словами — брал в руки черные обломки древних текстов и высекал из них искры любви!

Для полного умиротворения мне в тот момент захотелось покурить кифа, но киф давно кончился, остался только долг Венедаду.

Иуда отправился ловить рыбу с местной артелью, Симон и Матфей ушли в город подработать

---

⁵³ Глупость (ивр.).

на маслобойне, хозяин которой хорошо к нам относился и платил за периодическую помощь медью и маслом, а ко мне пришел из Гуш-Халава мужчина, назвавшийся мастером по изготовлению обуви. Он попросил избавить его от пристрастия к вину. Он хорошо зарабатывал, имел учеников и заказы от знатных людей, но пропивал все деньги и был к тому же буен во хмелю. Обратиться ко мне ему посоветовала жена, которая безуспешно пыталась бороться с его недугом руганью и протестами, пока кто-то не подсказал ей, что в Кафарнауме живет целитель.

Я объяснил ему, что он должен дождаться полнолуния, поймать своими руками угря, утопить его в чаше с вином, затем выпить это вино, а угря закопать под цветущим кустом олеандра со словами «лэх вэ ках эт ха-цимаон итха»⁵⁴. И еще я велел ему крепче любить свою жену, а когда она сердится, не гневаться в ответ, а успокаивать ее, и тогда будут их совместные дни воистину благословенны.

Прощаясь, он подарил мне сандалии изящной работы, сделанные им, и отрез шелковой материи, которой издревле славится Гуш-Халав.

Да, мне нравилось принимать дары от людей, которым я помогал. Я испытывал особенное чувство:

---

⁵⁴ Уйди и заведи с собой жажду (ивр.).

казалось, я недостойн всех этих подношений, потому что врачевание давалось мне легко, я словно бы играл в целителя, иногда это было и вовсе развлечением, а затем вдруг получал за это подарки. Не знаю, что бы я делал, если бы не умел проповедовать и лечить... Нашел бы другой простой способ не умереть с голода. Может, собирал бы налоги на таможе. Или ублажал богатых римских старух где-нибудь в Байях. Или устраивал петушиные бои, крича на городской площади что-нибудь такое: «Ставьте лепту на черного петуха, и получите кодрант, а если поставите на рябого петуха, то целых два кодранта, не сомневайтесь, рябой петух меньше, но в три раза злей!» А иногда я вглядывался во тьму внутри себя и понимал, что, сойдись звезды иначе, я мог бы стать римским гражданином, занять высокую государственную должность и плести интриги, поднатореть в кровавом деле и получать лихие барыши от проскрипций, торговли гладиаторами, казней, погребений и поминальных игр. Никто не застрахован от подобного, нет лекарства от судьбы, если ты деятелен и умен.

Я знал, что этот пьяница вылечится, это было понятно по его глазам — я заметил в них испуг. Он волновался за свою жизнь и понимал, что должен взяться за ум и закопать угря под кустом олеандра. А вот слишком смелых людей лечить трудно, часто невозможно. Иногда только страх, этот сильнейший элемент, может спасти человека, если оказывается

растворенным в тигле его сознания. Можно сколь угодно глубокомысленно рассуждать о пагубных страстях и затем умереть от них, поэтому, когда терракотовый дракон страха пожирает толстую обезьяну рассудительности, — побеждает сама жизнь.

Да, я вылечил многих пьяниц, но так и не понял, как можно пить неделями и до положения риз, ведь вино благодатно только когда употребляешь его в добрый час. Но уж если очень хочешь напиться, надо перед этим сделать глоток масла, смешанного с соком бетоники, и разум останется ясным даже в самом конце пирушки.

Есть и еще один верный способ унять пагубную жажду. Следует найти гнездо совы, украсть из него яйца, сварить их и дать пьянице. С этого момента он возненавидит хмельные напитки и до самой смерти останется в здравом уме, потому что его природный жар придет в равновесие.

В полдень я решил искупаться в озере, намереваясь сразу после этого пойти на обед к местному красильщику. Я скинул одежду и долго шел по мелкой воде, по каменистому дну, разглядывая рыбок, а потом отплыл далеко от берега и даже смог разглядеть оттуда Тиверию — большое скопление белых домов на склоне горы.

ГЛАВА 27

Эссе

Когда я вышел из воды после купания, на берегу меня ждал высокий, благочестивого вида старик в столь изношенной одежде, что, казалось, он уже сросся с ней. По бороде, заплетенной в косу, я сразу определил в нем ессея. Лицо его было морщинистым и черным, но голубые глаза светились ясностью, а волосы, несмотря на почтенный возраст, не имели седины.

Он был одним из наставников общины ессеев, которая давным-давно обосновалась среди мертвых скал к западу от Соленого моря и сумела сделать кусок пустыни цветущим садом, маленьким миром, где росли апельсиновые и лимонные деревья, эвкалипты и персидская сирень, а в акведуках умиротворенно журчала вода, которая с помощью механических устройств поднималась из глубоких колодцев.

Ессеи, вероятно, переживут всех нас, потому что размножаются без совокупления и ненавидят женщин, считая их источником зла: их общины уже несколько веков пополняются чужими детьми и впечатлительными неофитами, уходящими в пустыню, чтобы избавиться от одной иллюзии с помощью другой. Они будут веками строить свои обители, внешне красивые, но ужасные в своей безысходности. Они будут сидеть в них и ждать смерти, заражая скорбью и апатией все новых и новых мужчин. Городок молящихся аскетов, который существует уже много поколений, подобен живописному месту

казни, украшенному цветами лифостротону⁵⁵. Одинаковые люди с одинаковыми мыслями, они перестают жить еще до наступления смерти. Даже баран, увидев, что его хотят заколоть, сучит ногами и блеет, а ессей с радостью идет под меч аскезы. Интересно, кто все-таки присматривает за ними свыше? Вряд ли наш старый еврейский Бог, ведь в Писании сказано: «Наслаждайся жизнью с женою, которую любишь, во все дни суетной жизни твоей, и которую дал тебе Бог под солнцем на все суетные дни твои».

Конечно, этот закон давно нуждается в исправлении, ведь сейчас, когда мы живем в новой эпохе на исходе четвертого тысячелетия со дня Сотворения мира, смешно ограничивать себя одной женой, это немногим лучше полного воздержания. Если сравнивать развитие духовного учения со стадиями взросления мужчины, ессейство — это подросток, который хочет близости, но еще стыдится женщин.

Говорят, казненный жрец мутных иорданских вод Иоанн тоже когда-то был есеем... А праведный ессей Менахем предсказал юному Ироду, что тот станет великим царем.

Впрочем, в учении есеев мне нравится презрение к высшему еврейскому обществу, особенно к фарисеям и саддукеям.

---

⁵⁵ Эшафот (греч.).

«Зачем он пришел ко мне? Ведь ессеи чрезвычайно замкнуты, внешний мир их не интересует», — подумал я, глядя на старика, который поклонился мне и сказал:

— Мое имя Охийя, я один из десяти старейшин нашего братства кумранских ессеев. Мы слышали, Йесус, что ты, мудрый учитель, отрицаешь ложь и законы, которые отрицаем и мы, поэтому хотим попросить тебя о помощи... У нас беда. Все средства уже перепробовали. И нет спасения. Не иди же нам за советом в нечестивый Синедрион.

— С радостью выслушаю тебя, добрый человек Охийя, — ответил я, почувствовав гордость от того, что даже строгие и отрешенные от земной суеты ессеи обратились ко мне, грешному. Видимо, только хорошие слухи обо мне достигали кумранской общины.

Я предложил Охийе поговорить, гуляя по улицам Кафарнаума, а заодно съесть что-нибудь. Так мы и поступили. Купив в лавке немного сикеры, хлеба и жареной рыбы, завернутой в пальмовый лист, мы пришли к синагоге и устроились в саду на траве, под эвкалиптовым деревом. За угощение заплатил Охийя, хоть я и не сразу позволил ему это сделать, чтобы соблюсти вежливость. Он съел только немного хлеба и запил его не сикерой, а водой из акведука, подходящего к синагоге. В ухоженном саду было

очень приятно находиться, к тому же меня тянуло в синагогу, хотелось, чтобы мой голос усиливался, отраженный от каменных сводов, а люди внимали мне. Я хотел, чтобы души воспламенялись от моих слов огнем, не имеющим цвета, а значит — неуловимым и неуязвимым. Этот огонь не обжигает, но и пожарить баранью ногу на нем нельзя. Этот огонь освещает путь к бессмертию, если оно есть. Но раввин Авдон уже не пускал меня в синагогу, и мне отрадно было хотя бы посидеть там, рядом с ней, в саду.

— Мы живем созерцательно и молчаливо в Кумранской долине, — начал свой рассказ старик. — Мы счастливы, ибо знаем, что унаследуем вечную жизнь, отказавшись от мира. Тебе, наверно, известно, что братство ессеев велико, и южные ворота Иерусалима называют Ессейскими, ведь целая улица в священном городе принадлежит нам. Но кумранская община — особенная, мы выращиваем фрукты на продажу, а еще, как и ты, лечим людей — каждого, кто к нам обратится. Мы знаем множество способов исцеления от разных болезней. Опытный врач-ессей может приготовить лекарство даже из камня, если найдет нужный и делает из него порошок...

— Расскажи об этом подробнее, старик, — попросил я, потому что мало знал о лечении камнями; ессеи не выдавали своих секретов, и я был рад, что старик разговорчив.

— Камни подбираются с учетом хода звезд, возраста человека и его недуга, — начал объяснять Охийя. — Значение имеют цвет камня, форма, размер и степень прозрачности, если камень способен пропускать свет. Мы охлаждаем и нагреваем камни перед использованием. Например, изумруд, циркон и желтый топаз на убывающей луне помогают связаться с высшими силами, а с помощью антрацита на растущей луне можно творить чудеса, призывая сильнейших духов земли. А яспис с желтыми прожилками обновляет кровь, возвращая старикам силы. Болезней много, камней тоже. Мы делаем записи, у нас есть книги. Ты можешь прийти к нам, Йесус, и мы дадим тебе изучить эту науку в полной мере.

— Нет, я плохой отшельник и ленивый молитвенник, — засмеялся я. — Не хочу затворяться с вами в пустыне. Вот если бы вы одолжили мне свои книги... Впрочем, ладно. Всё изучить нельзя, а я знаю уже столько врачебных методик и рецептов, что вряд ли успею до конца жизни испробовать всё на деле. Да и люди, бывает, противятся — например, давно хочу выяснить, действительно ли помогают при болях в печени экскременты козла, растворенные в оксикрате⁵⁶, но никто не хочет это пить. А сколько лекарств можно приготовить

---

⁵⁶ Напиток римских легионеров — вероятно, вода с добавлением уксуса.

из мертвых змей!.. Но камень — такая сложная материя, и я склоняю голову перед вашим искусством.

— Да, мы знаем тайны камней, — скромно улыбнулся Охийя, — но даже самый сильный камень бесполезен, если не нашел нужных слов. Любое вещество, которым мы пользуемся, только предлог к исцелению, а главная сила заключена в словах. Врачеватель-ессей дает больному человеку снадобье, а потом берет его за руку, погружает в сон и вычеркивает болезнь из его сознания, после чего исцеляется и тело. Врач убирает болезнь, как лишнее слово. Мы счастливы, потому что живем в гармонии с природой и друг с другом. Мы знаем имена ангелов, они записаны в наших книгах вместе с заклинаниями и стихами. Мы не делаем никому зла, не пользуемся клятвами, не носим украшений, а все вещи у нас общие. Но беда вот в чем: каждый год в месяц хэшван, когда все мы постимся и молимся о дожде, с неба падает буква ק⁵⁷ и убивает одного из наших братьев. Она всегда попадает несчастному прямо в голову, и смерть от нее мгновенна, голова брата разбивается, как яйцо, потому что эта буква очень тяжелая, сделана из материала, похожего на синий металл, который светится в темноте. Взять ее в руки невозможно, она горячая, и поэтому кто-то из нас хватает проклятую букву длинными клещами и сбрасывает

---

⁵⁷ Коф — девятнадцатая буква еврейского алфавита.

в глубокий пересохший колодец, на дне которого лежат уже шестьдесят семь таких букв. Ночами из него устремляется в небо яркое синее сияние, и мы со страхом ждем месяц хэшван, пытаюсь разгадать, кто станет очередной жертвой. Мы пользуемся астрологией, гадаем на внутренностях птиц, изучаем состав наших имен, но ничто не дает результата, а если нельзя вычислить будущую жертву, нельзя и предотвратить ее гибель. Что делать?

«Да, подумал я, этот старый ессей не так-то прост... Может быть, он и соврал насчет буквы, падающей с неба, но у них действительно кто-то умирает каждый год внезапной смертью, я даже слышал об этом».

— Скажи, Охийя, как именно вы поститесь перед началом дождей? — попросил я.

— Во время поста мы почти не принимаем пищи, сокрушаемся о своей немощи, плачем, но главное — мы молчим, — ответил старик. — Мы закрываем ворота, и в эти дни никто не может попасть в обитель. Иногда больные умирают у ворот, но мы непреклонны, потому что любовь к Богу — это главное, а все остальное — мираж, и если мы не будем соблюдать заповеди, то потеряем себя и погибнем. Однажды во время поста к нам приехал богатый юноша по имени Иоазар, любовник самого тетрарха Авилинеи Лисания. Дело было в том, что Иоазар

внезапно начал слепнуть и ничто ему не помогало. Он устремился к нам, но приехал к самому началу поста. Он был с большой свитой — охраной и слугами. Сначала умолял нас, потом угрожал, но мы не пускали его к себе, хотя и могли, наверное, вылечить. Сидя за каменными стенами, мы молились в безмолвии. Вскоре Иоазар уехал и, говорят, ослеп. Такова наша любовь ко Всевышнему, Йесус. Мы непреклонны в благочестии. Но почему Бог позволяет падать с неба смертоносной букве? И как этого избежать?

Слушая Охийю, я задумался о судьбе Иоазара. Отверг ли тетрарх своего ослепшего возлюбленного? Гладко выбритого, с подведенными сурьмой глазами и намазанной белилами кожей, но слепого? Или наоборот — это печальное обстоятельство распалит страсть, ведь некоторые люди завязывают друг другу глаза во время эротических игр. Наслаждению часто мешают зубы, волосы и ногти, и, может быть, зрение тоже лишнее в этом деле? Зачем глаза, если ты полностью растворен в любовнике? Вероятно, следует всецело отречься от своего тела, чтобы наконец поймать сладострастие за хвост. А еще я удивился последовательности кумранских отшельников. Бесчувствие они смогли превратить в инструмент борьбы с легкомыслием, но их равнодушное упорство явно не удовлетворяло Бога, и падающая буква была знамением, которое я сразу же прочитал, не понимая, почему

кумранцы не смогли истолковать его в течение шестидесяти семи лет.

— Сейчас объясню тебе, в чем дело, следуй за мной, — сказал я.

Мы встали, и я подвел старца к южной стене синагоги, освещенной солнцем. По пути я поднял с дорожки кусочек угля и написал им на белом мраморе стены слово

שקק⁵⁸

— Охийя, прочитай то, что ты видишь, — попросил я.

— Небо, — ответил старик.

— А теперь представь, что сейчас месяц хэшван, время первых дождей. И вот — буква Коф упала с неба и убила кого-то, — сказал я, плюнул на эту букву и стер ее. — А теперь скажи, Охийя, какое слово осталось?

Охийя молчал, изумленно разглядывая слово

שק⁵⁹

---

⁵⁸ Небо (ивр.).

⁵⁹ Говорите (ивр.).

— Вот что в течение шестидесяти семи лет хотел сообщить вам Господь! — воскликнул я, а Охийя в страхе отступил от стены на шаг. — Буква убивает, а дух животворит! Но вы, ессеи, спрятали дух в кувшин и запечатали этот кувшин, вы спрятались в пустыне и мечтаете о вечной жизни только для вас. «Говорите!» — это обращение к каждому кумранцу. Ты сказал, что вы не делаете никому зла, но, отказывая людям в исцелении во время вашего молчаливого поста, вы совершаете зло бездействием. Так не молчите же! Молчанием предается Бог, если он есть и не сошел с ума от того, что ему не с кем поговорить. А Бог — это вам не любимый ласковый брат. Он строг. — Я потряс перед носом Охийи пальцем, блестя перстнем звездочета. — Если Он будет добрым, простые люди перестанут Его бояться и начнут прямо на улицах грызть друг другу глотки, как бешеные гиены. Это только для умного человека хорошо, когда Бог похож на заботливого слугу, но умных людей катастрофически мало: дикий гусь может целый день лететь над Палестиной и не увидеть внизу ни одного умного человека. Вы уединились там, в пустыне, спасая себя, думая только о себе, и этим прогневали Господа. Зачем горит свеча, если вы накрыли ее горшком? Разбейте проклятый горшок! Пусть этот свет достигнет сокровенных углов мира! И не молчите в пост, если можете исцелять людей словом.

Охийя изумленно смотрел то на меня, то на черные буквы на стене.

— Ты разгадал загадку, которая мучила нас столько лет, Йесус, и твои слова — галаадский бальзам⁶⁰ для моего сердца! — сказал он. — Я только что понял, что мы, ессеи, подобны змее, кусающей себя за хвост... Я понял... Но мне надо убедить в этом моих братьев. Мы, кумранские ессеи, должны направить свои стопы в мир, чтобы сгореть в огне мира во славу Всевышнего! — Он вдруг заплакал, и затряслась его борода, заплетенная в косу.

— Числовое значение буквы Коф равняется ста, — продолжал я, — а значит, если шестьдесят семь букв упало, осталось еще тридцать три. Это тридцать три жизни ваших братьев. Хотите их спасти? Отверзайте ваши уста и помогайте больным даже во время строгого поста. Не надо преумножать скорбь безмолвием, кому это нужно? Несите свет миру неумолчно, и наш еврейский Бог, который присматривает за вами, будет доволен. Будьте как птицы, которые искусно парят на волнах стихии мира сего! Не уподобляйтесь змее, которая использует свой язык только для того, чтобы ощупывать мертвые камни...

---

⁶⁰ Смесь из смолы и пряностей, которую использовали для заживления ран. От местности Галаада.

Конечно, я знал, что у него не получится ни в чем переубедить свою общину. Старика посетило озарение, но, скорее всего, понимал я, братья-скорбцы просто подвергнут его какому-нибудь тщательно продуманному наказанию, они это умеют, а в худшем случае изгонят из братства и он быстро закончит свои дни, презираемый ессеями и не понимаемый всеми остальными. Но как было удивительно, что разум его не иссох, что он услышал меня! Это было чудом. Старик, который увидел два черных слова на белом фоне и родился заново. Но я не мог поступить иначе и утаить правду от ближнего своего, потому что всех нас ждет в конце времен примерно одно и то же, только в разной степени ужаса, так не разумнее ли оставаться немного жестоким, но абсолютно честным?

Мы вышли из сада к маленькой рыночной площади. Было очень жарко, и под навесами сидели только несколько аравийских торговцев, предлагая свой товар: пряности, дешевые украшения, амбру, индийские ножи, тонкой выделки кожу и шерстяные ткани. В пыли лежали, подобрав под себя ноги, их бурые развьюченные верблюды крупной и выносливой породы, привезшие все это через пески и Хиджасские горы по караванному пути вдоль Эритрейского моря. Верблюды тоже продавались. Остальные купцы и лавочники в прохладе каменных домов ждали вечернего

часа, чтобы начать торговлю, когда спадет жара и на площади закипит жизнь.

Я предложил Охийе остаться на берегу и переночевать в амбаре, чтобы немного отдохнуть и выспаться перед дорогой обратно к берегу Соленого моря, но он ответил, что не может позволить себе праздность и должен немедленно возвращаться к братьям, чтобы рассказать им о встрече со мной и разгаданной загадке смертоносной буквы. Он поклонился мне, коснувшись рукой земли, и пошел, не оборачиваясь, по улице.

Да, ессеи неистребимы так же, как неизбежна мировая скорбь. Пройдут века, но они будут продолжать расселяться по городам и весям и строить свои обители, распространяя учение, которое уничтожает молодость, разум, любовь и красоту ради какой-то недостижимой цели, а Бог будет то плакать над ними, то смеяться, то в ярости уничтожать их с помощью алфавита.

Думая об этом, я стоял и долго смотрел вслед старику-ессею, пока меня не вернул к действительности скрип колес тележки городского водовоза.

Вечером за трапезой я рассказал ученикам о людях, пришедших ко мне в течение дня. Матфей достал письменные принадлежности и кусок

кожи и, как обычно, записал на нем свои спутанные мысли, выдавая их за мои деяния.

Шелковую материю пьяницы из Гуш-Халава я подарил Иуде, и он очень обрадовался.

Андрей и Филипп пожаловались, что их оскорбил какой-то зажиточный человек в Вифсаиде. Днем раньше они пришли к нему в дом проповедовать разумную свободу, он сначала заинтересовался, а когда они упомянули мое имя и попросили что-нибудь перекусить, то рассвирепел, велел своему огромному слуге-негру «вышвырнуть за порог этих поганцев» и крикнул: «Клянусь, что лично позолочу позорный столб для проклятого Йесуса, который торгует своей собственной дочерью!»

Негр ревностно выполнил указание.

Выяснилось, что за несколько дней до этого в Вифсаиде действительно появился какой-то очередной бродяга, выдававший себя за меня, и при нем была юная девица, его дочь, с которой он не только спал как с женой, но и предлагал всем желающим познать ее в ближайших кустах за небольшую плату.

Несколько мужчин воспользовались этим предложением, в их числе даже какой-то отрок,

укравший на это деньги у родителей. Отцы города немедленно донесли о происходящем в римскую канцелярию, и центурион, наделенный властью управления Вифсаидой, постановил взять бродягу под стражу. Он был так возмущен варварской забавой евреев во вверенном ему городе, что надел свой роскошный боевой шлем с посеребренным поперечным гребнем и в сопровождении нескольких легионеров отправился арестовывать бродягу, но тот успел бежать, прихватив дочь. Кто-то сказал, что они уплыли на украденной лодке, кто-то — что ушли через виноградники на запад, но от них осталось то, что стало еще одним камнем в короне моей дурной славы.

Впрочем, я не злился на бродягу, он выживал как мог под изнуренным небом Израиля, да и его обращение с дочерью в свете веры наших отцов достойно разве что уважительного молчания, потому что сам праведный Ноах, избранный Богом для сохранения жизни на земле, вкушал прелести своих дочек. Его примеру последовал благочестивый Лот — он был уже седобородым старцем, когда убежал из Сигора, чтобы ни с кем не делить двух своих красавиц-дочерей, жил с ними в безлюдной долине и совокуплялся — днем на горячих камнях среди кустов самшита и цветущего олеандра, а ночью в прохладе пещеры. Им хорошо было втроем. Думаю, это были лучшие часы

их жизни. Каждый моавитянин и аммонитянин⁶¹ согласится со мной.

Многомудрые отцы Ноах и Лот знали, что делали, а не торговали дочерьми только потому, что первому после потопа некому было их предложить, а второй был богат и ни в чем не нуждался.

---

⁶¹ Потомки Моава и Аммона — сыновей Лота, родившихся от его дочерей.

ГЛАВА 28
Хоразин

Если комедия продолжится, то после моей смерти возведут храм в мою честь. Что поделаешь, значит, люди этого достойны. Большой храм мне не нужен. Лучше маленький, из каррарского мрамора, в виде шестиугольной башни где-нибудь на крутом склоне горы, и чтобы со ступеней входа виднелось внизу бирюзовое море. На полу пусть будет мозаика, изображающая богов, сенмурфов⁶², голых нимф и олимпийских кроликов, а в центре — я в образе белого льва. Желательно, чтобы в мозаике преобладали синие и зеленые тона. Окна высокие и узкие. Вход с южной стороны, а над ним, между двумя колоннами, золотой венок, украшенный всякими плодами: виноградные гроздья, колосья, финики, масличные ягоды, финикийские яблоки. Для изображения плодов следует употребить камни соответствующего цвета: рубины, смарагды, ониксы, янтарь и горный хрусталь. Лестница входа — из серпентина с желтыми и черными прожилками.

На колоннах пусть будет вырезан плющ, обвитый тернием и виноградной лозой с кистями.

Алтарь не нужен.

Приходите ко мне, несите свою беду, свой страх, свою желчь, свою глупость и невоспитанность, свой слабоумный восторг — я услышу каждого! Никто не опоздает ко мне. А если кто-то придет вечером

---

⁶² Мифологическое животное иранского происхождения.

и ему страшно будет в темноте спускаться обратно в долину по каменистой тропе над обрывом, пусть этот человек попросит у сторожа циновку и ляжет спать на полу храма — я благословлю его легким сном. Но, перед тем как забыться на циновке, этому паломнику надо будет зажечь свечу или лампу, достать из дорожного мешка масло, хлеб с вином и поужинать. Я разделю с ним трапезу, хоть он и не увидит этого, но, может быть, почувствует присутствие моего духа. Пусть выпьет вина и споет под сводами храма песню, печальную или веселую. Или сыграет приятную мелодию на флейте из оленьей кости. А если будет новолуние, пусть трубит в рог!

Если же целеустремленный путник под сводами моего храма приласкает юношу или девушку, горячую и гибкую, их стоны будут самой лучшей, самой животворящей музыкой для меня и благоуханный свет снизойдет на них.

Настанет эпоха, когда я буду говорить с живыми на языке мертвецов и меня поймет каждый. Огненная река, исходящая из-под Престола славы, остынет, я открою двери семи отделений Авадона, раздвинутся горы тьмы, и оттуда наконец выпорхнут, как пасхальные горлицы, души грешников, потому что давно пора положить этому конец. «Редает облако и уходит; так нисшедший в преисподнюю не выйдет», — сказал Иов, ослепленный рвением во что бы то ни стало угодить своему очумевшему

Богу, но это мы еще посмотрим: если ветер переменится, облако станет черно-синей тучей, огромной гематомой, из которой хлынет красный дождь, и каждый нечестивец и беззаконник будет ловить живительные капли обожженным ртом. Я утолю собой их жажду.

Нет, все это смешно.

Об этом думал я, когда шел с учениками из Кафарнаума в Хоразин, где Матфей отыскал для нас новое пристанище — в доме двух добрых сестер. Они были старыми девами, живущими за счет большого хозяйства, доставшегося по наследству. Владели фруктовыми садами, полями, где росла прекрасная пшеница, которой славится Хоразин, и еще у них было несколько мельниц. Множество батраков из окрестных селений работали на сестер.

Матфей умело очаровал их, наговорил небылиц про меня и нашу компанию, и они жаждали увидеть Иисуса, бродячего учителя из Нацерета.

Мы шли налегке, потому что почти не имели вещей. Я был рад оставить амбар, где провел столько времени. Было бы грустно остаток жизни просидеть в амбаре. Мы покинули город тихо, никому ничего не сказав, и я рассчитывал, что некоторое время буду избавлен от больных и нищих, искавших меня в Кафарнауме.

Жаль, здоровые и богатые не имеют нужды во враче, общаться с ними веселее и выгоднее.

Накануне Венедад из Гергесы несколько раз прислал ко мне своего слугу, требуя вернуть десять статиров, и, оставив Кафарнаум, мы на время исчезли с глаз этого корыстолюбца, не постеснявшегося требовать проценты у меня — такого же, как он, еврея.

К тому же, размышляя я, если моя беседа с нагидами не убедила их в моей невинности и Священный суд постановит взять меня под стражу, духовные власти тоже будут сперва искать меня в Кафарнауме. Да, Хоразин недалеко, всего в двух попрощах, но это могло меня спасти, потому что слухи часто опережают тех, кто присвоил себе право вершить суд Божий, — я мог бы успеть убежать.

По дороге навстречу нам проехала женщина на осле. Она сидела боком, свесив ноги на одну сторону, и даже не посмотрела на нас. Как и многие еврейки, она была приучена к скромности, как собака к своему месту. Меня всегда раздражало такое поведение женщин, стыдящихся поднять взгляд на незнакомца. Они живут бессловесно и тихо, мечтая разве что о новом платке или серебряном колечке, но зачем нужна такая жизнь? Они бесконечно рожают детей, как кошки, и думают, что это поможет им обрести вечность, но нет, это одна из самых

горьких иллюзий — видеть в детях продолжение себя, ведь еще никому не удалось переселиться в тело своего ребенка, а потом в тело внука и так далее. Кумранские отшельники справедливо полагают, что, умножая плоть, мы лишь умножаем скорби, но их нерациональная серьезность не позволяет им наслаждаться женщинами. Глядя на эту еврейку, я вдруг подумал, что когда-нибудь ослы станут механическими. Сделанные из металла, они не будут нуждаться в кормежке и упрячиться, но женщины, стыдясь раздвинуть ноги, все равно будут ездить на них только боком.

Удивительно! Сверкающий бронзовый осел, способный перевозить огромный вес... Я поделился этой мыслью с учениками, но они смущенно молчали, решив, что я сказал безумную вещь. Иуда с тревогой взглянул на меня, пытаюсь понять, не перегрелся ли я на полуденном солнце. Но реальность всегда еще более непостижима, чем наши пылкие предположения, поэтому когда-нибудь механическими станут не только ослы, но и люди. Ведь это лучший способ получить воинов, которые не боятся смерти и не требуют жалованья. Вот только как наделить их рассудком? Этот вопрос не менее интересен, чем методика приручения драконов в трактате Аристее Старшего «О пространственных местах». Да, мысленных многоголовых бестий можно укротить и заставить служить себе с помощью обрядов и силы воли, можно даже перекрашивать их

из зеленого в красный цвет и обратно, но они изначально способны думать, а как вдохнуть разум в головы металлических воинов? Очевидно, для этого нужны человеческие жертвоприношения...

Хоразинские сестры хорошо встретили нас. Рыжие, веселые и добродушные, склонные к приятной полноте, они были подобны старым мехам с новым вином, которое еще бродило, и это было замечательно. Обеим было под пятьдесят, но они каким-то образом сохранили свежесть — может быть, потому, что возле эротического огня, который они воплощали, до тех пор не удавалось погреться никому из мужчин, хотя они часто привечали у себя гостей: проповедников, странствующих мудрецов и целителей. Сытая беззаботная жизнь оставляла им время на то, чтобы искать истину.

Старшую звали Гита, а младшую — Тали.

Тяжелые ставни на окнах их прекрасного дома спасали от жары.

Каменный, в два этажа, с пристройками — это был один из лучших домов Хоразина, хоть и стоял на самой окраине, сразу за ним с южной стороны начинался огромный ухоженный масличный сад, принадлежащий сестрам. Такое расположение дома мне нравилось тем, что по саду, случись чего, можно было легко убежать и укрыться среди окрестных

холмов, ведь я так и не знал, что решили священники после беседы в синагоге Кафарнаума. В любой час за мной могла прийти стража.

В холодных подвалах дома хранилось множество продуктов: запасы муки, сыра, колбас, вин и прочего.

Гита была не такой миловидной, как ее младшая сестра, но понравилась мне больше. Чтобы не обидеть младшую и не заставить ее ревновать, я не выдал этого чувства и был одинаково обходителен с обеими, по крайней мере первое время.

Сестры позволили нам расположиться на втором этаже. Одну комнату, с большим окном в сад, занял я с Иудой, а вторую — остальные ученики.

В доме была прислуга. Богатые сестры подарили нам возможность пожить в достойных условиях. Но взамен я каждый день ублажал их беседами и вообще веселил как мог.

Ученики в те дни находились рядом со мной, потому что в этом чудесном доме у них появилось все необходимое и не надо было скитаться по окрестным селениям в поисках случайного куска хлеба. Каждый вечер в просторной комнате на первом этаже мы устраивали долгую трапезу. Слуги сооружали нам ложа, расставляли на ковре угощения,

и комната превращалась в резиденцию, где все слушали меня с благоговением, а я, сидя под медным светильником в виде головы сатира, рассказывал им истории из Писания, объясняя загадочные места. С помощью слов я поднимал учеников и двух наших хозяек к небу на крыльях пророков, я вел их через века: законодатель Моисей отверзал для нас море, чтобы мы вышли из ненавистного Египта; на наших глазах Йешаяху с помощью молитвы убил несколько тысяч ассирийцев и возвратил тень на десять ступеней назад, подчинив своей воле само солнце; на наших глазах Йехезкеля побили камнями за то, что он свидетельствовал о приходе мессии...

Тяжелая дубовая дверь дома была заперта на железный засов, на улицах Хоразина сгустилась тьма, а в комнате с белеными стенами было уютно: горели лампы, на расписных блюдах лежала хорошая пища, и добрые старые девы вздыхали, слушая меня, вытирали слезы, когда оскорбленный левит резал ножом свою наложницу на двенадцать частей, и смеялись, когда ослица говорила рассвирепевшему Валааму человеческим голосом: «Что я тебе сделала, что ты бьешь меня вот уже третий раз?»

Слуга приносил из подвала двуручный сосуд с охлажденным фасосским вином, я наливал его в кубки и чувствовал себя счастливейшим

из симпосиархов. Правда, в отличие от эллинских мастеров застолья я никогда не портил вино водой. Вино можно размешивать только старым густым вином, чтобы улучшить вкус молодого.

У нас было коровье масло и хлеб из первосортной муки, ягнятина, копченая рыба, выдержанный сыр и вяленые оливки; птица, тушенная в козьем молоке. О, если бы души людей так же легко усваивали мудрость мира, как их тела усваивают пищу! Тогда бы не было обид и недоразумений, войн и ревности, пусть даже священной.

Гита полюбила меня. Слушая мои истории, она подолгу мечтательно смотрела на меня, приоткрыв рот, в котором виднелись белые и крепкие, как у юной девушки, зубы.

Вскоре благодаря нам обе старые девы перестали быть девами, но избавить их от старости мы были не в силах. От старости избавляет только смерть.

Но мы разожгли огонь, который они гасили в себе столько лет! Они стали настоящими рыжими бестиями в постели, и это было прекрасно. Это было гармонией двух женщин и шестерых мужчин — им хватало нас, а мы были полностью удовлетворены ими.

Следует упомянуть, что у Гиты было больше веснушек на щеках и носу — эта деталь мне

кажется исключительно важной, ведь по количеству и расположению звезд можно найти дорогу к дому, если он существует, а по веснушкам на личике немолодой пылкой женщины — путь к недолгому счастью. В свое оправдание добавлю, что счастье вообще не бывает долгим. Не правда ли?

Жаркими ночами я склонялся над Гитой, запуская пальцы в ее густые рыжие волосы, и целовал в губы, касаясь кончиком языка двух ее прекрасных верхних зубов, а потом она скакала на мне, будто парфянский катафракт⁶³, осыпая все вокруг стрелами своей страсти. Когда у меня кончались силы, ее ублажали ученики, в том числе Матфей, этот старый мешок с навозом тоже изголодался по мускусной женской плоти. Иногда после разгульной ночи я просыпался в обнимку с Тали (ее лоно было чуть уже, и стонала она чуть громче), а иногда — в обнимку с родным Иудой. Меньше всего забавлялся с сестрами Филипп, но это было понятно: тот, кто однажды распробовал тесный зад юноши, всегда найдет повод выскользнуть из женских тенет. Он часто вспоминал Иону, улизнувшего от него любовника, и проклинал эллина, с которым тот сбежал.

---

⁶³ Всадник в тяжелых доспехах.

ГЛАВА 29

Деметрий

Когда люди узнали, что я перебрался из Кафарнаума в Хоразин, ко мне снова потянулась чередой больных, увечных и тех, кто просто нуждался в утешении и совете. Чаше стали приходить люди, которые просили меня стать судьей в том или ином деле, но я старался избегать этой роли, чтобы не дразнить власть, и отправлял их либо к старшему раввину, либо в канцелярию римского гарнизона. Приходили простаки, которые хотели всего лишь поглазеть на меня и поцеловать мою сандалию.

Я принимал людей в одной из комнат первого этажа. Там был деревянный пол, а через два окна проходило достаточно света. В углу — очаг с дымоходом. По моей просьбе в эту комнату был внесен стол с поверхностью из мрамора, а на полках я расставил горшочки со снадобрями и разложил инструменты, в том числе новые, специально выкованные по моим рисункам, — работу искусного кузнеца оплатили наши хозяйки.

Посоветовавшись с учениками, я стал брать плату за лечение, в основном с людей состоятельных. Это позволило избавиться от тех, кто хотел просто поболтать с известным учителем о какой-нибудь ерунде — например, о том, можно ли на праздник Пурим печь печенье в форме ушей любовника царя Артаксеркса, — тем самым растрачивая и мое, и свое время.

К тому же мы прекрасно знали, насколько зыбким является любое благополучие, и хотели скопить на будущее немного серебра.

Вырвать зуб и обработать рану настойкой — один ассарий.

Вырвать коренной зуб — два ассария.

Вправить вывих — одна драхма.

Наложить дощечки и зафиксировать сломанную руку — две драхмы.

Утешительная беседа с тем, кто всего боится, — одна драхма.

Молитва за богатого и грешного человека — один серебряный сикль.

Исцеление того, кто беснуется в новолуние и без ума лезет то в огонь, то в воду, — три драхмы.

Почистить и прижечь гноящуюся рану — три драхмы.

Благословение на паломничество в Храм — два ассария.

Благословение на торговую сделку — цена по договоренности.

Средство от мужской слабости — три драхмы.

Обрезание младенца — пять ассариев.

Предсказание больному смерти с точностью до года — семь драхм.

Предсказание больному смерти с точностью до полугода — десять драхм.

Зелье от укуса змеи — бесплатно.

Окуривание дома фимиамом от злых духов — четыре драхмы.

Сведение бородавки — три лепты.

Приворот умного мужчины — пятнадцать драхм.

Приворот обычного мужчины — пять драхм.

Легиним⁶⁴ желчи льва (для ритуала ослабления врага) — один сикль.

Сосуд настойки от бессонницы (полынь, хмель, мята) — две драхмы.

Судороги, удушье, черная болезнь, избавление от ночных кошмаров, ревматизм и насморк...

---

⁶⁴ Маленький, изящно отделанный сосуд (ивр.).

То, что человек получает даром, имеет для него малую цену, это относится и к исцелению. Я брал с людей деньги и тем самым помогал им ощутить радость от того, что здоровье можно купить. Купить! Прямо сейчас! А не ждать годами бесплатной милости капризного Бога, как это делают калеки и прокаженные возле Шило-ахской купели.

Когда ко мне приходили искать утешения истеричные женщины, я часто совокуплялся с ними во врачебной комнате, и это было лучшее, что я мог для них сделать. Иногда они оказывались девственницами, и я брал с них обещание никому не говорить о происшедшем, чтобы меня не преследовали их родственники. Некоторые приходили вновь. Некоторых я пугал, чтобы не проболтались. Ничто так хорошо не связывает женский язык, как страх проклятия.

Гита и Тали ревновали меня к этим женщинам, но ничего не могли поделать. Как не в моей власти было исцелить всех вокруг, так не во власти сестер было заполучить меня всецело. Впрочем, пока в отношениях мужчины и его женщин есть какая-то незавершенность или тень обиды — эти игры и острее, и ярче.

Кстати, действенное средство для тех, кто никак не может забеременеть, — выжигание клеймом

слова «пуриют»⁶⁵ на животе женщины. Но без соития все равно ничего не выйдет.

Я чаще стал исцелять душевнобольных. Обычно им требовалось только внимание, доброе успокоительное слово. Многие врачи (и не только среди евреев) пытаются лечить своих безумных подопечных, запирая их в темных комнатах, связывая, избивая, опаивая крепким вином и заставляя слушать громкую музыку, но это глупо. И столь же бесполезно, как исцеление посредством молитв Богу, в которого давно не веришь.

Душевнобольных надо побуждать к умственной деятельности, к занятиям гимнастикой и даже к ораторской деятельности.

Признаюсь, мне нравилось брать солидные суммы с недалеких и жадных в привычных обстоятельствах людей. Выслушав жалобы на боли в желудке от какого-нибудь хозяина постоянного двора, я советовал ему есть по утрам кашу на молоке, давал маленький сосуд с миндальным маслом (принимать по утрам вместе с кашей) — и брал за это пять сиклей. На его красном мясистом лице написано: подлец и жулик! И вот, скуля от огорчения, он достает из своего пояса пять серебряных монет. Как приятно наблюдать за этим!

---

⁶⁵ Плодородие (ивр.).

Но деньги я брал не со всех, хотя у меня и появилась страсть к накоплению, за которую я себя укорял. Когда приходил мучимый каким-то недугом бедняк в рваном синдоне⁶⁶, я, конечно, лечил его бесплатно.

Неграмотные, мелочные, пустые люди наполняли мои дни своими реальными болезнями и призрачными фобиями, а мне иной раз хотелось побеседовать с мудрым человеком. Но в Хоразине, как и везде, почти все жители влачили дремотное существование, и мне полезнее было поговорить с деревьями в саду, чем с ними, — по крайней мере, оливы и смоковницы не могли ответить какой-нибудь глупостью. Конечно, в городе жило несколько семей римской знати, в том числе префект с женой, это были образованные люди, но они, как и местное духовенство, избегали моего общества. С учениками же у меня никогда не было полного душевного доверия, и, более того, иногда я замечал, что они стыдились меня, как стыдятся отца дети, а я, что уж тут скрывать, смотрел на них немного свысока и уж точно не считал мудрецами.

Поэтому я очень обрадовался, когда однажды ко мне приехал из Дамаска ученый человек по имени Деметрий. Он поведал, что утратил радость жизни, и поэтому, когда услышал где-то про целителя из Галилеи, сразу отправился в путь. Деметрий хотел познакомиться со мной и получить лекарство

---

⁶⁶ Льняная рубашка (греч.).

от меланхолии, а я был рад лишний раз убедиться в том, что в меня верят не только болваны. Он привез новости из столицы провинции, а главное, с ним можно было обсудить вопросы медицины, поговорить о философии и поэзии.

Я подробно расспросил Деметрия обо всем, чем он занимается. Когда-то, работая в Александрийской библиотеке, я вместе с тем обучался обращению с металлами и другими веществами у одного из жрецов Гермеса и поэтому довольно быстро смог установить причину недуга Деметрия — она заключалась в отравлении ртутью, с которой он экспериментировал в своей мастерской, пытаясь отыскать дешевый способ золочения посуды по заказу какого-то торговца-римлянина. Он уже почти создал ксерийон — средство для излечения и для видоизменения металлов, но вдруг впал в тяжкое уныние.

Я объяснил, что он должен вывести ртуть из своего тела, и только тогда серая, как волны Северного моря, печаль, оставит его.

— Как же это сделать, Йесус? — спросил Деметрий.

— Известно, что в мире есть семь металлов, и каждому соответствует своя блуждающая звезда⁶⁷, —

---

⁶⁷ Имеются в виду семь планет Солнечной системы, известные в то время, и металлы: свинец, медь, олово, железо, золото, серебро и ртуть.

сказал я. — Ртутью управляет Кохав⁶⁸, притягивая ее утром и отдавая вечером, поэтому тебе следует до восхода солнца раздеться донага на каком-то возвышенном уединенном месте, встать лицом к востоку, найти в небе звезду Кохав и громко произнести: «Возвращаю тебе твой дар!» Затем нужно до рассвета танцевать плавный танец, подставляя бока, плечи и зад свету этой звезды и похлестывая себя пучком веток цветущей жимолости, которая распускается как раз в конце месяца ийара⁶⁹, когда бледный лик Кохав виден лучше всего. Встретить рассвет таким образом надо семь раз либо девять раз, если после семи не почувствуешь радость жизни.

Я смог вдохновить Деметрия — он заметно приободрился, представляя, как вернет звезде ее тяжелый дар, выйдет наконец из ее тени. Мне было жаль его, ведь большую часть жизни он провел за опытами в сумрачной мастерской. Еще я сказал ему, что от меланхолии помогает закапанная в нос желчь фазана и делать это надо одновременно с манифестациями перед звездой. Деметрий записал мои советы на куске папируса.

Прощаясь, он сказал, что всегда будет рад принять меня в своем доме в Дамаске, и объяснил, как я могу его там найти. А еще он подарил мне написанную

---

⁶⁸ Меркурий (ивр.).

⁶⁹ Апрель (ивр.).

на эллинском наречии книгу стихотворений Николаоса Дамасского «Семя единорога», которая привела меня в восторг, — я знал, что этот человек был историком и учителем Клеопатры Селены, царицы Киренаики, но он оказался еще и безупречным поэтом, которого я не побоюсь назвать арбитром изящества. Эти папирусы в кожаном чехле, перевязанные лентой, стали для меня поистине царским подарком. Николаос Дамасский отрицал в этой книге все ценности мира, чтобы нежно, непринужденно, но властно воздействовать на мир.

В своей врачебной комнате я с жадным интересом слушал новости, которые рассказывали люди, приходившие из Иерусалима. Какие указы издал префект? Какие товары нынче в цене? Какие новые проповедники дали о себе знать? Что слышно о моих двойниках? Не упоминал ли меня кто-то из духовенства в публичных выступлениях? Какие военные действия начались или закончились в сопредельных странах? Не помер ли кто-нибудь из старцев Синедриона? Не появилась ли новая замечательная книга? Мне казалось тогда, что Израиль готовится к событиям, которые изменят устройство мира. И я хотел принять в этом участие.

ГЛАВА 30

Плод

Ко мне пришла беременная женщина из Сепфориса, которая жаловалась на боли и кровотечение. Я осмотрел и расспросил ее, послушал ритм сердца, пощупал живот и понял, что ребенок занял неправильное положение — вне утеруса⁷⁰. Прежде я сталкивался с подобным и знал, что женщина может умереть. Было удивительно, что плод до сих пор не отторгся и продолжал расти. Спасти женщину могло только освобождение от него, и сделать это следовало как можно быстрее.

Она сказала, что тайно покинула свой дом, потому что муж не хотел отпускать ее ко мне, мечтая о сыне-наследнике, а местные лекари из числа правоверных евреев лишь советовали ей усердно молиться о благополучных родах и пить побольше козьего молока по утрам. Боли становились сильнее. Эта разумная женщина выбрала момент, когда ее муж, мастер артели каменщиков, отлучится по делам в Кесарию, и отправилась ко мне.

Я объяснил ей, что ее ждет, и предложил освободиться от плода. Она без колебаний согласилась. Был солнечный полдень, и я дал ей час на подготовку: ей следовало освободить кишечник и мочевой пузырь, сбрить волосы на лобке и подмыться. Я должен был завершить все это до сумерек — свечи и лампы не давали необходимого для операции количества света.

---

⁷⁰ Матка (лат.).

Я велел Иуде развести огонь в печке, а сам приготовил губку, пропитанную млечным соком сильфии, и медный пессарий с острыми резцами на конце. Симон воскурил в треножнике ароматные смолы с добавлением успокаивающих трав.

Женщина легла на стол — ногами к окну, к свету. Она дрожала от страха. Я дал ей выпить вина с соком миррового дерева и толчеными семенами белены, чтобы боль переносилась легче. Идеальное средство забвения — это, конечно, несколько египетских лилий, съеденных вместе со стебельками, но в окрестностях Хоразина они не росли.

Андрей, Симон, Филипп и Матфей держали женщину за руки и ноги.

Иуда двумя руками держал расширитель лона. Я заглянул во чрево женщины, стараясь понять расположение органов и плода, которое помнил по рисункам в одной греческой рукописи, ее мне показывал целитель Априм. Действовать предстояло вслепую, при этом быстро и осторожно. Женщина громко заплакала, и Андрей погладил ее ладонью по голове, как ребенка. Она умолкла, стиснув зубы.

С помощью длинных и тонких щипцов я ввел глубоко в ее лоно пропитанную ядовитым соком сильфии губку, чтобы плод поменял положение и его удобнее было ухватить пессарием.

Следовало подождать несколько минут.

Я нагрел пессарий в очаге и дал ему остыть.

Затем вынул губку.

Я рисковал. Женщина могла умереть, и тогда меня обвинили бы в убийстве. Вероятно, мне удалось бы сбежать, пока никто не узнал о случившемся... Но отказать в помощи этой женщине я не мог. В Галилее полно целителей, которые справились бы и с больным зубом, и с переломом, но сделать эту сложную операцию мог только я. Это был мой долг, написанный огненными буквами на скрижалях моего сердца.

Я велел ученикам держать ее крепче, еще теплым от нагрева пессарием проник в нее, ухватил плод за голову и потянул на себя. Женщина завопила. Матфей, державший ее правую ногу, побледнел и чуть не потерял сознание.

— Держи крепче, старый дурак! — крикнул я, и это привело его в чувство. На мгновение я задумался, что делать: попытаться вытянуть плод весь сразу либо доставать по частям. Первый способ предпочтительнее, но сложнее — выше риск кровотечения. Я решил попробовать. Стараясь не сжимать ручки пессария слишком сильно, я потянул плод наружу, чувствуя, как он едва заметно сопротивляется.

Было удивительно, что такой маленький человек может цепляться за жизнь, на самом деле увлекая в смерть и себя, и женщину. Да, воистину нет младенца, который был бы способен пожертвовать собой ради матери. Подобно дикому зверю, он стремится только к своей жизни, у него нет другой цели, нет сожаления и сочувствия, нет осознания вины. И непокорная дрожь его тела сродни дрожи осмысленной ненависти, потому цель того и другого — причинение бесполезного зла.

На крики женщины я не обращал внимания, но она пыталась подняться со стола, и ее движения мешали мне.

— Лежи тихо! — крикнул я. — В этой комнате смерть ждет, когда я сделаю неверное движение рукой! Ты мне мешаешь!

Она нашла в себе силы лежать спокойно, но стала кричать еще громче. Впрочем, я знал, что слишком сильной боли у нее не должно было быть. Она кричала больше от ужаса, от осознания того, что ее тело — игрушка в руках шестерых мужчин, один из которых вжился в роль врача, сам не зная, кто он на самом деле.

Вынуть плод целиком не получилось, видимо, из-за несовершенной формы пессария, и я с силой сжал его ручки. Голова отделилась, я вынул ее и бросил в корзину, стоявшую рядом, а затем аккуратно достал

остальное, откусывая плоть по частям и радуясь тому, что из женщины вытекает не так много крови, как могло бы. Потеря крови и невозможность ее остановить — самое опасное при таких операциях. Еще я боялся последующего воспаления, но женщина оказалась здоровой и сильной и должна была выжить.

Когда, по моим расчетам, весь плод был извлечен, я заглянул в ее лоно. Оно было чистым.

Я вытер пот со лба. Весь мир в то мгновение слегка изменил траекторию, по которой летел в бездну.

Женщина плакала, понимая, что родилась вновь. Я гордился выполненной работой. Вышло мало крови, а значит, не пострадали важные органы, и при желании эта женщина сможет забеременеть вновь, хотя я на ее месте не стал бы этого делать.

Я договорился со смертью, и совершилось чудесное избавление от жизни ради жизни.

Два дня женщина набиралась сил — лежала в комнате наших добрых хозяек, которые ухаживали за ней, как за своей третьей сестрой.

У нее даже не было жара.

Она предложила мне деньги, но я отказался.

Затем она отправилась домой, сообщить мужу-каменотесу, что появление наследника откладывается.

Прощаясь, она целовала мои руки.

Я строго запретил ученикам рассказывать о проделанной операции, чтобы не возмущать общество Хоразина и подольше задержаться в этом светлом городе на холме, где у нас снова был большой дом. Переселяться опять куда-нибудь в рыбный амбар не хотелось.

Публий Овидий Назон считает, что есть лекарство от любви⁷¹ и даже приводит изящные рецепты, но спасти от плода любви не может никакой поэт, здесь нужна твердая рука врача. И, пожалуй, спасение женщины — не единственный аргумент в пользу этой операции, ведь даже мудрый, как пророк, Аристотель сказал, что если у супругов против ожидания зарождаются дети, то плод должен быть вытравлен. Он установил, что зародыш человека идентичен зародышу растения, а чего нам стоит вырвать сорняк?

Есть и другие способы: можно заставить женщину носить тяжести, можно дать ей рвотное или слабительное зелье, но пока еще нет ничего лучше металлических щипцов, изобретенных медиками Рима.

---

⁷¹ Имеется в виду одноименная книга.

ГЛАВА 31

Слепой

Конечно, не всех я мог исцелить, и были дни, когда Хоразин становился ареной моего бессилия. Что делать с человеком, у которого одна нога короче другой? Я рекомендовал надевать на короткую ногу сандалию с толстой подошвой. Он пришел издалека, из Газы, ждал чуда, ждал, что я выправлю ногу, наращу ее с помощью праха земного, а я дал ему короткий совет и выпроводил на улицу. Наверное, возможность чуда есть даже в таком случае, но тогда у человека должна быть великая цель — мало только одного желания нравиться женщинам в Газе. Вообще, Бога не очень интересуют наши любовные неудачи, но это хорошо, потому что на наши успешные любовные прегрешения он тоже смотрит сквозь пальцы. Если бы мы знали, как именно Всевышний реагирует на тот или иной наш поступок, мы могли бы управлять его действиями, а это еще никому не удавалось, даже самым отчаянным праведникам. А те из них, кто смог уловить отблеск сумасшедшей гармонии, сразу теряли рассудок и уже не могли ничего связно объяснить.

— Йесус не смог помочь мне! Что за рабское преклонение перед обманщиком в маске законоучителя?! — кричал этот хромой на рынке Хоразина, выпив с горя, ведь красавицы Газы по-прежнему будут хихикать над его недостатком.

Да, можно слепить из земли некое подобие человека и с помощью Логоса заставить его двигаться,

но нельзя соединить прах земной и живую плоть, чтобы нарастить ногу или руку... Точнее, можно лишь в том случае, если Бог соизволит плюнуть в кучу пыли, из которой ты хочешь что-нибудь сделать. Божественная слюна примирит любые вещества друг с другом, но как удостоиться такого плевка?

А как я мог помочь человеку, слепому от рождения? Его привела старуха-мать. Это был мужчина лет сорока, могучего телосложения, с огромной рыжей бородой и пышной шарообразной шевелюрой. Разглядывая его, я подумал, что так, наверно, выглядел силач Самсон, последний великий судья израильский.

Слепой зарабатывал тем, что играл на цитре и пел во время праздников и поминок, хотя в его руках уместнее смотрелась бы ослиная челюсть⁷².

— Подари, подари моему сыночку зрение! — умоляла старуха, проворно опустившись передо мной на колени. — Мы всё перепробовали... И натирали мазями, и смачивали слюной постника⁷³... Одно упование — на тебя!..

Я ощупал глазницы этого мужчины в надежде, что, может быть, получится сделать обсидиановым

⁷² Согласно Книге Судей, Самсон убил ослиной челюстью тысячу филистимлян.

⁷³ Слюна только что закончившего пост человека считалась у евреев целебной.

лезвием разрезы на веках и дать им раскрыться, но он не имел даже глазных яблок. Помочь было нечем. Его мысленный взгляд навечно был устремлен в апейрон.

— А хочешь, он сыграет для тебя, Йесус? — зашептала старуха. — Сейчас ты услышишь, как прекрасно он играет, и поймешь, что ему необходимы глаза! Тогда он станет музыкантом при дворе царя! Многомилостивый Антипа очень любит музыку, но мой сынок не может ходить без повода, а кто захочет пустить во дворец меня, старую и некрасивую женщину... Ашер, а ну скорее сыграй для учителя!

Я хотел возразить, но слепой быстро достал из своего мешка цитру, сел на пол, поджав ноги, ударил по струнам и запел одну из тех песен, которые женщины Галилеи поют во время сбора урожая.

— Вдоволь хлеба, милый мой, принесем к себе домой! — гудел слепой басом, а старуха, сложив руки на груди, умильно смотрела на него.

Услышав музыку, в комнату пришли Гита и Тали и стали танцевать, хлопая в ладоши.

— ...и вдоволь хлеба! — закончил слепой.

— Ах, это моя любимая песня! — воскликнула Гита.

— Ты ведь поможешь этому человеку, Йесус? — спросила Тали.

— Вряд ли, — ответил я, сердясь на них, им не следовало мешать мне, когда я принимал болящих. Уже несколько раз я укорял сестер, когда они приходили поглазеть, как я работаю, и при этом болтали без умолку.

— Как же так, Йесус? — спросила старуха. — Ашер так хорошо играл для тебя, а ты не хочешь подарить ему зрение? Сколько денег тебе дать? Мне не жаль, я все отдам ради сына...

— Ну я же говорил тебе, мама, что это напрасно, — произнес слепой, поднялся с пола и спрятал свой инструмент обратно в мешок.

— Женщина, у тебя есть сын, а это главное, вот и радуйся, — сказал я. — Имей он зрение, уже давно ушел бы от тебя к какой-нибудь девице в далекий город, точно говорю. И сидела бы ты одна, а может, и померла бы уже... Радоваться надо!

Но старуха не понимала меня.

— Может быть, тебе не понравилась эта песня? Хочешь, Ашер споет для тебя печальную песню?..

Я еле выпроводил ее. Как и хромой из Газы, она шла по улице Хоразина и громко ругала «этого

лживого Йесуса», а слепой сын покорно плелся за ней.

Еще как-то раз пришел легионер из гарнизона, по имени Антоний, его мучила старая рана, которую он получил несколько лет назад, — какой-то еврей во время беспорядков близ Иерусалима пырнул его ножом в живот, задев печень. Рана затянулась, но печень уже не могла работать исправно, и время от времени легионера мучили сильные боли. Я рекомендовал ему ограничить себя в пище, особенно жирной, каждый день пить настойку из семян и плодов *carduus marianus*⁷⁴, а через несколько месяцев прийти ко мне вновь.

— Ты не вылечишь меня прямо сейчас, Йесус? — удивленно спросил он. — Я больше не могу терпеть эту боль по ночам... А утром так плохо, что вставать не хочется...

— Ты римлянин, Антоний, и у тебя есть достаточно богов, к которым можно обратиться, если тебя не устраивает лечение, которое я тебе назначил, — ответил я. — Мне очень жаль, что тот еврей ударил тебя ножом.

— Ничего, мой друг сразу убил его, — ухмыльнулся Антоний, — он воткнул ему гладиус⁷⁵

⁷⁴ Расторопша (лат.).

⁷⁵ Римский короткий меч.

в сердце по самую рукоять... А ты можешь продать мне немного кифа, Йесус? Мне нравится это лекарство.

— Я уже давно не торгую кифом, Антоний, — ответил я.

Легионер бросил на стол две драхмы, которые мне полагались, и отправился в свой гарнизон.

Иногда приходили богатые старики — землевладельцы, торговцы, чиновники — и просили вернуть им молодость. Помню одного такого, советника тетрарха по торговым делам. Дряхлый, но деятельный и подвижный, одетый в горчичного цвета хитон с кисточками на рукавах и в дорогой шелковый плащ розового цвета, он воплощал собой жажду жизни. Видно было, что старик ни на один скрупул не сомневается, что сады Галилеи не зацветут, если он вдруг умрет. Его душа была подобна душе беспечной девушки, он хотел умиляться каждому цветку и до бесконечности тратить свое немалое состояние, он кокетничал со смертью, и его сухие, покрытые коричневыми пятнами руки тряслись, когда он сказал:

— Йесус, ты славный учитель, поэтому я не буду тратить твое время. Давай сразу к делу: я не чувствую себя стариком, поэтому помоги мне привести мое тело в соответствие с душой.

Я отблагодарю тебя щедро. Один арабийский волхв поведал мне, что для этого нужна кровь моего юного потомка... Я могу это устроить. У меня тринадцать внуков. С помощью верных людей я могу выкрасть одного из них, ему всего два года, его принесут тебе, и ты воспользуешься его кровью. Он абсолютно здоров.

Я отказал старику, но только потому, что не знал, как можно перелить кровь одного человека другому, а требовалось именно это, волхв не врал. К тому же, прежде чем перелить, кровь следовало поместить в специальный сосуд и обработать с помощью заклинаний, которых я не знал. Я только слышал, что они есть. Кажется, индийские чародеи владеют этим искусством.

Кто-то сочтет подобные опыты бесчеловечными, но я возражу: даже на ржавых и неточных Господних весах, на которых больший вес означает бóльшую пользу, упитанный ребенок вряд ли окажется тяжелее худого старика — совершившиеся страдания и тяготы жизни будут убедительнее. Любое чудо, даже кровавое, — это дар Божий, и уж кто как не старик сможет по достоинству оценить его! А дети почти всегда неблагодарны. Да и мир наш так устроен, что, скорее всего, внук подрастет и задушит вконец одряхлевшего деда на старческом ложе ради наследства. Вера в детей — это всего лишь безобидная вера, а культ

ребенка — это уже непростительная глупость, которая превращает взрослого и разумного человека в жертву.

Быть жертвой — противно природе.

Некоторым старцам я просто советовал подкрасить седую бороду хной, чтобы она стала рыжей или красной. А если хочется черную бороду, в хну следует добавить кровь и жир черного быка, вороньи яйца и толченых головастиков.

Иногда кто-то приходил и заявлял, что на земле, где он растит свой хлеб, мало воды. И смотрел на меня, ожидая, что я посулю животворящие потоки с небес, которые должны регулярно литься точно над его полем, чтобы часть влаги случайно не попала на землю соседей, которых он ненавидел и желал им скорейшей смерти. Да, мой недобрый народ — лучшая почва для возрастания больших и малых пророков, потому что среди этого народа легко стать святым. Достаточно самоиронии, наблюдательности и умения владеть собой.

Вспоминая эти и другие случаи, я понимаю, что всегда был заложником Священного Предания — люди ждали от меня того, что написано в книге Невиим, я должен был осуществить для них пророчество Исайи: «Тогда откроются

глаза слепых, и уши глухих отверзнутся; тогда хромой вскочит, как олень, и язык немого будет петь; ибо пробьются воды в пустыне и в степи — потоки».

Хоть против смерти и нет лекарства в садах, я всегда успешно помогал стареющим женщинам, которые желали всего лишь немного замедлить этот процесс, а не вернуть первозданную молодость. Здесь незаменимы ванны из фруктовых соков и молока ослицы, мази для лица и рук, отвары некоторых трав, физические упражнения и долгий сон. Женщина, которая мало спит, быстрее увядает. Да, и с некоторыми я вступал в связь — это тоже было для них прекрасным лекарством. Видавшие виды жеманницы, опытные и покладистые, мне очень нравились... Их движения и стоны были предельно искренними, как будто акт любви совершался в последний раз. Я ощущал их благодарность, которая распалая меня. Как будто все, что смогла прожить и прочувствовать такая женщина, передавалось мне, и пульсирующие токи чужой жизни позволяли мне ненадолго увидеть то, что скрыто.

Сам не знаю, как я иногда исцелял прокаженных. Наверно, проказа — это все-таки душевное заболевание, которое можно остановить, когда больной и врач объединяют свои усилия и понимают друг друга, когда их работа превращается

в таинство. Так было, когда я вылечил в Кафарнауме прокаженного по имени Эфраим.

Часто больному не дают излечиться его собственное бесчувствие и неотесанность мысли.

Иногда я выходил вечером из восточных ворот Хоразина, садился на камень у края обрыва и смотрел на красные вершины гор над озером. Я думал о людях, которым не смог помочь. Вместе они, наверно, могут наполнить город. Я не хотел бы жить в том городе.

ГЛАВА 32

Рыба

Иногда я в одиночестве отдыхал на озере в лодке, купленной на деньги, заработанные в Хоразине. Брал с собой еду и книги, которые приобретал при любой возможности, где-нибудь недалеко от берега бросал якорь — круглый камень с дыркой, в которую была продета веревка, — и весь день занимался чтением. Это был лучший отдых. Время от времени на берег приходил кто-нибудь искавший меня, но я не обращал на это внимания, а ученикам велел говорить всем, что «учитель отплыл помолиться о нашем спасении».

Лодка покачивалась на волнах, ветер трепал льняной навес, который спасал меня от солнца, плескалась вода, кричали птицы, а я, лежа в лодке на ворохе соломы, следовал за Вергилием, Горацием и Катуллом в миры, которые могут создать только поистине свободные и беспечные люди. И радовался, читая мелиамбу⁷⁶ Керкида Мегалопольского:

*Жили некогда в Сиракузах
две девушки с округлыми ягодицами.*

Я уверен, что любые стихи, избавленные от дидактики и пышных сравнений, — это великое достижение, для которого потребовалось немалое сосредоточение ума. Их автору следует

---

⁷⁶ Шутливое стихотворение (лат.).

поклониться, коснувшись рукой земли. Кстати, чтобы писать непринужденно, человеку вовсе не обязательно принадлежать к знатному роду, ведь даже сын горшечника Ринфон смог быть поэтически свободным:

*Муз соловей я не крупный, а все ж
из трагических шуток
Плющ я особый себе понасыривал для венка.*

В тот день я дремал на дне лодки, и мне казалось, что Галилейское озеро — это огромная линза, подобная вогнутому изумруду, сквозь который близорукие римские патриции наблюдают за происходящим на арене во время сражений гладиаторов, но я видел через нее поэтов прошлого и настоящего, которые старались понравиться мне и выясняли отношения, соперничая за мою любовь и добиваясь совершенства мысли и слога. Однажды Марк Атилий начал читать мне свою комедию «Женоненавистник»⁷⁷, а его перебил Апулей, говоря, что историю про золотого осла⁷⁸ учителю будет послушать интереснее. Вероятно, он намекал на то, что я так же сластолюбив и беспутен, как и его герой Луций. Марк Атилий оттолкнул Апулея, завязалась драка, и оба они провалились в бездну, состоящую из черного

⁷⁷ Сохранились только фрагменты этого текста.

⁷⁸ «Золотой осел» — сочинение Апулея.

земляного масла⁷⁹, извести и серы; сквозь линзу вдруг хлынул солнечный свет, вещество вспыхнуло и превратилось в халколиван — огненную массу слов, тайна которой впервые открылась мне когда-то на холме близ Иерихона.

Это было мерцающее упругое пространство. Я мог свободно двигаться в нем, подниматься выше и опускаться в темно-красную глубину. Некоторое время я наслаждался этим, не чувствуя веса своего тела, а потом заметил, что вокруг меня появились контуры людей — точнее, только головы и верхние части туловищ. Они не обращали на меня внимания и обсуждали что-то далекое от поэзии. Язык, на котором они говорили, не был мне знаком, но я удивительным образом понимал его, хотя смысл некоторых выражений ускользал.

— Хороший человек был владыка, лишнего не брал, — сказал один из них.

— Царствие ему небесное, — ответил другой.

— Наверно, Иллариона теперь вместо него поставят.

— Вряд ли... Не дорос Илларион, при всем уважении. К тому же он полжизни за границей

---

⁷⁹ Так в древности называли нефть.

провел, изнежен, как мопс, а нам тут волки нужны.

— Значит, Антоний придет на кафедру.

— Или Игнатий, патриарх его любит.

— Сейчас молодых да горячих продвигают, всех харизматичных клириков старой закалки отправили за штат, все епархии вычистили, чтобы тихо было да гладко... Не смей иметь самостоятельного голоса!

— А вот этого не надо! Ты слишком радикален, Василий Павлович. Вполне естественный процесс идет. Сейчас новое время настало, свежий ветер подул, пыль согнал. Его святейшество лучше знает, ему видней... Святая церковь реформируется на благо отечества.

— А видели, что отец Андрей вчера у себя на странице написал? Очень едко...

— Нашел что читать. Отец Андрей дьякон, а дьякон — это полчеловека.

Они засмеялись.

— Я владыку помню еще с девяностых. Видный был человек. Как держался! Поднимается

по лестнице... Бесконечное благородство! Аристократ, голубая кровь! Порода. Уходят люди...

— А что у вас с этим судом-то, отец Николай? Значит, говоришь, не хотят выселяться? Подали встречный иск?

— Да.

— Я вам помогу, пожалуй. Обращусь куда следует. Позвоню полковнику. Рога им быстро обломают.

— Ох, обратись, обратись! Позвони! Смиренно прошу. Устал я бодаться с этой культурной общественностью, сил нет. Враги народа какие-то. Мочить их надо, прости Господи.

— Они тут коллективное письмо опубликовали, что, мол, церковь покушается на культуру, то да се, разрушают историческое наследие, а какая там культура, если половину комнат они сдают, а во второй сами — со своим музеем поганым, прости Господи... Сидят там с этими чучелами...

— Недавно еще один хребет динозавра выставили. Говорят, настоящий.

— Брехня! Не было их никогда.

— Наталья, закусточки вот этой побольше принеси и расставь, — начальственно произнес тот, к кому обратились «отец Николай»; видимо, это был хозяин, худой и высокий мужчина с русой бородой, похожий на кельта. — Да, и селедочки... Нет, салата хватит... Сейчас будем начинать.

Вдруг я понял, что лежу на блюде посередине большого стола, покрытого зеленой тканью и заставленного угощениями. От большого светильника, подвешенного к потолку, исходил удивительно яркий бездымный свет. Люди вокруг меня перестали быть тенями, и я смог различить их лица. Почти все они были в широких черных одеждах. Меня удивило то, что у некоторых на груди виднелись маленькие кресты из золота и серебра, подобные тем, на которых казнят. Я подумал, что собравшиеся за столом — палачи, назначенные Синедрионом, и стало понятно, почему их одежда черная, — это цвет утраченной надежды, да и кровь истязаемых на нем не так заметна.

— Ну, гости дорогие, давайте помолимся да начнем, — произнес хозяин.

Все встали и повернулись к стене, на которой висела большая квадратная доска с изображением женщины, печально склонившей голову. У нее в руках был то ли младенец, то ли какая-то вещь, не могу сказать определенно, мне плохо видно было со стола.

Они пропели печальную молитву и совершили одинаковый жест: каждый, сложив три пальца правой руки в щепотку, коснулся лба, живота и плеч.

— Господи Иисусе Христе, Боже наш, благослови нам пищу и питье молитвами Пречистой Твоей Матери и всех святых Твоих, яко благословен еси во веки, аминь, — произнес хозяин, все снова уселись на свои места и приступили к трапезе, беседуя:

— Помянем владыку.

— Со святыми упокой, Христе, душу раба твоего...

— Он шутил, помню: я, говорит, стригу овец, а не сдираю с них шкуру.

— Точно!

— Идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная...

Они налили в прозрачные граненые кубки вино и стали неторопливо пить. Я поразился изяществу этих кубков — они будто были вырезаны из цельных кусков горного хрусталя.

— Наливайте еще красенького, — сказал хозяин. — Крымское, это мне прихожанин прислал, завод

у него винный теперь там. В провинции, как говорится, у моря. Кирилл Сергеевич, сенатор который.

— Да-а, очень симпатичное вино...

— Отец Николай, не тревожьтесь насчет этого музея, все устроится. Найдем управу!

— Дай тому Бог.

— Ну все, Наталья, подавай первое, — сказал хозяин женщине, которая им прислуживала.

Она принесла блестящий металлический котел и стала черпаком разливать из него горячую похлебку в низкие широкие чашки белого цвета, стоявшие перед каждым гостем.

— Ангела за трапезой, — сказала она, закончив, и удалилась.

— Отец Димитрий, я вчера смотрел вашу передачу по телевизору, это просто отдохновение души, спаси вас Господи! — сказал молодой мужчина без креста на шее. — А вот попробуйте печеную рыбу, у нас новая повариха на приходе, украинка, просто кудесница!

Тот, кого называли отцом Димитрием, был стариком с мясистым носом и настороженным взглядом

желчного и самовлюбленного человека. Он взял вилку и потянулся ко мне.

Я шевельнул хвостом, с легкостью проплыл вперед и вниз на расстояние в несколько локтей и снова оказался в пылающем море, вне досягаемости этих загадочных людей за столом, голоса которых доносились теперь приглушенно, как будто из-за полупрозрачной завесы. Я тщетно пытался разгадать смысл некоторых фраз, которые они произнесли. Я понял, что они совершают поминальную трапезу в честь умершего хозяина-владыки и гадают, кого теперь назначат на его место. Меня удивило, что они произнесли слово, похожее на мое имя, только искаженное. И что такое «дьякон»? А кто такие «харизматичные клирики»? И куда их отправили? Наверно, как всегда, это гонимые избранники Божии, лбы которых отмечены Его светозарной печатью. Еще я подумал, что эти трапезничающие мужи в черных одеждах хорошо относятся к Риму, раз один из них процитировал слова Тиберия, которые тот произнес, отказываясь повышать в провинциях налоги...

Эти люди внезапно исчезли. Затихли их вкрадчивые, как у халдеев, голоса. Вокруг меня был огненный мир, наполненный миллионами других звуков. Я прислушивался то к одному голосу, то к другому.

Кто-то спорил с кем-то до хрипоты, кто-то рвал мелко исписанный папирус, а кто-то, не найдя

аргумента, схватил нож, который превратился в острую сияющую букву. Я стал свидетелем того, как один человек прочитал по птичьим следам на берегу реки великую поэму, услышав которую Гомер разодрал бы на себе одежду в знак скорби. Я мог наугад выбрать любой отзвук, сосредоточиться на нем, и тогда передо мной разворачивалась вся сцена. Я видел судьбы. Я шевельнул плавником, и зазвучал гимн Изиде под сводами ее храма — в синем дыму благовоний женщины стояли на коленях и возносили к ней молитву: «О, пресвятая дева, владычица неба и земли, ты есть блудница и святая, ты бесплодна, но бесчисленны дети твои, ты злонравна и великодушна, ты первая и последняя, ты облегчаешь родовые муки...»

Я опустился ниже, в рубиновую тьму, где вспыхивали желтые искры чьих-то откровений, и увидел, как, окруженный мертвецами, плоть которых уже начала сходиться с костей, праведный Иов кричал, стоя на камне:

— Вы сплетчики лжи! Вы все бесполезны! Что вы ощупью бродите во тьме и шатаетесь, как пьяные?!

Мертвецы молча скалили в ответ зубы, двигаясь в танце по воле течения, — это единственное, что они умели делать, а Иов заметил меня и произнес, грозя пальцем:

— А ты бесполезный врач!

Я хотел что-то ответить, но передумал и поплыл дальше — мимо жертвенников, зиккуратов, башен молчания, рогатых статуй и порфировых алтарей, на которых дымились благовония и лежали дары: освежеванные туши баранов, сосуды с бычьей кровью, миртовые ягоды и фиалки. Я увидел огромные золотые ворота, из которых медленно вышел к народу священник в драгоценном облачении, торжественно неся перед собой чашу с вином. Я проплыл возле его лица, он заметил меня, вскрикнул и выронил чашу, но из нее на пол вместо вина вывалился клубок земляных червей; увидев это, люди закричали, а я быстро поплыл вверх, к солнечному диску, который виднелся сквозь сукровичную влагу бытия.

Иногда я видел вокруг себя угрожающие морды, но не боялся — я был крупной рыбой.

Я приблизился к одному из окон башни замка, окруженного лесом. Внутри была комната со сводчатым потолком, заставленная различными приспособлениями и емкостями. У стены в очаге горел огонь, на котором что-то нагревалось в закрытом котле.

За столом сидел пожилой человек в красной шапке с кисточкой и писал гусиным пером на листе.

— Киноварь прокалил? — спросил он юношу, который стоял рядом с котлом.

— Да, учитель, — ответил тот.

— Вливай уксус, будем выпаривать! — распорядился человек в красной шапке.

Я подплыл к нему и прочитал то, что он записал: «*Visitatis Interiora Terrae Rectificando Invenietis Occultum Lapidem Veram Medicinam*»⁸⁰.

Мне показалось, что он почувствовал мое приближение. Он поставил перо в чернильницу, встал с кресла и принялся ходить по комнате, бормоча:

— *Dominus tecum!*⁸¹ Он рядом!..

— Что? — спросил юноша, держа в руках узкий прозрачный сосуд с уксусом.

— Будь я проклят! Как я сразу не догадался! Черный дракон близко, а значит, зеленый лев должен сожрать солнце! — воскликнул учитель и вновь кинулся что-то писать, а я проплыл сквозь стену башни и стал подниматься еще выше.

---

⁸⁰ «Проникай в глубины земные и, очищая, обрети скрытый камень, истинную медицину» (лат.).

⁸¹ Господь со мной (лат.).

Когда до поверхности упругого розового моря осталось недалеко, я остановился. Голоса, которые я слышал, слились в тонкий звон, похожий на плач Вселенной. Я хотел закрыть глаза, но не смог этого сделать, потому что у рыб нет век. Я был вечным наблюдателем. Я видел печальные сны моряков, вокруг меня загорались черные звезды, как огни на маяках преисподней. Прошло торжественное шествие в честь Озириса. Огромный бородастый змей спросил у человека, потерпевшего кораблекрушение посреди моря слов:

— Кто принес тебя, ничтожный, кто принес тебя? Если промедлишь ты в ответе мне, кто принес тебя к острову этому, то сделаю я так, что станешь ты пеплом!

Человек приготовился умереть, но змей оказался добрым и великодушным, потому что был несчастнейшим из змеев, он дал мореходу много подарков, включая драгоценные жирафьи хвосты, и отправил его домой.

Вопли обреченных на казнь за неверие опускались на дно, они напоминали расплавленный свинец, вылитый в воду. Я слышал песни Раава⁸². Стаи злых подводных птиц проплывали мимо меня.

---

⁸² Ветхозаветный демон.

Казалось, я много тысяч лет висел так между небом и землей, тихо шевеля плавниками.

Затем я увидел перед собой прекрасную белую рыбу, которая с нежностью смотрела на меня, как мать на младенца.

— Следуй за мной, — тихо сказала она, не открывая рта, я услышал ее голос в своей голове.

— Куда? — так же безмолвно спросил я, заметив, что у нее на брюхе есть маленькие ноги.

— Если ты останешься в прошлом, они тебя сожрут, — ответила рыба и поплыла куда-то в сторону. Я устремился за ней.

Вскоре мы оказались возле берега, под нами было песчаное дно, и граница между морем и воздухом была совсем близко.

С помощью ног белая рыба стала медленно выходить из воды. Я попробовал сделать то же самое, но ткнулся в песок, и волна отбросила меня обратно. Я не умел ходить и не умел дышать над водой. Белая рыба исчезла из виду, а я, с силой ударив хвостом, устремился назад в глубину, домой, в стихию, которая была для меня сладостнее любого нектара.

ГЛАВА 33

Жрица

Сколько людей искали меня и не нашли? Сколько больных сбросилось под стены Иерусалима и умерло там, когда я был в Кафарнауме? Меня искали в Самарии, а я был в Галилее. Разносился слух, что я прибыл в Гисхалу, а я продолжал жить в Хоразине. Причиной тому были мои бездарные двойники и то, что я никак не мог спокойно устроиться на одном месте. Порой казалось, что это скопище Лже-Иисусов переживет меня и будет длить свое иллюзорное существование веками, меняя цвета кожи, черты лица, привычки и методы обмана людей.

Эти проходимцы будут служить чему угодно, кроме истины: государству, Храму, лично кесарю, войску небесному, подателям благ Фебруусу и Сабазию⁸³, тельцу Аарона⁸⁴ и тому роду тщеславия, за которым нет высшей цели. Ложный мессия никогда не останется без кувшина процеженного вина и теплой ячменной лепешки с медом, но сможет ли он помочь хоть кому-то заживить язву, остановить кровь или вырвать больной зуб так, чтобы человек после этого не умер?

В отличие от многих других людей эта женщина нашла меня в Хоразине не затем, чтобы я помог ей, а чтобы помочь мне самому. По крайней мере, так она считала. И сочла меня достойным своего визита.

---

⁸³ Этрасский и фракийский боги богатства.

⁸⁴ Золотой телец.

Как-то после полудня я возвращался с озера, где наловил рыбки, чтобы Гита пожарила ее по своему рецепту, она делала к рыбе замечательный соус из масла, уксуса, яиц и муки. Издалека я увидел вооруженную толпу возле дома и сильно испугался от неожиданности, подумав, что меня пришли арестовывать воины тетрарха из Тиверии либо старцы Синедриона прислали стражу из Иерусалима, чтобы наконец покончить со мной.

Я уже хотел бросить корзину с рыбой и убежать в непролазные заросли кустарника на северном склоне за стеной города, где в лабиринте из тропок можно было переждать опасность и решить, что делать дальше, но, присмотревшись, понял, что эти люди не похожи ни на евреев, ни на римлян и являлись, скорее всего, иноземцами. К тому же их верблюды были навьючены так тяжело, словно бы они путешествовали уже долго.

И я направился к дому. От толпы отделилась и пошла мне навстречу женщина в накидке из синего виссона. Я понял, что она главная среди этих людей. Ее свита осталась ждать на почтительном расстоянии.

— Здравствуй, Йесус, меня зовут Тахмина, и я принесла тебе свет! — радостно сказала она по-эллински и засмеялась.

Я скромно улыбнулся в ответ, удивившись такому повороту событий, и ждал, что она скажет дальше. Ее накидка была скреплена на груди золотой пряжкой в виде распростертых крыльев птицы. К широкому нитяному поясу был подвязан пучок тамарисковых палочек, которые мелодично постукивали при ходьбе. На ногах были высокие ботиночки из посеребренной кожи. Она была маленького роста, с точеной фигурой и зелеными глазами, в которых посверкивали золотые нити — ее взгляд был чарующ, и я с удивлением ощутил, что мне стало невыразимо хорошо только от того, что она смотрела на меня. Усилием воли я сбросил с себя эти чары — нельзя было поддаваться первой встречной ведьме.

— Я жрица светлоликого Ахурамазды, — продолжала она. — Я совершила путешествие в Рим из Кушанского царства вместе с послами от нашего царя, а на обратном пути, следуя через Дамаск, услышала о тебе чудесные вещи. Послы поехали домой, а я решила навеститься к тебе, Йесус.

— Безграмотные люди разносят обо мне слухи, которые превращаются в сказки, — сказал я. — У тебя что-то болит?

— Нет, я совершенно здорова! — воскликнула она и снова засмеялась, впившись в меня

взглядом. — Я хочу поделиться с тобой светом Ахурамазды.

Я поставил корзину с рыбой на землю. Это было неожиданно. Мне стало интересно, какие диалектические уловки есть у этой чаровницы для того, чтобы завлечь меня в сети своего малопонятного божества. И еще я подумал, что, наверное, если во время совокупления неотрывно смотреть в глаза Тахмины, можно умереть от счастья. Только ради этого, может быть, стоило принять свет Ахурамазды...

— Благость Ахурамазды абсолютна! — продолжала гостя с торопливым восторгом. — Он величайший, он самый старый и самый юный, он знает прошлое и настоящее, он — воплощение справедливости и любви, он сотворил пространство мира... Он владыка мысли, который дает радость и умиротворение, он брат и отец человеку, поистине любящий отец, и мы не должны отвергать эту возможность, потому что только в Ахурамазде есть ключ ко спасению...

— Чем же Ахурамазда лучше еврейского Бога? — спросил я; меня забавлял этот разговор.

— Он послал людям своего сына Заратуштру! — воскликнула она. — И Заратуштра стал великим пророком, через которого мы все получили священное писание...

— Наш Бог тоже послал на землю пророка, — ответил я.

— И кто же он?

— Я.

Тахмина приоткрыла рот от удивления. Она не понимала, серьезно я говорю либо насмехаюсь над ней. Я взял свою корзину с рыбой, накрытой листьями, приобнял Тахмину и сказал:

— Давай продолжим этот разговор в доме, а заодно ты поешь рыбки, которую сын Божий наловил для тебя.

Гита и Тали велели служанкам принести для гостя самых лучших угощений из их подвалов и даже бочонок терпкого хиосского вина, который проделал к нашему столу путь не менее долгий, чем тот, что проделала Тахмина, дабы увидеть меня.

С ней были слуги и дюжина могучих телохранителей, столь свирепых на вид, что, наверное, они могли бы без боя захватить какой-нибудь маленький город. Горе и смерть ждали разбойников, пожелавших ограбить караван Тахмины.

Ее маленькое войско поставило шатры в саду возле дома.

За трапезой Тахмина вновь начала рассказывать о своей вере, ученики задавали ей множество вопросов, а она терпеливо отвечала.

Филипп плохо понимал греческий язык, на котором я говорил с ней, и попросил меня узнать, есть ли у них там молельные дома. Я перевел.

— У нас множество прекрасных храмов, в которых день и ночь горит священный огонь, — ответила она.

— У нас тоже горит! — воскликнул Матфей. — Вы жертвы приносите? Режете ягнят и тельцов?

— Нет, мы против кровавых жертв.

— Наш учитель тоже это не одобряет, — сказал Матфей, поглаживая бороду. — Да, Йесус?..

— Тахмина, расскажи еще про Заратуштру, — попросил я.

— Во-первых, надо знать, что когда он родился, то не заплакал, а засмеялся. Его омыли коровьей мочой и завернули в овечью шкуру, его мозг пульсировал с такой силой, что поднесенная к голове рука отскакивала, — это предвещало его величайшую мудрость... Своим смехом он убил тысячи демонов, а когда вырос, получил откровение от солнцеликого

Ахурамазды... Если бы ты поехал со мной, Йесус, то мог бы прочесть это откровение, оно хранится в храме Плающей Собаки в городе Мумбе. Ты мог бы стать одним из наших великих жрецов, я вижу отсвет божественного пламени у тебя на лице...

— Вы поклоняетесь собакам? — удивленно спросил я; мне показалось, что это очень трогательно.

— Мы чтим собак, потому что они безгрешны и приносят реальную пользу, — сказала Тахмина.

Матфей захихикал, и мне стало стыдно за него.

— А почему собака плающая? — спросил я.

— Это неопалимая собака, которая загорелась от восторга, когда увидела Заратуштру, и горит до сих пор. А еще мы чтим ежей, — продолжала она, — они тоже безгрешны, но не приносят пользы человеку, однако было бы несправедливо не чтить их только за то, что они не находятся у человека в услужении...

Гита и Тали молчали и смотрели на нее как на вестницу из иного мира. Впрочем, так оно и было, ведь страна, из которой она прибыла к нам, была так далеко, что туда не попадали даже самые алчные и целеустремленные еврейские купцы.

Много месяцев пути по звездам, через мертвые пустыни и по горным тропам, вброд через реки, в постоянном ожидании нападения орд кочевников и бандитов...

Мы проговорили с ней весь вечер до глубокой ночи, но, к моему великому сожалению, она ушла спать не со мной, а в маленький красный шатер, установленный ее слугами.

С тех пор галилейские рыбаки поймали немало большой и маленькой рыбы, а нагая вершина горы Ермон не раз пряталась в облаках от порочных людских глаз; немало, наверное, с тех пор было совершено молебнов у алтарей кушанских собак, но я до сих пор со стыдом и грустью вспоминаю свое поражение, когда ночью прокрался к шатру Тахмины, а меня учтиво, но непреклонно остановил один из ее охранников. На следующий день она отправилась обратно в Кушанское царство.

ГЛАВА 34

Магдалина

Больных ко мне прибывало все больше, снадобья быстро кончались, и я иногда уходил довольно далеко от города собрать целебных растений. Эти утренние прогулки придавали мне душевных сил — зеленые холмы и пальмовые рощи к северу от Хоразина безлюдны и безмятежны, а за ними начинаются невозделанные земли, где все заросло тамариндами и дикой вишней, лесным орехом, терном, колючими кустами каперса и множеством благотворных трав.

Как-то раз, в полдень, я вернулся оттуда с мешком, набитым гиперцином, душицей, мятой и виталией, и за обедом узнал от сестер, что меня искал человек, показавшийся им недобрым и подозрительным. Выяснилось, что это был мастер артели каменщиков из Сепфориса, жену которого я спас, избавив от плода.

Он приехал в Хоразин, чтобы расквитаться со мной, считая, что я стал виновником гибели его ребенка. Не знаю, как именно каменотес хотел мстить. Сестры сказали, что он был один и без оружия. Впрочем, мог прятать нож в поясе или складках одежды. Он требовал впустить его в дом, но сестры его, ясное дело, не пустили. Некоторое время сидел у ворот, а потом направился к главному местному раввину и пожаловался на меня.

Остаток дня я провел в лекарской комнате, а сестрам велел отвечать всем, что меня нет дома.

Я опасался: каменотес мог сгоряча подослать какого-нибудь отчаянного человека, который бы на меня набросился. Но к вечеру он покинул город, и все вроде бы утихло.

Однако через несколько дней раввин созвал городской совет, на котором старейшины обсуждали, что же им делать «с этим Йесусом, прорицателем, астрологом и колдуном, который позорит наш богоспасаемый город». Они обратились к представителю римской администрации, а тот, не найдя в моих действиях преступлений, ответил: «Разбирайтесь сами в своих еврейских делах, а по законам империи наказывать его не за что».

Посещать синагогу Хоразина я не осмеливался — у местного раввина был крутой нрав, он служил когда-то десятником иудейского войска и не подпускал незнакомых проповедников к вверенной ему молельне. В связи с этим я считал, что нахожусь в безопасности, потому что никого в городе особенно не раздражал. Я не пускал себе кровь, не собирал толп, и никто из местных не умер после того, как наведался ко мне.

Точнее, я зашел в синагогу только однажды, хотелось посмотреть на нее внутри. Построенная из темного камня, просторная, с арочными сводами, она была больше кафарнаумской синагоги, а перед шкафом, в котором хранились священные свитки, стояло

каменное раввинское кресло с тонкой резьбой и подлокотниками в виде лап льва. Это кресло больше напоминало трон, и местный раввин, сидя в нем перед собравшимися, наверняка воображал себя маленьким царем.

Развалившись на этом Моисеевом сидалище, раввин настраивал жителей Хоразина против меня и добился успеха. Не знаю точно, что он говорил при этом и какие строки из Писания превратно трактовал, но отношение ко мне со стороны горожан ухудшилось.

К тому же Венедад из Гегесы наконец узнал, где я нахожусь, и прислал старейшинам Хоразина жалобу, объясняя, что в городе скрывается бесчестный должник. И требовал суда надо мной. Но отдавать алчному Венедаду его стиреры я все равно не торопился.

Меня одолевали нехорошие предчувствия, я стал плохо спать. Спасался тем, что больше времени проводил на озере в своей лодке, в которой читал, дремал и записывал свои наблюдения за рыбами и птицами. Это оказалось чрезвычайно интересным — я постигал законы мироздания не с помощью духовной работы, а через живую природу. К тому времени мне удалось собрать несколько серьезных книг, помогающих в этом: труды Аристотеля, Теофраста⁸⁵,

---

⁸⁵ Древнегреческий философ, естествоиспытатель, теоретик музыки.

Герофила⁸⁶... В частности, трактат Филолая Кротонского «О рыбах пресных вод», но, полагаю, этот автор больше преуспел в астрономии, чем в других областях, и про тайные установления звезд знал гораздо больше, чем про рыб и безмолвный мир, где они обитают. Впрочем, он утверждает, что солнце стекловидно и само отражает свет, исходящий от Гести⁸⁷, но это не кажется мне правдоподобным.

Труды Алкмеона⁸⁸ о живой материи более убедительны. Поразительно его описание структуры цыпленка внутри яйца, и я полностью согласен с его мнением, что источник познания находится в мозге человека, а не в сердце. Значит, у рыб тоже. Вряд ли они подплывали к лодке есть хлебные крошки, которые я бросал в воду, потому что чувствовали их сердцем, — у них, как и у людей, есть ноздри, чтобы уловить запах еды.

Я всегда хотел раздобыть что-то из сочинений Авла Корнелия Цельса, но не мог, списки его книг раскупались учеными людьми еще в Риме и не доходили до пределов Израиля. Я видел только фрагменты из них, которые мне показал один медик в Египте, и сразу понял, что Авл — великий целитель. Я даже

---

⁸⁶ Древнегреческий врач.

⁸⁷ В древнегреческой мифологии юная богиня семейного очага и жертвенного огня; у Кротона — Мать богов.

⁸⁸ Древнегреческий философ, врач и ученый.

хотел отправиться в Рим и стать на время его учеником. Я ждал, когда обстоятельства позволят это сделать. Он был в то время уже немолод, и я молился о здоровье Авла, чтобы он дожид до встречи со мной.

Я мог бы и сам, изучая живой мир, значительно усовершенствовать свое умение целителя, но...

Мне нужны были новые книги, и это можно было решить — послать за ними кого-то из учеников в Кесарию, где книги продаются в порту, или в Иерусалим, к торговцам свитками, которые держат в Нижнем городе несколько лавок, у них иногда можно найти что-то новое. Да, поблизости, в Тивериаде, была библиотека, устроенная книжником Иссахаром, но выяснилось, что туда могут приходить только раввины. Как это глупо! Впрочем, вряд ли Иссахар пополнял свое хранилище действительно ценными текстами.

Мне нужно было разрезать мертвецов, чтобы лучше знать, как устроено человеческое тело, — с целью изучить его структуру, а не для того, чтобы искать в нем знаки божественного присутствия, как это делают некоторые безумцы. Что ж, я мог договориться с лихими людьми, которые за деньги тайно приносили бы мне мертвецов с кладбища. Правда, надо было следить за тем, чтобы они не убивали для этого каких-нибудь беззащитных бродяг на дороге, ведь раскапывать могилу — трудоемкое дело.

А главное, мне нужен был покой, и добиться этого было сложнее всего — хоразинский раввин решил выкурить меня из города. Он заставлял жителей писать на меня жалобы в Тивериаду Антипе и в Иерусалим Синедриону, он приходил в дом Гиты и Тали, когда меня не было, и увещевал их выгнать меня. Правда, безрезультатно — сестры любили меня, потому что я научил их на старости лет радоваться жизни, и не хотели терять учителя.

Раввин непрестанно плел гибельную сеть.

Вдобавок ко всему этому к нам время от времени стали приходиться женщины, которых я лечил, и заявлять, что беременны от меня.

Жалоба каменотеса из Сепфориса стала последней каплей.

Беспокойство охватывало меня все больше, я и решил на время (максимум на месяц) уйти из Хоразина — подождать, пока все успокоится, а потом тихо вернуться.

Переселиться решено было в Магдалу.

Накануне Филипп сходил туда и сообщил, что познакомился с гончаром, у которого есть свободный дом, и что мы сможем пожить в этом доме за небольшую плату.

Покидая дом сестер, все свои врачебные инструменты я оставил на полках в комнате, где принимал больных. Также я оставил там немало своих книг: «О святой болезни»⁸⁹, «О глазах»⁹⁰, «Теории растений»⁹¹, «Астрономику»⁹²...

Я взял с собой только «Семя единорога», с этой книгой мне не хотелось расставаться. Да, к тому времени я знал ее наизусть, но иногда испытывал наслаждение от одного вида стройных рядов слов, расставленных в порядке более совершенном, чем лучники и гетайры⁹³ великого Александра⁹⁴.

Накануне вечером мы устроили прощальный ужин с Гитой и Тали, которые привыкли к нам и не хотели нас отпускать. Я успокаивал сестер, говоря, что мы скоро вернемся.

Лодка, купленная мной, осталась у причала Хоразина.

Ученики тоже покинули город налегке, оставив в доме сестер большинство своих вещей. Все наши пожитки поместилось на одном ослике.

⁸⁹ Автор — Гиппократ, древнегреческий врач и философ.

⁹⁰ Автор — Герофил.

⁹¹ Книга Аристотеля, которая считается утраченной.

⁹² Автор — Марк Манилий, римский астролог.

⁹³ Личные дружинники македонского царя, всадники.

⁹⁴ Александр Македонский, царь Македонии.

Уже выйдя из Хоразина, с вершины соседнего холма я посмотрел сквозь ветви эвкалипта на полосе голубой воды, окаймленную горами лилово-розового цвета, и мне стало так горько, будто бы я смотрел на Галилейское озеро в последний раз.

Мы не торопились, идя через Галилею, которую я так любил. Местами она похожа на зеленое море, застывшее в момент бури. Высоко в небе парили ястребы, в терновых придорожных кустах звучала вечная музыка цикад. То дикие непролазные заросли, то возделанные поля и сады. Голые скалы, нависающие над дорогой... Маленькие селения в дюжину домов из темного камня. Женщины с кувшинами на плечах у колодцев. Навстречу нам семенили в клубах пыли ослы с поклажей на боках и медленно шагали верблюды, сопровождаемые загорелыми дочерна погонщиками. Тени облаков плыли по долинам, как призраки армий, захватывавших эти плодородные места, которые созданы Всевышним будто в оправдание за то, что столько еврейской земли — это пустыня. Воины Ассирии, Египта и Вавилона приходили сюда, но где они теперь? Уйдут и римляне.

Мы пообедали и отдохнули в селении недалеко от Вифсаиды и к вечеру достигли Магдалы. Когда уже показались на возвышении ее белые, хаотически разбросанные дома, мы встретили толпу мужчин, которые стояли полукругом перед женщиной,

лежащей на земле, точнее — на глинистой почве, вытопанной скотиной. Рядом под пальмами был ручей, куда местные пастухи водили поить скот.

Мы оказались там в момент, когда решалась судьба этой женщины. Было очевидно: толпа вывела ее за стены города, чтобы казнить, закидав камнями. Среди собравшихся выделялся широкоплечий старый раввин в синей накидке с кисточками и в белоснежной головной повязке, который орал громче всех, распаляя народ:

— Смело побейте ее камнями до смерти, чтобы истребить зло от Израиля! Так было и так будет всегда!

— Мое имя Йесус! — крикнул я, подойдя ближе, надеясь, что они слышали обо мне. — Остановитесь! В чем виновата эта женщина?

— Хочешь присоединиться к развлечению? — усмехнулся высокий сутулый мужчина в черном балахоне; раздался всеобщий злобный смех. — Она проститутка! Она опозорила наш город! Мы хотим исполнить закон.

Я с учениками ничего не мог сделать с такой толпой, не мог остановить их силой, а вот они запросто могли убить нас, тем более что среди них было много пьяных — скорее всего, они отмечали

праздник, который был в тот день, и к вечеру винный дух стал требовать от них кровавую жертву.

Мне нужно было искать аргументы, как-то воздействовать на них словом. Меня переполняло отвращение от того, что делают эти бестолковые люди, многие из которых были неграмотны и не могли написать свое имя, но с торжествующей свирепостью стремились исполнить закон. Женщина неподвижно лежала на земле, поджав колени и закрыв лицо руками, спиной к ручью, и я подумал, что она выбрала правильную позу, которая смогла бы продлить ее жизнь на несколько минут или даже спасти, если бы кто-то остановил казнь: летящие из толпы камни не могли попасть ей в спину, а хребет — это самое уязвимое место. Спереди ее тело закрывали руки и ноги, перебитые кости которых могут срастись; хребет же не срастется никогда.

— У вас есть разрешение от римского администратора? Или от Антипы, вашего справедливого царя, да хранит его Господь? — спросил я, обращаясь к старику-раввину в синей накидке, но он демонстративно отвернулся, не желая снисходить до разговора со мной.

Раздались угрожающие крики:

— Ты что, предатель, Йесус? Пособник римлян? Мы не рабы Рима, мы соблюдаем только Моисеев закон!

— Пошел отсюда!

— Берите камни, благочестивые братья!

Некоторые из них подняли камни, но медлили — настроение толпы еще не достигло градуса, требуемого для священнодейственного убийства, однако в любую секунду могло достичь этой точки, и я лихорадочно решал, что делать, ведь летящие камни уже никто не смог бы остановить словами, разве только индийские учителя, достигшие вершин блаженства, но и в этом я не уверен.

— Учитель, давай уйдем, все это может плохо кончиться, мы не можем остановить все казни в Израиле, — прохрипел мне в ухо Матфей, дергая меня за рукав, но я не обратил на него внимания.

— А есть ли у нее муж? — спросил я спокойно, поочередно вглядываясь в их лица. — Может быть, это ты? Или ты?

— Еще чего!

— Кому нужна эта проститутка!

— Иди куда идешь, тебе говорят!

— Иасон, возьми камень потяжелее, твоим не убьешь и лягушку.

— Глупцы! — крикнул я. — Пророк Моисей повелел избивать камнями только тех женщин, которые изменили мужу. Как же вы исполните закон, если она не замужем?

— Она околдовала уважаемого человека, у которого есть жена и дети, — раздался голос надменного старого раввина. — Она вообще не из нашего города! И заслуживает смерти.

— Где этот человек? — спросил я.

— Его нет среди нас.

Я подумал, кем, интересно, является этот малодушный человек, и озвучил последний аргумент, пришедший мне на ум в ту минуту:

— Но ведь не силой она уложила его с собой в постель! А величием своей красоты! Так давайте гордиться тем, что эта прекрасная женщина вышла из дочерей Израилевых!

— Ты говоришь чепуху, Йесус!

— Пора кончать!

В этот момент я понял, что женщина обречена, и одновременно, как это бывает в момент отчаяния, соединенного с сильнейшим

напряжением ума и духа, ко мне пришло решение:

— Хорошо, но тогда я первым брошу в нее камень! — крикнул я, выпучив глаза, и захохотал. — Это будет камень позора! Это будет страшный предсмертный позор! А потом она умрет! Вот увидите!

Они остолбенели, и никто не пытался остановить меня. Все зачарованно смотрели, как я подбежал к этой женщине, пнул ее сандалией в бок и крикнул:

— Встань на четвереньки, проклятая шлюха!

Она мгновенно повиновалась. Я задрал ее одежду, опустился на колени, высвободил свой зайин, который к этому времени уже был твердым, и начал торопливо совокупляться с ней. Я должен был спешить, пока кто-нибудь в толпе не сообразил, что к чему, и не оттащил меня. Я держал женщину за шею, пригнув к земле ее голову с пышными вьющимися волосами, которые разметались в пыли.

— Что вы стоите?! — раздался голос старика, который первым пришел в себя от увиденного. — Этот человек блудодей, надо избить и его!

Но эти люди уже не спешили сделать то, что намеревались, — они хотели досмотреть эротическую

трагедию до конца, а потом уже покончить и с женщиной, и, возможно, со мной.

По моему лицу струился пот, заливая глаза, я хотел извергнуть семя как можно скорее, но никак не получалось. Я взглянул на толпу и сквозь пелену увидел, что передо мной замерло стадо: вместо ног были копыта, а вместо одежд — волосатые туши. Я слышал не голоса, а похотливое мычание.

Кто-то в толпе разжал ладонь и уронил на землю свой камень — и мне показалось, что этот камень упал с неба.

Женщина невольно стала двигаться мне навстречу, насаживаясь на мой зайин, и в этот момент я наконец исторг в нее семя. Я торжествовал — это была победа, достойная Гедеона⁹⁵.

Я встал и помог подняться женщине. Она дрожала от страха и возбуждения, ожидая смерти, но я знал, что в этот момент она родилась вновь. Я добился того, чего хотел.

— Мое семя в ней! — крикнул я. — Теперь вы не можете убить ее. Убив ее, вы убьете ее ребенка, и всех вас отдадут под суд.

---

⁹⁵ Ветхозаветный полководец.

Кто-то кинулся ко мне со словами «ах ты месит⁹⁶ проклятый!» и хотел ударить, но Андрей оттолкнул его, этот человек упал, и толпа сразу угомонилась, как будто неистовый дух, управлявший ею, отлетел прочь.

Я заметил, что молодой мужчина, которого называли Иасоном, стоял зачарованный, с камнем в руке и приоткрытым ртом.

Первыми ушли те, кто был старше, а затем вся толпа двинулась к городу, как будто тот, кто подначивал ее к убийству, потерял сознание или уснул.

Ученики громко радовались этой развязке, а особенно Матфей, который устал за день и скорее хотел отдохнуть в городе.

Я взял женщину за подбородок и повернул к себе ее лицо, чтобы рассмотреть.

У нее было длинное и узкое смуглое лицо с тонким носом. Темно-синие глаза. На щеках и лбу кровоточили ссадины — ее уже успели поколотить, пока вели из города. На мочке правого уха тоже была кровь — кто-то вырвал из него серьгу. Слева серьга была на месте — серебряная, с зелеными камнями. На шее виднелась бледная борозда старого шрама.

---

⁹⁶ Обманщик, совратитель (ивр.).

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Мария.

— Так зовут мою мать, мне не нравится это имя. Лучше я буду звать тебя Магдалиной, поскольку ты заново родилась возле этого города.

— Как тебе угодно.

— Я учитель и медик, а это мои ученики. Хочешь присоединиться к нам?

— С удовольствием... Зря я притащилась в Магдалу... Мне не советовали сюда ходить... Но ведь надо было заработать... А из Тиверии меня накануне изгнали.

— Меня тоже отовсюду гонят, по нашим временам это признак того, что мы всё делаем правильно, — сказал я.

— Этот гнусный юнец оторвал мне серьгу... — пожаловалась она, ощупывая ухо.

— Я подарю тебе пару новых, — пообещал я.

— А ты был хорош... — Мария улыбнулась. — Мне понравилось, как ты это сделал... Ты настоящий жебец.

Садилось солнце, подул ветер, над нами сухо зашелестели вершины пальм, и белая пыль поднялась над дорогой, по которой разгневанные и неудовлетворенные мужчины вернулись в свой город. Умирал яростный день, каменистая земля теряла накопленный жар, деревья и кусты вокруг занимали все меньше места, лишаясь теней.

В Магдалу мы не пошли. Это было опасно. Переночевали в отдалении от города, в саду, под небом, где я совокупился с Марией снова, но уже неторопливо, растягивая наслаждение, упиваясь ее телом. Я понял, что встретил женщину, которая могла всецело удовлетворить меня: я любовался каждым ее движением, она возбуждала меня вновь и вновь, и порой я удивлялся, откуда у меня берутся силы для столь частых соитий.

Мария плохо помнила своих родителей, которые погибли от рук римлян во время подавления восстания какого-то очередного последователя Иехуды бен-Хизкии⁹⁷. Она рассказала, что выросла в Гамле, в семье тетки, которая ненавидела свою маленькую племянницу, потому что чувствовала, что эта нежная девочка таила в себе угли, которые должны были превратиться в пожар. В тринадцать

---

⁹⁷ Известен как Иуда Галилеянин, повстанец, воевавший против Рима.

лет Мария отдалась мужу своей тетки и на следующий день сбежала из дома, хотя он уже строил планы на то, как будет втайне от жены наслаждаться ее юным телом.

С тех пор Мария бродила по дорогам Израиля, предлагая себя каждому желающему. Ни дня в жизни она не работала, но всегда имела деньги, знала десятки способов спасти себя от беременности, у нее был прекрасно подвешен язык, и она умела возбудить даже самого упорного анахорета. При этом она получала от плотской любви перевозданную радость, каждое соитие было для нее минутами истинного бытия. Она знала в этом толк.

Мария перепробовала тысячи мужчин, и сладкоистомный Эрос благословлял ее путь.

Некоторые ревнивцы убивали себя, когда она уходила от них к другим. Некоторые лишались рассудка или становились отчаянно благочестивыми. Мальчики, которых она растляла, звали ее в жены.

Она могла притвориться невинной и заставить мстить за себя.

Из-за нее резали глотки в придорожных тавернах.

С ней делили награбленное.

Временами она вела за собой шайки разбойников подобно путеводной звезде, заражая их своим ликующим распутством, и в конечном итоге все погибали, а она находила способ спастись. Ее друзья висели на крестах, в петлях и валялись забитые до смерти напротив стен Йодфата, а она уже танцевала с бубном в соседнем городе, в доме какого-нибудь уважаемого человека, путившегося в загул.

Призраки следовали за ней вместе с живыми — и это была торжественная процессия.

Жены и матери очарованных ею мужчин проклинали ее — писали имя Мария на горшке и разбивали этот горшок, лепили из теста кукол, похожих на нее, и жгли их в очаге; раввины призывали небеса обрушить на ее голову осколок тьмы, сгущенной до состояния камня. Но все это было бессмысленно — она не верила в проклятия.

В Тире за тридцать драхм она совокуплялась с козлом перед пирующими эллинами. Она была вакханкой, исполненной Божьего рвения.

Несколько раз ее избивали до полусмерти. Однажды где-то за Иорданом Марию по шею закопали в песок и оставили умирать, но ее выкопали кочевники, проходившие мимо. Она сбежала от них и соблазнила в пустыне знаменитого отшельника-исихаста по имени Захария.

Я понял, что она была почти бессмертной, и это еще сильнее воодушевляло и возбуждало меня. Каждый раз, когда смерть проходила мимо, она смеялась над ней. Она презирала любую власть и ни во что не ставила ни тетрархов, ни великих раввинов, но всегда готова была полностью подчиниться своему сиюминутному любовнику, пусть даже это был раб с клеймом F⁹⁸ на лбу, и выполнить любую его прихоть. Мария любила, когда во время соития ей причиняли боль — это распалило ее.

Поселившись в Ашкелоне, она стала самой известной портовой шлюхой и была для мореходов опаснее пелориадской сирены, потому что обирала их до нитки. Никто не мог устоять перед Марией, когда она появлялась на прибрежной улице в белой тунике с пышной оборкой цвета гиацинта, надушенная, с набеленным лицом и с глазами, подведенными сурьмой и соком шафрана. В конце концов, ее уличили в том, что она помогла организовать похищение нескольких юных жительниц города, которых эллины заманили на корабль, увезли и продали в рабство, и городской совет постановил утопить Марию в свинцовом ящике в двадцати пяти стадиях от берега. Для этого был снаряжен корабль, Марию заключили в тюрьму, но ее любовник подкупил стражу, и она сбежала.

---

⁹⁸ Первая буква латинского слова *Fugitivus* — «беглый». Выжигалась на лбу рабам, которые пытались бежать.

Побывав после этого в Иерусалиме, Фасаилиде и Тиверии, она оказалась в Магдале, городе, жители которого не смогли оценить масштаба ее искусства и воспользоваться им.

Я сразу разглядел в ней божественное дерзновение. Она творила дела любви на самой первой и грязной стадии великого делания, и я уверен, что на основе ее эротического опыта можно создать стройную и совершенную систему знаний, новую философскую школу, которая через великое наслаждение и падение откроет людям золотой свет Иного.

Мария видела то, что скрыто. *Scintilla voluptatis*⁹⁹ озаряла пространство вокруг нее.

Мы с ней были похожи. И я понимал, что бессмысленно ждать от нее благодарности за спасение — в любую минуту она могла исчезнуть, как змейка среди каменных глыб. То, что я спас Марию, уже не имело для нее никакого значения. И это было справедливо.

---

⁹⁹ Искра вождления (лат.).

ГЛАВА 35

Восхождение

Несколько месяцев мы бродили по Галилее, были в Гисхале и Завулоне, ходили в Перею за Иордан, и почти везде нас встречали с восторгом. Я чувствовал прилив сил и даже исцелил нескольких прокаженных, а это было сложнее всего, для этого требовалась огромная энергия, но я ощущал, как она вибрирует на кончиках моих пальцев. Из предосторожности мы не посещали Кафарнаум, Тиверию и Гергесу, потому что в первом городе был суровый префект, во втором — резиденция тетрарха, а в третьем — торговец Венедад, который, по слухам, грозил при встрече задушить меня, если я не верну ему долг.

Я снимал проклятия, мог исцелить от столбняка и заложенности носа, принимал роды, а также производил отторжение плода с помощью трав и пессария, если это было необходимо.

Вместе с нами вновь ходила толпа, и у нас вновь появилось много доступных женщин. Одна из них, которую я знал когда-то, привела с собой десятилетнего мальчика и сказала, что он мой сын, но я посоветовался с учениками, и мы пришли к выводу, что женщина лжет — ребенок был рыжим, притом что мать, как и я, имела темные волосы. Это был не первый случай, когда меня хотели сделать отцом с помощью лжи.

Я видел людей насквозь, улавливал их мысли. Может быть, просто сказывался опыт ведения

бесед, да и мысли какого-нибудь сельского дубильщика кож, пришедшего за советом, угадать было несложно. Как всегда, люди часто хотели испросить у меня какое-то благословение: на брак, переезд или торговую сделку, и, если человек не выглядел больным, я мог сразу, пока еще он только приближался ко мне, сказать: «Знаю, зачем пришел, и благословляю тебя!» Часто этого хватало — у меня сразу появлялся последователь, который возвращался домой и свидетельствовал об учителе, считая это своей святой обязанностью.

Да, чтобы считаться прозорливым, совсем не обязательно искать в горах древний алтарь Баала и приносить на нем в жертву отрока, гадая о неизвестном по его внутренностям. Достаточно натренировать ум.

Люди хотели знамений и получали их. Помню, однажды во время ночевки в поле я заставил небесного тельца явиться перед нами. Горели костры, было выпито много вина и сикеры, я встал и крикнул, обращаясь к небу:

— Сойди и воздень нас на рожки луны, о тучный многозвездный телец!

Луна качнулась, вскрикнули женщины, я не удержался на ногах и упал в траву лицом,

чувствуя, как моего затылка коснулось ледяное металлическое копыто божества, и это наполнило мою душу неизъяснимым восторгом — я общился к небу, к звериным тайнам ночных светил.

Я учил людей радоваться жизни. Никакой скорби, никакого самоуничижения! Прошло время печальных псалмов, которые Давид сочинял в пустыне, я знал, как наполнить духом бессмертия каждое сердце.

— Легче повиноваться правилам, доставшимся нам от предков как мешок с проклятиями, нежели уразуметь волю Божию! — говорил я людям, стоя на ступенях синагоги в Завулоне. — Научитесь слушать себя, ибо Бог живет в каждом из вас! Времена исполнились! Не бойтесь своих желаний! Не отвергайте себя! Истинно говорю! Внимайте мне! Не позволяйте силам зла и забвения запутать ваши души в сети жалких обязанностей! И свет не вечерний воссияет над вами!

Местный раввин попытался было прогнать меня, но ему не позволили этого сделать.

— Мои слова — это свет! — вдохновенно продолжал я. — И я люблю каждого! Всех люблю! Как солнце размягчает воск, а глину делает твердой не само от себя, но в силу различия вещества воска

и глины, так глиняные сердца ожесточаются против меня. Будьте же как воск! И воздастся вам, родные мои!

Люди оберегали меня, и мир перестал быть для меня враждебным лагерем. В некоторых селениях жители бросали мне под ноги ветви олив и расстилали передо мной одежды, встречая меня песнями и славословиями. В киперовом венце я возлежал на самых почетных застольных ложах, возглавлял званые обеды, меня вновь стали пускать проповедовать в синагоги, и я мечтал сделать Храм своей трибуной, с которой наконец зазвучит слово, противоречащее смерти. От моего плевка сходил лишай, а наложением руки я избавлял от горячки, и не было сомнений в том, что в моей помощи нуждался весь еврейский народ, а Храм без меня был подобен беленой гробнице, наполненной мертвыми костями. Я должен был вдохнуть в него жизнь.

Казалось, стоит мне произнести одно слово, и воды Иордана потекут вспять.

Я был всеукротителем и хитрым затейником, имеющим ключи от сердец и небольших городов. Иной раз отъявленные негодяи и душегубы склоняли передо мной головы, в знак раскаяния отдавая мне серебро, которое еще не было как следует отмыто от крови.

И это было благо. Еще мой первый учитель Никандрос говорил, что Бог в первую очередь печется о тех, кто доблестно взыскует мудрости, и лишь во вторую очередь — о тех, кто не совершает преступлений и не замечен в несправедливости.

Я снова пускал свою кровь и поил ею собравшихся, но уже разбавлял водой, чтобы хватало всем; да и сама кровь стала сильнее и действовала даже при слабой концентрации.

У одного человека отнялась рука, а ушел он от меня владея ею.

В каком-то селении недалеко от Иотапаты ко мне привели мужчину, и я вылечил его от недуга, который заключался в том, что он никогда не умолкал, повторяя одно и то же. Я возложил печать на его уста, и он умолк — к неопишуемой радости его близких. Заклятие должно было действовать в течение года.

А еще в экстазе я однажды сделал так, что пустой горшок наполнился вареными бобами, и сам не понял, как именно это произошло. Настоящее чудо столь же мимолетно и неотвратимо, как катастрофа, его невозможно правдоподобно описать, найдя все причины, но избежать — тоже нельзя, оно нисходит на твою голову, как неумолимый и вечный свет.

Что-то изменилось в природе мира, и у меня получалось все, за что бы я ни брался.

Небо приблизилось ко мне настолько, что я мог ткнуть в него посохом.

Даже звери чувствовали это — злые сторожевые псы лизали мне руки, а голуби опасались гадить, пока сидели на моем плече. Наверное, я даже смог бы заставить крокодила перевезти меня с одного берега реки на другой, но проверить это не мог — в Галилее нет крокодилов.

Конечно, не все преклонялись передо мной, но насмешки, пререкания и презрительные замечания некоторых раздраженных и ни во что не верящих людей лишь придавали мне сил. Иногда к встречающей меня толпе примешивались фарисеи, для которых радость народа от лицезрения своего учителя была горше полыни. Но я был пламенем, которое горело от любых слов — и похвала, и площадная ругань служили одной цели. Вещество слов придавало мне сил. Я смотрел на свою жизнь как на фрагменты текста, которые удалось очистить от всего мирского, — их можно было передвигать, дописывать и менять местами до тех пор, пока не будет создана совершеннейшая из судеб человека, и тогда (уже скоро, казалось мне!), как предрек Исайя, возвеселились бы пустыня и сухая земля, возрадовалась бы страна и расцвела, как нарцисс.

Учеников тоже окутала любовь народа, а перед Магдалиной преклонялись все женщины: однажды она ненадолго оставила нас, чтобы навестить подругу в каком-то селении недалеко от горы Мерон, и люди усыпали лепестками цветов землю у ворот, через которые она въехала туда на осле.

— Осанна, Мария! — кричали ей. — Благословенна ты, грядущая во имя Йесуса Нацеретянина!

Она с гордостью вспоминала это, ей нравилось, что женщины и мужчины падали перед ней на колени и целовали ее руки, пахнущие нардом и корицей. Да, все это происходило от моего имени, и Магдалина была женской ипостасью мессии.

Впрочем, это не мешало ей становиться мужчиной с женщинами во время любовных утех.

В те дни я увидел в небесах знак «действуй!» и решил, что смогу свободно проповедовать в Иерусалиме. Я захотел войти победителем в этот город.

Я чувствовал, что мой дар ратора значительно усилился, я готов был сразиться в споре со всем Синедрионом сразу. Мне казалось, что прошло то время, когда мне следовало прятаться. Я хотел служить истине в ином масштабе — вместе с царем и римской властью. Я знал, что надо делать, как реформировать

законы, как уладить конфликты между саддукеями и фарисеями, как доказать Риму, что люди Израиля могут быть и самодостаточны, и разумны. Я даже знал, как следует перестроить иерусалимский водопровод, чтобы экономить питьевую воду! Я знал, как наладить и развивать торговлю между городами Израиля и другими народами, как изменить систему налогов... В конце концов, если бы можно было продавать куда-нибудь в Аравию тысячи ритуальных тельцов, козлов и агнцев, вместо того чтобы приносить их в жертву в Храме... И раздать эти деньги нуждающимся! Лечить больных! Кормить бедных! И сделать так, чтобы хотя бы в Иерусалиме не осталось несчастных людей. Хотя бы один город сделать идеальным... Открыть дома-лечебницы и школы, где дети бедных будут учиться бесплатно. Запретить телесные наказания для рабов и отменить мучительные виды казней... Главное — найти новый язык общения с Римом. А в домах-лечебницах собрать ученых, которые будут ставить эксперименты в поисках новых лекарств...

Ученики не разделяли моего пыла. Симон активнее всех отговаривал меня от похода в Иерусалим. Андрей и Филипп поддакивали ему. Иуда молчал. Матфей многозначительно ухмылялся и что-то записывал, как всегда, и я понимал, что этот его труд — лишь искусственный мир, очень далекий от правды, хотя героем там являюсь я. Магдалина и еще три женщины, бывшие к тому времени

с нами, не принимали участия в обсуждении планов. Одна из них, совсем юная египтянка Никтимена, плохо говорила по-еврейски, но была очень красива. Она пришла из Египта с отцом, у которого были торговые дела в Палестине. Они должны были вернуться домой, но отец внезапно умер от какой-то болезни, и Никтимена, не имея возможности попасть в родной город, прислуживала на постоялом дворе, хозяин которого, старый еврей, ее растлил. Она сбежала от него, приблизилась к нам. Признаюсь, она была очаровательна: изящная, как тростинка, с шелковой темной кожей и вполне взрослыми упругими грудями. Из ее больших темных глаз на тебя смотрела сама царица звезд Нут¹⁰⁰. Она подружилась с Магдалиной, которая заботилась о ней, как родная мать.

— Не бойтесь идти в Иерусалим, — говорил я ученикам. — Когда ветвь смоковницы становится мягкой и пускает листья, вы знаете, что близко лето, а когда люди всюду радуются нам, верят и безропотно открывают двери домов — значит, близится наше великое торжество. Испейте эту чашу до дна и на дне ее найдете золото!

В глубине души мне хотелось скорее вернуться в Хоразин, в дом Гиты и Тали, я надеялся, что недовольство мной в городе утихло и его жители

---

¹⁰⁰ Древнеегипетская богиня неба.

направили свое раздражение на что-то иное, например на новый закон, согласно которому алавастровый бюст Тиберия следовало установить перед каждой синагогой. Я надеялся продолжить работать в комнате, где остались мои книги и врачебные инструменты, но не знал, как сестры встретят Магдалину. Поладят ли с ней? Прогнать ее я не мог — я очень сильно привязался к ее телу, и каждый коитус с ней был для меня праздником: в комнате на мягком ложе, в терме среди клубов пара, возле костра на лугу под звездами. Но больше всего мне хотелось совокупляться с Марией прилюдно на голой каменистой земле, как это случилось в первый раз, когда ее прекрасные вьющиеся волосы разметались в пыли.

Приближался Песах.

Решено было идти в Иерусалим.

ГЛАВА 36

Лазарь

По дороге в Иерусалим мы зашли в Вифанию и по просьбе Магдалины решили посетить дом человека по имени Лазарь. Магдалина хотела увидеть его. Она сказала, что когда-то Лазарь приютил ее у себя и очень ей помог — кажется, выкупил у служителей правосудия. Я не сомневался, что между ними была связь, и ревновал Магдалину, но согласился навестить этого Лазаря, чтобы не потакать своему чувству собственности — оно, как и мелочность, жадность и мстительность, сильно мешает, если ты дерзнул примерить сандалии с крылышками мессии.

В тот день за нами следовало десятка два человек. В основном, как всегда, это были бездельники, ищущие, чем под шумок поживиться: нищие, рабы, полоумные женщины, калеки и бездомные дети. Население Вифании с подозрением смотрело на нашу процессию.

Дом Лазаря находился в центре города на главной улице. Это была небольшая вилла, декорированная с изяществом, не свойственным провинции, как сказал бы какой-нибудь заезжий италиец. Мы зашли во двор, а толпа осталась у ворот снаружи — Симон пригрозил нашей грязной свите, что отрежет ножом ухо каждому, кто сунется в дом. Он поступил правильно, эти люди могли за несколько минут разворовать и загадить любое жилище.

Встречая нас, из дома вышла, в сопровождении подруг, жена Лазаря — немолодая женщина, сохранившая остатки былой привлекательности. Лицо ее было опухшим от слез. Она больше походила на римлянку, чем на еврейку. Ее звали Марфа. Она с нескрываемым презрением посмотрела на Магдалину. Оказалось, что Лазарь умер три дня назад и его тело все еще лежало в доме. Марфа так любила его, что даже мертвого не хотела отпускать от себя как можно дольше.

Мне понравился дом Лазаря. Подходя к нему, я уже вообразил, как мы все хорошенько пообедаем и отдохнем в чистых удобных комнатах, а потом я буду проповедовать для приличных людей Вифании, и поэтому был весьма огорчен тем, что Лазарь умер. Его жене было явно не до нас, хотя Магдалина не смутилась и начала восторженно тараторить Марфе, что привела к ней великого учителя и что это следует почесть за большое счастье.

Чтобы попасть в дом, мне надо было действовать решительно и чем-то удивить Марфу. Но чем? И я решил подарить ей надежду, благо это у меня получалось даже лучше, чем вправлять кости.

— Воскреснет муж твой! — сказал я и посмотрел ей в глаза.

К тому времени я научился смотреть на людей так, что они покорялись мне. Это было непросто, я напрягал все душевные силы, сам начинал верить в то, что говорю, и ложь обретала статус пророчества. В такие моменты все, что люди знали о мире, все эти соломенные истины, уничтожал огонь, поблескивавший в моих глазах.

— В судный час все воскреснут, — спокойно ответила Марфа, не торопясь приглашать меня для продолжения беседы в дом, — она оказалась не так уж и податлива.

Все взгляды обратились ко мне. За забором шумела толпа. Из кустов выбежал черный котенок.

— Уголек, малыш, вот ты где! — сказала Марфа и взяла его на руки. — Уже третий день бродит где-то, бедненький, проголодался, наверно?..

Я мог уйти, но это бросило бы тень на мою репутацию. Что за учитель, которого даже не пустили в дом? А слухи разлетаются быстро...

— Марфа, я верну жизнь твоему мужу! — громко сказал я.

— Зачем ты смеешься надо мной?! — воскликнула Марфа. — Я же теперь вдова... А его тело уже начало пахнуть... Мы с Лазарем так хорошо жили,

мы всё обсуждали с ним, и он столько для меня сделал... Он был такой добрый... Такого больше нет на всем свете! Понимаешь? — И она разрыдалась, закрыв лицо краем темного платка. Котенок высвободился из ее объятий и прыгнул на землю. Подруги стали обнимать и утешать ее, с недовольством поглядывая на меня.

— Покажи мне его, Марфа, — сказал я строго.

Лазарь лежал на низком деревянном одре, устеленном циновками. Тело разлагалось и воняло, и Магдалина, зажав нос, тут же выскочила из комнаты. Воскресить его не мог никто, даже Господь, который не так глуп, чтобы отменять созданный Им Самим закон смерти. Но я собирался сделать кое-что иное. И на это должно было хватить моих знаний и сил.

Я долго стоял и вглядывался в лицо покойника, стараясь запомнить его черты.

Тело Лазаря было подобно жертве на алтаре, но эта жертва почему-то не принималась — огонь не сходил с неба, чтобы съесть ее.

Ученики, Магдалина и несколько самых близких нам молодых женщин расселись под деревьями в саду, примыкающем к дому. Марфа с подругами принесла им перекусить.

Я уговорил Марфу отправить всех ее подруг по домам и не заходить в комнату, где буду работать с телом. Видно было, что Марфа не вполне верила мне, а выполняла мои указания, только чтобы занять себя чем-то и этими действиями отвлечься, притупить боль от смерти любимого мужа.

Я дал Марфе выпить сильное снотворное снадобье, и она ушла в комнату на втором этаже.

Немного подождав, когда она глубже погрузится в сон, я приказал ученикам раздеть Лазаря, вынести в сад и закопать под смоковницей. С помощью заступов, найденных среди хозяйского скарба, они сделали это. Ученики торопились, и могила получилась неглубокой. Тело могли найти собаки, но у Лазаря и Марфы, к счастью, не было собак, а территорию дома с обширным садом окружал высокий каменный забор, надежно скрывавший все от любопытных глаз.

Затем я взял заступ и стал бродить по саду, копая и разглядывая землю в разных местах. Повсюду была рыхлая коричневая почва, благоприятная для плодовых деревьев, но мне она не подходила. Кое-где был песок с камнями, тоже бесполезный. Наконец в дальнем южном углу сада возле ручья я отыскал немного красной глины. Она-то мне и была нужна.

Я велел ученикам взять носилки, накопать четыре ефы глины и принести в комнату вместе с большим сосудом воды, а сам нарубил в саду достаточное количество тонких ветвей. Матвей спросил, не горшки ли я собрался лепить. Я ответил ему, что для обжига моих горшков еще не построена великая печь. Матфей умолк.

Я отправил Иуду на рынок купить семь отрезов белой ткани, семь голубей и куриное яйцо. Велел ему спешить, пока Марфа не проснулась и ей не вздумалось прийти посмотреть, как идет процесс возвращения ее мужа к жизни.

С помощью ветвей и найденной в доме веревки я сделал чучело в рост человека, поместил его на ложе и начал обмазывать смешанной с водой глиной. Я торопился. Матфей помогал.

Иуда принес то, что я просил: ткань была добротной, голуби ворковали в плетеной клетке. Яиц он купил десяток, потому что поштучно их в городе не продавали.

Одно яйцо я замуровал в голову куклы.

Иуда и Матфей сделали кукле пальцы рук и ног. Я вылепил лицо: рот, скулы и все остальное, получилось вполне правдоподобно. Но с глазами возникла трудность, они не должны были быть пустыми.

Несколько минут я думал, что делать, затем взял у Матфея две лепты и вдавил их в глиняные глазницы. Зеленоватый блеск меди меня вполне устроил.

Затем я вылепил кукле увесистый зайин. На всякий случай я сразу сделал его возбужденным, ведь глиняный зайин не способен встать сам, а лишать свое творение такой важной функции я не хотел.

После этого костяной иглой я уколол свой безымянный палец на левой руке и выдавил каплю крови в рот кукле.

Известно, что если хочешь создать человекоподобное существо, прежде всего надо вдохнуть в него страсти, но как именно это осуществить — creator¹⁰¹ выбирает сам, исходя из ситуации, предназначения куклы и доступных материалов. Я решил сделать так, чтобы моя кукла пропиталась страстями, была запеленута в них. Семь — минимальное количество страстей, с которыми существо похоже на человека. Поэтому я разложил на полу семь отрезков ткани и вынул первого голубя из клетки. Держа голубя правой рукой, левой я резким движением оторвал ему голову и брызнувшей из тельца птицы струей крови написал на первом куске ткани:

равнодушие

---

¹⁰¹ Создатель (лат.).

Умерщвляя одну птицу за другой, я начертил на оставшихся отрезках материи еще шесть формул:

глупость

тщеславие

невежливость

скорбь малая

скорбь большая

тупое упрямство

При помощи Иуды и Матфея я обмотал глиняное тело этими кусками ткани.

Осталось только сделать кукле бороду. У Лазаря она была светлой. Я снова послал Иуду в город найти где-нибудь пакли. Он убежал, вскоре вернулся с паклей, и у куклы появилась достоверная борода. Лазарь был лысым, поэтому имитировать волосы на голове не потребовалось.

Завернутый в кровавые тряпки и готовый восстать к жизни, глиняный Лазарь лежал перед нами. Капля моей крови должна была в десятки раз усилить птичью кровь и, соответственно, мощь страстей.

Мы облачили куклу в одежду, оставшуюся от Лазаря.

Новый Лазарь был слеплен и одет, и оставалось главное: я должен был прочесть над глиняным телом заговор, чтобы духи земли вселились в него и заставили двигаться. Я очень надеялся, что у меня это получится, и жалел, что раньше никогда не тренировался в этом деле. Методику я узнал из подлинной рукописи великого ученого Абрама Эмалинейского, которая однажды попала ко мне в руки, когда я гостил в Киренаике у одного просвещенного халдея. Я просил его продать мне эти свитки, он отказался, но я, благодаря хорошей памяти, дословно запомнил все почти целиком.

Стоя у изголовья ложа, я начертил костяной иглой на глиняном лбу куклы слово «эмет»¹⁰² и произнес нараспев:

— Кипучие духи вулканической почвы! Во имя чужих страданий утоляю вашу жажду воплощения! Войдите в это сладкое тело! Растворитесь в нем, как соли в воде! Пусть легионы огней станут одним огнем! Вас ждет живое яйцо и кровь мужчины! Выходите сквозь скорлупу земли! Бушуйте, вибрируйте! Силой мучений проклятых! Светозарная ярость! Вибрируйте!

---

¹⁰² Истина (ивр.).

Кукла начала шевелиться, но это выглядело так, будто кто-то невидимый дергал за незримые нити, проверяя, работает ли нога, рука, поворачивается ли голова. Из горла глиняного Лазаря вырвался первый звук — что-то булькнуло, и немного серой жижи стекло по его красной щеке.

Заклинание действовало! Я вскрикнул от радости, ведь мне удалось оживить куклу с первого раза, но Иуда побледнел и попятился к выходу, а Матфей охнул и взялся за сердце. Меня это повеселило.

Но кукла пока еще была нема и подобна глиняной табличке, на которую предстояло нанести слова с помощью вибрации моего голоса. Требовалась тишина, чтобы кукла не запомнила случайные ненужные звуки. Я сказал Иуде и Матфею, чтобы они пошли в сад и сидели там тихо со всеми остальными.

Оставшись один, я произнес формулу «*Ab ovo audī meī*»¹⁰³, с которой следовало начать этот процесс, а затем стал медленно говорить, понизив голос:

— Я Лазарь... Это чудо... Истинно говорю вам!..

Кукла беззвучно шевелила губами, повторяя за мной. Это означало, что слова запечатлевались в структуре глины.

---

¹⁰³ От начала (дословно: от яйца) слушай меня (лат.).

— Приветствую вас... Да будут дни ваши долги и счастливыми... Окропите меня водой... Возлюбите Господа... Анафема, — диктовал я.

Когда я заканчивал произносить наиболее любимые мной цитаты из Торы, в комнату зашла Магдалина, села у моих ног и прошептала:

— Йесус, я хочу тебя.

— Уйди, бестия, не сейчас, — ответил я тихо, чтобы не услышал глиняный Лазарь. — Твоя похоть безмерна... Тише...

Состроив обиженную гримасу, Магдалина удалилась.

— Жаждущие, идите и всё берите без платы! — продолжал я, произнося замечательные слова пророка Исайи. — Идите и берите без серебра и платы вино и молоко!

А еще добавил угрозу, которую так полюбили все новоявленные пророки Израиля, даже самые бездарные:

— Внемлите! Падут стены Иерусалима!

Вдобавок к этому я научил его нескольким фразам, которые должны были укрепить мой авторитет:

«Кто не верит Йесусу, лучше бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» и «Оставьте свое имущество, ибо первые станут последними, а последние первыми, как сказал Йесус Нацеретянин».

Я чувствовал себя отцом, который учит ребенка первым словам, поэтому добавил к скромному вокабуляриуму куклы: «Я люблю тебя, отец мой».

Наконец я повелительно сказал:

— Лазарь, встань и иди!

Он приподнялся и сел. Я накинул ему на голову капюшон. Напялил ему на ноги сандалии.

К этому моменту за воротами дома собралась огромная толпа из жителей Вифании, среди них я увидел раввинов и даже несколько солдат. Ситуация была опасной — меня могли обвинить в чем-нибудь. Следовало скорее выпускать куклу к народу.

Лазарь встал и направился к выходу медленными неуклюжими шагами. Откуда-то выбежал черный котенок и стал играть с полкой его одежды, но слепой и бесчувственный Лазарь наступил на него. Котенок отчаянно взвизгнул и маленькой черной тенью метнулся на улицу.

Лазарь вышел следом за ним.

Бороду из пакли и медный взгляд скрывала тень глубокого капюшона, к тому же Лазарь скорбно сутулился, пряча лицо, и поэтому был вполне человекоподобен.

Ученики, Магдалина и другие наши женщины стояли возле дома рядом с Марфой, которая, увидев куклу, тут же потеряла сознание — осела на землю, и Андрей едва успел подхватить ее, чтобы она не ударилась головой. Все застыли в изумлении.

Не обращая на них внимания, Лазарь направился к воротам, а я поднялся по лестнице на крышу дома, чтобы лучше было видно происходящее.

Глиняный Лазарь открыл ворота, точнее — толкнул руками так сильно, что сломал засов. Толпа, увидев его, в ужасе расступилась.

— Слава Иисусу! — донесся его голос, будто исходящий из недр земли. — Я Лазарь! Падут стены Иерусалима! Идите и берите без серебра и платы вино и молоко!

Вечерело; тяжелыми шагами Лазарь двигался сквозь толпу, отбрасывая длинную тень, еще более

невообразимую, чем он сам. Меня переполнял восторг, я чувствовал себя создателем новой жизни, пусть и бездушной, но — жизни! В конце концов, согласно Аристотелю, живо все, что имеет форму.

— Йесус, я хочу тебя! Уйди, бестия! Не сейчас! Твоя похоть безмерна! — продолжал исторгать слова Лазарь, и я удивился мощи его глиняной глотки. — Тише! Падут стены Иерусалима! Анафема!

— Лазарь воскрес и стал пророком! — крикнул кто-то.

— Кто не верит Йесусу... мельничный жернов на шею! — гремел Лазарь на всю улицу. — Истинно говорю вам!

— Он разрешил нам брать вино бесплатно, — раздался еще один голос. — Идемте к торговым рядам! Лазарь, веди нас!

Поднялся шум, и толпа сомкнулась вокруг него. Я боялся, что ему случайно оторвут руку или свернут голову, но все держалось на удивление крепко. Глиняный Лазарь шел по улице к неведомой цели. Он делал благословляющие жесты правой рукой, и это было странно, потому что этому я его не учил. Наверно, и телесные люди, и глиняные в определенных обстоятельствах действуют одинаково, согласно законам вселенской

механики. Движения глиняного Лазаря были нелепы, но исполнены достоинства, и я подумал, что он вполне может стать священником. Он ничего не знал и ни о чем не думал, произносил только несколько фраз, но в его теле гнездились животворящие страсти и среди них — тупое упорство, а это самое главное качество для священника.

Марфа пришла в себя, Иуда увел ее в дом. Ко мне на крышу поднялись Андрей и Филипп. Люди продолжали неистовствовать вокруг Лазаря — процессия уходила все дальше.

— Йесус, это поразительно, — сказал Андрей. — Я всегда верил в тебя, ты поистине великий учитель! Скажи, долго ли еще сможет двигаться эта кукла?

— Думаю, несколько недель, — ответил я. — Но если будет бродить на солнце, высохнет и рассыплется быстрее. Впрочем, если регулярно увлажнять его... На всякий случай я научил его говорить «окропите меня водой». А если кто-то догадается заглянуть ему под капюшон и стереть первую букву в слове «эмет» на лбу — он сразу погибнет, превратится в бездвижную кучу тряпья и глины, потому что тогда слово «истина» станет словом «смерть»¹⁰⁴.

¹⁰⁴ Мет — смерть (ивр.).

— Учитель, а ведь ты мог бы создать из глины идеального любовника, — сказал Филипп. — Самого прекрасного в мире, всегда полного сил и послушного, который никуда не сбежит.

— Можно создать легион любовников и покорить с ним империю Рима, — ответил я. — Потому что только любовь способна противостоять регулярной армии. Вот удивится какой-нибудь очередной Помпей¹⁰⁵, увидев наше войско!

Мы засмеялись.

Темнело. Шум толпы стих вдали. Синий сумрак накрыл Вифанию. Я думал о том, что, выпустив нового Лазаря в мир, сразу потерял с ним связь. Так и Бог, если он есть, теряет связь с каждым новорожденным человеком. А дети, едва научившись ходить, навсегда уходят от родителей. Да, между всеми нами — бездна.

Поэтому я всегда с презрением смотрел на родственные связи и семейную жизнь. Мне казалось, что я пришел разлучить человека с отцом его, дочь — с матерью, а какую-нибудь невесту — с женихом. Однажды я увел чужую невесту прямо накануне свадьбы. Это случилось

---

¹⁰⁵ Вероятно, Гней Помпей Магн — римский полководец, захвативший Иерусалим в 63 г. до н. э.

в Масаде. Впрочем, она вскоре вернулась домой, поняв, что я не могу дать ей ни спокойствия, ни достатка.

Вечером мы все вместе поужинали при свете ламп в трапезной — я сидел в кресле хозяина, переселившегося под смоковницу. Марфа плакала, не понимая, почему ушел ее оживший супруг. Когда все отправились спать, я с Магдалиной занял комнату, где создал глиняного человека. Я выпил много вина, был возбужден и почти счастлив. Из остатков веревки, которая понадобилась при изготовлении куклы, я сделал подобие уздечки и надел ее на голову Магдалины. Она встала на четвереньки. Я взнуздal Магдалину и накинулся на нее сзади. Мы долго совокуплялись на деревянном ложе, циновки которого еще немного воняли покойником и были измазаны глиной, но я чувствовал только упругую и одновременно податливую плоть блистательно похотливой женщины; она сжимала зубами веревку, впившуюся в уголки рта, ее клитор¹⁰⁶ блаженно набух, я массировал его пальцем, двигаясь все быстрее, а потом излил в нее семя, крича от радости, с таким чувством, что умер и родился вновь — к вечной, незамутненной, истинной жизни.

---

¹⁰⁶ В рукописи использовано редкое латинское слово *landica*, в древности считавшееся неприличным.

Наверно, в тот момент я уподобился Богу посредством экстаза. Ведь именно экстаз Филон Александрийский¹⁰⁷ считает вратами в небо, а этому человеку я верю, потому что он не только умен, но еще и один из самых богатых евреев в Египте. К тому же он считает, что еврейский Бог не должен принадлежать только евреям, а это смелое и поистине остроумное утверждение. Я всегда хотел встретиться и поговорить с Филоном, но снизошел бы он до меня, бродяги, так и не переступившего порог иешивы?¹⁰⁸ Возможно... Мне кажется, он знает что-то такое о Логосе, чего не знаю я, хотя с его помощью исцеляю людей и могу заставить шевелиться глиняную куклу.

В доме Марфы мы пробыли четыре дня. Она все хотела идти искать своего Лазаря, чтобы вернуть его домой, а я отговаривал ее, ссылаясь на то, что он теперь служит исключительно Богу. Я заверял Марфу, что муж по-прежнему любит ее и не забыл после воскрешения, просто теперь выполняет очень, очень важную миссию.

К тому времени глиняный Лазарь ушел уже далеко от Вифании, увлекая за собой группу людей, которые сочли себя его учениками.

---

¹⁰⁷ Философ, представитель еврейского эллинизма.

¹⁰⁸ Школа изучения иудейского Закона.

Если добавить в глину немного теплой менструальной крови, искусственный человек будет отзывчивым и аккуратным. Если добавить слюну бешеной собаки, из него получится храбрый солдат. Кровь летучей мыши сделает его быстрым и ловким, а сок дерева лесного ореха с маслом мяты — исполнительным и покорным. Растертые в порошок земляные черви помогут ему принимать правильные решения и даже немного хитрить. Толченное с известью дерьмо гиены — это учтивость и благочестие. Есть еще много ингредиентов, которые наделят *infans terram*¹⁰⁹ разными качествами. Если когда-нибудь у меня будет хорошая мастерская в укромном месте и возможность спокойно работать, я, пожалуй, смогу сделать совершенную куклу.

Чернила, которыми я написал этот фрагмент, приготовлены из куфи¹¹⁰, жженных орехов злобы¹¹¹, купороса, квасцов, сушеных пиявок и арабского клея, затем над ними прочитана особая молитва при убывающей луне. Это мера предосторожности. Метод оживления материи, изложенный здесь, опасен в руках фанатически верующего или душевнобольного человека, потому что он может создать и возглавить армию,

¹⁰⁹ Дитя земли (лат.).

¹¹⁰ Смесь масел и ароматических веществ.

¹¹¹ Желуди.

с которой расширит территорию своего безумного мира, а не пространство любви. Свойства этих чернил таковы, что подобные люди увидят здесь всего лишь строки Священного Писания, которое безобидно и бесполезно, потому что известно всем.

ГЛАВА 37

Дафей

Синедрион сразу узнал о том, что я воскресил Лазаря. Неудивительно, Иерусалим всего в пятнадцати стадиях от Вифании, и туда поспешили люди, неся эту благую весть. Ничего, пожалуй, не воодушевляет человека больше, чем возможность воскреснуть, но мало кто задумывается, зачем ему это надо. Что хочет сохранить человек, если его тело, как установил Герофил, на три четверти состоит из влаги? Остальное — трагический клубок слов, страстей, привычек, ужаса перед будущим и надежды, которая все это соединяет, но не существует сама по себе.

Я подарил людям надежду, и пусть она была из глины и тряпок — толпе этого достаточно. Тот, кто управляет надеждой, управляет миром. Именно поэтому обеспокоился Синедрион. Первосвященник Каиафа и все его левиты, вместе взятые, не могли сделать ничего нового, они только наблюдали за бесконечным жертвоприношением в Храме, лили масло в светильники и принимали от верующих серебряные сикли для священной казны. Они не могли вымолвить ни одного живого слова, держась за власть, как умирающий старик держится немеющими пальцами за край своего ложа. Они утомили Бога однообразием и бессмысленностью своего служения.

Думаю, избавиться от меня сразу и решительно у них не получилось потому, что Синедрион никогда не бывает единодушен. Саддукеи заняли

в нем большинство мест и терпеть не могут фарисеев, которых народ любит больше и которые приравнивают к Слову Божию письменное Предание. Саддукеи подыгрывают Риму, а фарисеи — черни. Да еще есть среди этих почтенных мужей риторы, представляющие интересы богатых купцов, землевладельцев и аристократии. Они, как всегда, боролись друг с другом, а я являлся силой, которую можно было привлечь на свою сторону. Так и решил поступить первосвященник Каиафа, хотя не знаю зачем, ведь его власть была незыблемой. Наверно, он решил поиграть со мной и посмотреть, что из этого выйдет.

Произошло это так. Мы покинули дом Лазаря в Вифании и отправились в Иерусалим. Был полдень. Толпа, сопровождавшая нас, значительно увеличилась. Я понимал, что должен войти в город триумфатором — человеком, который смог воплотить в себе чаяния народа. Я волновался, продумывая, как вести диалог с Синедрионом, как предложить свои реформы... Я представлял себя в огромных покоях префекта провинции, мы обсуждали с ним, как перестроить Иерусалим, ведь преобразования на землях Израиля надо начинать с главного города... Я мысленно говорил с префектом о том, что надо немедленно и навсегда запретить казни на крестах, объяснял, что необходимо создать вместо иешив новые бесплатные школы для всех, где можно будет изучать

философию, математику, астрономию и медицину... Префект удивлялся, но был согласен со всеми предложениями, ведь он образованный римлянин, а не сумасбродный старец из Синедриона... Я видел Иерусалим без рабов, со множеством деревьев на улицах, в нем не было недовольных людей, а тот, кто нуждался, всегда получал помощь. Вся земля Израиля вслед за этим меняла свой облик, а римляне удивлялись тому, как прекрасна и благодатна их далекая провинция.

Я действительно верил в это.

Если я мог иногда творить малые чудеса, если Господь вложил в меня этот дар, как свиток мезузы в кожух, я должен был подарить евреям чудо нового царства. Может быть, моей жизни не хватило бы на это, но я бросил бы зерно в почву.

Я не хотел верить в то, что на камнях Иудеи не может вырасти ничего, кроме редких колючек.

Я брел по пыльной дороге с учениками, которые были грустны, потому что боялись. Нас окружал, как обычно, сброд. Было жарко. По дороге двигалось множество людей — кто в Иерусалим, кто обратно. Некоторые солидно одетые евреи показывали на меня пальцем и смеялись. Проехал римский патруль, начальник которого посмотрел на нашу процессию с большим подозрением.

В двух стадиях от Иерусалима у дороги стояла таверна, над которой был вывешен флаг — знак того, что хозяин получил новое вино, и я решил выпить там вина, чтобы оно успокоило меня перед входом в город. Успокоило, умиротворило и воодушевило. Ничего в тот час не могло помочь мне лучше вина. Вино — это огонь проповедника, вулканический дар земли, укрепляющий умственное равновесие и очищающий духовный эфир.

Я вошел в таверну с учениками и женщинами, толпа осталась снаружи. Точнее, какой-то старик из моих последователей, опираясь на костыль, хотел прошмыгнуть следом за нами, но хозяин заведения тут же выгнал его пинками обратно на улицу — слишком уж он был вонюч и грязен.

Нам принесли охлажденного вина. Оно оказалось хорошим, из Эшкола. Я выпил две кружки, и химеры тревоги отступили. Ученики тоже почувствовали себя увереннее, Андрей и Симон стали спорить, где нам лучше остановиться в Иерусалиме, Матфей достал свои свитки и принялся что-то писать, а Магдалина уединилась с хозяином таверны, чтобы расплатиться — за вино и кое-какую снедь — своей любовью, тем самым сберегая наши средства. Я не препятствовал этому и совершенно не ревновал Магдалину — я уже был выше всех этих земных страстишек, да и что мог изменить в судьбе Магдалины какой-то пузатый трактирщик с маленьким

зайином, если она перед этим отдалась уже тысячам мужчин?

Следом за нами в таверну вошел высокий человек в дорогой, но скромной одежде: светлый хитон из крученого виссона, темно-коричневый шелковый плащ. На поясе в серебряных ножнах у него висел тонкий кинжал с рукоятью, украшенной смарагдами.

Окинув взглядом посетителей таверны, он подошел к нашему столу и сел напротив меня. Он был среднего возраста. Еврей. Сухое, гладко выбритое лицо с тонким носом. Умные серые глаза.

— Ты ведь Йесус, да? Я хочу поговорить с тобой об одном важном деле, — сказал он. — Но это секретный разговор, пусть твои люди отойдут.

— Это мои ученики, я им доверяю, — ответил я. — Пусть останутся. Кто ты?

— Ладно, — согласился он, не меняя выражения лица. — Мое имя Дафей, я личный помощник его первосвятейшества Иосифа Каиафы. По его поручению я здесь. Он знает о тебе и о том, что ты идешь в Иерусалим из Вифании, где якобы воскресил человека. Не знаю, что там произошло, но всем трезвомыслящим людям понятно, что это обман, правда, очень ловкий. Итак, его первосвятейшество хочет заключить с тобой сделку. Завтра утром он

будет выступать перед народом с торжественным словом по случаю наступления Песаха. Он предлагает тебе тринадцать ауреусов за то, чтобы ты вышел вместе с ним к людям и призвал к покаянию всех бродячих проповедников Израиля. Ты должен убедить их вернуться в лоно Закона, принести жертвы в Храме и перестать морочить людям головы. Прежде всего ты должен усмирить этим тех, кто выдает себя за Йесуса. И желательно остальных неправедных мессий. Понимаешь, о чем я?

— Да, — ответил я спокойно, хотя во мне вскипела ярость. — А зачем это нужно?

— Чтобы прекратить беспорядки, — начал объяснять Дафей. — В Иерусалиме и по всей Иудее волнения. Люди гибнут. Даже в Галилее мятежи. Кесария захвачена учениками какого-то безумца... Римляне готовят карательный поход туда. Его первосвятейшество Каиафа считает, что твое слово поможет усмирить умы... Хотя лично я так не думаю.

— Зачем мне выступать с Каиафой? Я войду в Иерусалим и смогу убедить римлян отменить карательную экспедицию, — сказал я.

— Не будь глупцом, Йесус, — произнес Дафей так же бесстрастно. — Первосвященник заплатит тебе тринадцать ауреусов. Они у меня с собой. Готов выдать их тебе сейчас.

Это были большие деньги, от которых не отказался бы ни один странствующий врач.

— Учитель, давай подумаем над этим предложением! — оживленно сказал Матфей. — Мне кажется, это очень разумно.

— Молчи, Матфей, — ответил я.

На лицах остальных учеников тоже было написано желание пойти навстречу Каиафе. Но я понял, что если соглашусь на это, уже никогда не стану поистине великим учителем, а в лучшем случае буду выполнять, как слуга, какие-нибудь поручения Синедриона. Став тихим чиновником, я уже не смогу быть свободным. Деньги свяжут меня сильнее цепей. Никто не будет целовать мне руки, когда я буду входить в селение. А главное, я чувствовал, что потеряю дар целителя. Я понял также, что Каиафа все-таки сможет заметно укрепить свой авторитет, если приручит такого зверя, как я. «Какие у него ауреусы? — подумал я. — Полновесные ли? Не затерлась ли на них голова Тиберия? Или они отчеканены при Августе?»

В этот момент за стол вернулась разгоряченная и довольная Магдалина. Она принесла еще один кувшин вина. Следом за ней с улыбкой вошел хозяин таверны.

— Это вино вам тоже бесплатно, ребята! — сказал он.

Посланник Каиафы внимательно посмотрел на Магдалину.

— Женщина, а не тебя ли приговорили к утоплению в свинцовом ящике в Ашкелоне? Ведь тебя зовут Мария, не так ли?

— Нет, ты ошибся, добрый человек! — хохотнула она и отпила вина прямо из кувшина. — Я всем кого-то напоминаю! А кто ты, красавчик?

Посланец не ответил. Некоторое время мы с ним молча смотрели друг на друга. Затем я миролюбиво сказал:

— Дафей, давай выйдем из таверны, и я объявлю свое решение.

На лице Дафея мелькнуло удивление. Мы встали из-за стола и вышли под синее небо Израиля к толпе, ожидавшей меня. Ученики и женщины вышли следом. Магдалина — с кувшином вина в руках.

— Слушай внимательно, жалкий прихвостень Каиафы! — крикнул я. — Я иду в Иерусалим, чтобы дать людям свободу! Двенадцать легионов

ангелов Господь предоставит мне, и я не боюсь вас! Со мной небесное воинство!

Дафей отшатнулся от меня, и его лицо побледнело, став еще более сухим и строгим. Толпа радостно загалдела. Дафей положил ладонь на рукоять кинжала.

— Они хотят, чтобы я уподобился индийскому луговому слону, который и пашет, и пляшет, и бьет ногами оземь под священническую свирель! Не выйдет, нет! — продолжал я, повернувшись к толпе. — Отныне узрите во мне сына человеческого, сидящего одесную Силы на облаках небесных! Железной метлой я вымету всю гниль из Иерусалима!

— Воистину так, Йесус! — откликнулся худой юноша с прыщавым лицом, который следовал за нами от Вифании и встречал глиняного Лазаря у ворот дома его вдовы.

— Вся надежда только на него! На Йесуса уповаем, — запричитала какая-то старуха. — Это наш учитель драгоценный, родименький! А если кто посмеет тронуть его пальцем, вот этой самой клюкой зашибу! — И она погрозила Дафею своей клюкой.

— Скажи Каиафе, пусть подавится этим золотом! — сказал я хрипло, потому что сорвал голос

от крика. — Понял меня, Дафей? А когда съест золото, пусть серебро застрянет у него в глотке!¹¹²

Я произнес эту речь, но, признаться, в тот момент не думал ничего плохого ни о Каиафе, ни о его посланце. Я лишь чутко улавливал настроение толпы, а толпа хотела, чтобы я был неистов и категоричен. Мне хотелось собрать вокруг себя больше народу, который защищал бы меня и не давал арестовать.

— Йесус, возьми обратно свои слова, — спокойно произнес Дафей, — давай вернемся в таверну и еще раз поговорим. Возможно, ты неправильно меня понял.

— Уйди и не приближайся ко мне на расстояние вержения камня! — ответил я. — И передай всему Синедриону, что они не люди, а гробы крашенные! Убирайся прочь!

Толпа радостно заголосила.

Но, как только Дафей скрылся из виду, я сразу пожалел, что не принял предложения Каиафы. Как будто дух противоречия, распаливший меня, вдруг перестал затуманивать мой ум. Ученики стояли

---

¹¹² В 1990 году в Иерусалиме найдена гробница сына Иосифа Каиафы, которого также звали Иосиф; во рту у него, вопреки иудейским обрядам, лежала монета — таким образом проклятие могло отразиться на сыне первосвященника.

с печальными лицами, а все остальные люди, окружавшие нас, хотели только еды и веселья. Но еды для них у нас не было, а веселья не предвиделось. И людей в этой неубедительной толпе не прибавилось после моей гневной тирады. Я подумал об ауреусах Каиафы, и мне стало еще горше.

ГЛАВА 38
оследний вечер

Когда мы вошли в Иерусалим, я окончательно понял, что ошибся, отклонив предложение Каиафы. Накануне в городе были протесты и беспорядки, устроенные сикариями и жестоко подавленные по приказу префекта, легионеры убили и арестовали несколько десятков недовольных евреев. Синедрион воспользовался этим, проявив единодушие, и призвал покарать также тех, кто, по мнению его членов, угрожал духовной власти: вольных проповедников, целителей и ученых людей. Под горячую руку стражи попадались даже гадалки и безобидные толкователи снов. Иудейские воины вместе с римскими легионерами отлавливали их и предавали Малому суду, который быстро выносил смертные приговоры один за другим, почти не разбирая сути дел. По ошибке были схвачены и казнены даже несколько восторженных сельских паломников, которые оказались не в меру болтливы.

В числе этих несчастных было и несколько Йесусов из Нацерета, которые под пытками называли свои настоящие имена. К тому же в городе появилась женщина по имени Мария, назвавшаяся матерью Йесуса из Нацерета и великой матерью всех женщин, и ее не взяли под стражу только потому, что сочли помешательство такого рода комичным и не опасным для властей. Она стала кем-то вроде непорочной и всеблагодной Исиды и собрала вокруг себя слепо верящих ей женщин, в том числе из знатных семей. Судя по описанию, это была

моя мать. Меньше всего мне хотелось тогда видеть ее. Думаю, это чувство было взаимным.

Не было и речи о том, чтобы устроить проповедь где-нибудь в людном месте. Винные пары улетучились, и меня терзала тревога. Нам нужно было надежно укрыться где-нибудь, отдохнуть и скорее покинуть Иерусалим. В западной части города Матфей привел нас в дом, где жил страннолюбивый торговец, хозяин нескольких лавок, в которых продавались соль, посуда, шкатулки, ножи и разная мелочь, необходимая в быту. Это был морщинистый высокий старик с глазами разного цвета — зеленым и голубым. Я встречал таких людей, но меня удивило, что у него были разного размера зрачки, как будто бы один глаз смотрел на свет, а другой уставился во тьму. Старик жил со своей молчаливой молодой женой-сирийкой, упитанной девицей с роскошными кудрявыми волосами и добрым глуповатым лицом.

Это был последний вечер, когда мы собрались вместе. Сидели на подушках и циновках за низким длинным столом из ярко расписанного дерева. Жена торговца с помощью служанки приготовила незамысловатый ужин.

Выпили много вина, и меня охватило нехорошее предчувствие. Ученики тоже были грустны, только наши женщины беспечно болтали о чем-то с женой торговца.

— Как идут твои торговые дела? — спросил я старика из вежливости.

— Хорошо, Йесус, вчера я очень выгодно купил у кочевников партию плетеных корзин и веревок из пальмового волокна, надеюсь продать все это в два раза дороже, — ответил он.

— Чтобы не попасть в лапы Синедриона, можно схитрить: всем нам взять по веревке и повеситься, — произнес Симон и вздохнул. Раздался дружный смех.

Только Матфей не улыбнулся, он разложил на столе свои пергаменты, папирусы и просто куски грубой кожи, что-то исправлял на них и дописывал, бормоча себе под нос.

— Матфей, брось это дело, — сказал я. — Выпей вина, закуси горячей лепешкой с маслом и посмотри на меня, я твой учитель, а вокруг твои друзья. Дела наши плохи, и кто знает, может быть, ты больше меня не увидишь.

Матфей нехотя оторвался от своей писанины и ответил:

— Йесус, не важно, что будет с нами дальше, потому что я пишу книгу, в которой мы предстанем перед лицом вечности, и я закончу этот текст так, как считаю нужным. Прости, учитель, но нагиды

были правы, когда сказали, что ты уже не принадлежишь себе. Ты принадлежишь истории, и я знаю, что делаю.

— Матфей! — воскликнул я и ударил кулаком по столу; все умолкли. — Кому ты служишь? Не Богу, не кесарю, не мне. Ты служишь своему мешку с письменами! Вот твой бесчувственный кожаный бог! Его пожрут моль и время! Ты безумен! Посмотри на меня, на Иуду, на Симона... Вот — мы...

Матфей обвел всех каким-то потусторонним взглядом и снова углубился в свою работу.

Я понял, что говорить с ним бесполезно, налил себе кубок сладкого процеженного вина и выпил одним махом.

— Оставьте эти разговоры, — сказала Магдалина. — Хотите, мы с девочками развеселим вас? Хозяин, у тебя есть тимпан или кимвал? Есть тимпан? Давай его скорее сюда!

Женщины запели веселую песню, а Магдалина скинула одежды, обнажив смуглое тело, чем сильно смутила жену хозяина, и зашла в дикой пляске. Запрокинув голову и томно прикрыв глаза, Магдалина била в тимпан, трясла в такт своими упругими грудями с большими коричневыми звездами сосков, и ее истой грациозности позавидовала бы

Терпсихора. Глядя на нее, я возбудился. Черный треугольник густых волос внизу ее живота по-прежнему распался меня.

Мы пили еще, но никто не пьянел, вулканическая сила вина, идущая от земли, уже не действовала на нас, будто по воле какого-то безнадежного писца мы стали всего лишь искаженными копиями самих себя. Но нет, нет, я знал, что мы существуем, и каждый из нас был пульсирующим красным облаком плоти, упроченной белыми костями, и эту плоть надо было спасать.

— Слушайте меня, родные мои, — сказал я. — Если мы пойдем из города все вместе, то обязательно привлечем внимание и нас арестуют. Поэтому рано утром, в самый дремотный час, вы должны выйти из этого дома по одному, разойтись в разные стороны и покинуть город через разные ворота. Я уйду первым. Встретимся в долине Гатшманим¹¹³, в масличном саду, там обычно безлюдно и есть заброшенный дом, где можно укрыться от любопытных глаз. После этого затеряемся в толпах на Иерихонской дороге и отправимся в Галилею, временно укроемся в горах на севере, затем пойдем в Дамаск через Итурею — думаю, у тетрарха Ирода Филиппа есть дела поважнее, чем охота на пророков. У меня добрый

---

¹¹³ Масличный пресс (ивр.); в русском варианте — Гефсимания.

друг в Дамаске, мы найдем там приют, хоть это будет новое место для нас, не тревожьтесь, я знаю, что делать.

Ученики восприняли мои слова вяло, но никто не стал возражать против такого плана. Они остались сидеть за столом с разноглазым хозяином, а я прошел в отведенную нам комнату, длинную и узкую, похожую на гроб для рефаима¹¹⁴, чтобы пораньше лечь спать — предстоял сложный день.

Магдалина последовала за мной, подошла к стене комнаты и уперлась в нее ладонями, подставив мне зад. Ее движения были легки и гармоничны, как всегда. Я двинулся, с силой вгоняя зайин, излил семя в ее широкое горячее лоно, и Магдалина, не сказав ни слова, ушла обратно к застолью.

Обсидиановым лезвием я сбрил свою длинную бороду, потушил лампу, поставил ее на выступ камня в стене и лег на циновки, укрывшись овечьей шкурой, которая валялась рядом. Мне стало грустно. Я так долго говорил всем, что знаю путь к вечной жизни, — а есть ли она? Есть ли? Я решил: если спасусь, уйду на север и больше никогда не приближусь к Иерусалиму. Достаточно играть с этим огнем. Сменю имя, стану тихим лекарем. А может быть, добьюсь получения

---

¹¹⁴ Библейский гигант.

римского гражданства, чтобы начать жизнь с чистого листа, ведь я еще не старик и могу послужить империи.

В комнату вошел Иуда и молча лег рядом. Засыпая, я вдруг остро осознал опасность, которая мне угрожала, ведь я мог быть пойман и казнен. Я подумал о том, как хорошо было бы стать птицей и незаметно покинуть Иерусалим, но такое под силу только поистине великому магу.

ГЛАВА 39

Ворон

Старый кедр возвышался на краю обрыва, и его корни торчали из красной каменистой земли, которая с каждым годом осыпалась все больше. Я никогда не ходил по земле, как люди, которые вырубил почти все деревья в долине. Я только спускался на землю иногда, чтобы взять то, что принадлежит мне, и снова жил в небе и на деревьях, каждое из которых могло стать для меня домом в любой час, если, конечно, не было занято кем-то из моих черных братьев.

Кедр имел толстый голый ствол и густую шапку ветвей у вершины. Он был старше меня, хотя я помнил еще то время, когда Иудеей правил царь-первосвященник Аристокбул, славный тем, что посадил в тюрьму свою мать (я видел его во время церемоний на открытом воздухе). Одна из ветвей кедра, длинная и кривая, была протянута к Иерусалиму, будто благословляющая рука, и на ней сидел я, ворон из колена Енномова.

Приближался вечер, и стены Иерусалима впереди застил дым — с утра тлели горы мусора, который люди свозили в Енномскую долину из города и окрестностей. Обьедки, тряпье, сломанные и ветхие вещи, навоз, туши издохших от болезней животных, а иногда и тела людей, убитых и тайно вывезенных на свалку в мусорных телегах. По склону, примыкавшему к городу, в долину лились нечистоты. Мусор сох, и утром шестого дня его поджигали.

Великий пожар повторялся каждую неделю. Как и многие мои сородичи, я всегда мог найти среди мусора еду, и меня возмущало, что к ночи шаббата огонь съедал почти все. Зачем люди приносили Богу эту пламенную жертву? Люди неуправляемы, они уничтожают то, что не могут использовать, а то, что не могут уничтожить, — ненавидят. Например, ненавидят меня еще больше и ругаются, если не могут попасть в меня камнем.

Мусорная долина — моя обитель, место встреч воров и отравителей, арена для подкупов и дележа награбленного — часто становилась последним пристанищем всюду гонимых прокаженных, а самые дешевые проститутки вели туда непритязательных мужчин. Стаи гиен рылись там, полчища крыс набегали туда из города и возвращались обратно, а дети рабов устраивали там игры, унижая друг друга. Над всем этим царил я, облетая свою территорию и замечая каждую мелочь и каждое движение, запоминая все. Ведь это прекрасно, когда на кости остается немного мяса, не успевшего сильно протухнуть, или когда в куче тряпья оказывается вдруг лепешка, приготовленная на масле.

Все, кто бывал там, невольно оказывались в моей власти, в тени моих крыльев, хотя и не знали этого. Временами я мог предсказывать судьбы людей, но они по неразумению видели во мне только птицу. Правда, когда я садился неподалеку

от умирающего человека, он видел во мне знак смерти.

Острое зрение, отличная память и быстрый ум — вот главные ценности, ну и желательно, конечно, чтобы при этом не были переломаны крылья.

Я не любил фрукты, которых всегда было множество в окрестных садах. Меня влекла животная, жирная пища, а самое вкусное, самое лакомое — это, конечно, человеческий плод. Когда какая-нибудь испуганная мать тайно отправляла в Енномскую долину свое незаконнорожденное или просто нежеланное дитя, которое еще могло пищать и шевелиться, завернутое в холщовую тряпку, первым его находил я и клевал нежное мясо.

Это было не просто утоление голода. Крепко обхватив голову младенца когтями, я расклевывал его лицо и рот, требующий молока, и в этот момент мне подчинялось само время, я доказывал небесам, что птица тоже может быть наделена властью над человеком, и мои черные перья приравнялись к ризам судьбы.

Птиц, как и людей, приближают к истине жестокость поступков и ясность мышления. Я никому не доверял, потому что хорошо знал мир и недостаточно хорошо знал себя: вдруг в какой-то момент

я обольстился бы чем-то, проявил сострадание и — погиб? Лучше всегда быть настороже.

Ветер сменился, едкий дым понесло на мой кедр, я придвинулся к концу ветки, она качнулась, и я прыгнул с нее, но расправил крылья не сразу, чтобы набрать скорость, и несколько мгновений пикировал, а затем стал неторопливо подниматься все выше и выше в потоке теплого воздуха. Чтобы набирать высоту, мне требовалось только иногда взмахивать крыльями, и я скользил на упругих волнах ветра, максимально сохраняя силы. Я полетел в сторону Иерусалима. Сбоку ярко светило вечернее солнце, и длинные тени расчертили все, что не было скрыто в дыму: дороги, узкие полосы пашен, виноградники на террасах.

Я поднялся еще выше и увидел почти весь город, окруженный неровной каменной стеной. Он лежал на двух холмах, разделенных долиной, в которую ниспадали ряды домов с обеих сторон. Это был лабиринт улиц, почти лишенный растительности, на каждом клочке земли там находилась постройка, и только во дворе дома какого-нибудь знатного человека зеленели кроны кипарисов и пиний. Улицы были заполнены людьми, скотиной и телегами, внизу не прекращалось движение, но звуки не достигали высоты, на которой я находился. При этом я мог разглядеть не только каждого человека внизу, но даже пробегающую мышь.

В лучах заката блеснула вода в бассейне Шилоах, высеченном в скале. Я захотел пить, но утолить жажду из этого бассейна не мог, там днем и ночью толпились люди, набирая воду и совершая омовение.

Внизу проплыли Мусорные ворота и длинная ступенчатая улица, ведущая к Храму, и я стал снижаться к приземистой башне, на которой было устроено вместилище для сбора дождевой воды — каменная чаша. Я сел на ее край.

Эта сложенная из каменных глыб башня вдруг показалась мне пьедесталом, а себя я увидел скульптурой на нем, но любая скульптура мертва и неподвижна, и я несколько раз каркнул, чтобы доказать себе и миру, что я жив.

Я гордился своими крыльями и хвостом, цепкими лапами и сильным клювом. Тело птицы, конечно, более совершенно, нежели громоздкое и нелепое тело человека, способное только ходить, прыгать и рубить деревья, но при этом человек (по какому-то глупейшему умыслу!) лучше приспособлен для того, чтобы покорять мир.

Дождя давно не было, и на дне чаши осталось совсем немного воды. Я прыгнул туда, повернул голову так, чтобы вода сама затекала в клюв, и напился.

С крыши одного из зданий Храма донеслись звуки серебряных труб — левиты возвещали о начале вечернего богослужения, начинался Песах, люди готовились к празднику.

Я устремился вниз и полетел над улицей, окунувшись в шум, запахи и движение города. Мелькали разноцветные одежды, грохотали колеса телег и копыта лошадей по мостовой, резко кричали погоняемые палками верблюды, шаги и голоса тысяч людей сливались в безликий гул.

Плоские каменные крыши зданий были еще одним уровнем Иерусалима, не видимым снизу, люди занимались там повседневными делами: ремесленничали, сушили белье, нянчили детей, готовили еду, и множество струек дыма поднималось над городом; там спали, вели беседы и совокуплялись, если место не просматривалось со стороны, но я видел все.

В конце улицы находилось здание тюрьмы — я снова набрал высоту и перелетел его.

Однажды я чуть не погиб, когда ради любопытства сел на каменный выступ перед окном этой тюрьмы, за которым один убийца ждал суда. Я знал, что он убивал не за деньги, а ради удовольствия, и насиловал своих мертвых жертв, и мне это в нем нравилось, потому что он относился к людям так, как они заслуживают, хоть и был одним

из них. Его почти не кормили. Измученный голодом, он ловил птиц с помощью прочной нити: клал петлю на выступ за окном, присыпал ее пылью и крошками хлеба. Его пищей становились голуби. В последний момент я услышал подозрительный шорох и взлетел, иначе петля затянулась бы на моей лапе. Я полетел на рынок, украл там с прилавка у зазевавшегося торговца монету и принес ее в клюве этому узнику. Увидев, что я сделал, он засмеялся, протягивая ко мне руки сквозь решетку. Я знал, что он может поменять монету на еду у стражника, если тот его не обманет. Но я сделал это не из сочувствия: я любил воровать деньги, но не мог ничего на них купить, и дарение монеты убийце стало возможностью хоть как-то ее использовать.

Особенно мне нравилось красть монеты у менял возле Храма и наблюдать с безопасного расстояния, как они негодуют, — эти люди почему-то вызывали у меня особенную ненависть. Однажды я видел, как некий человек бегал, кричал и переворачивал их столы с аккуратно разложенными стопками серебряных и медных монет, и это зрелище было приятным.

Я перелетел через овраг и оказался над кварталом, где жили богатые люди. Увидев, что на мраморном ограждении балкона дремлет, вытянувшись, трехцветная кошка, я беззвучно спланировал к ней со стороны

хвоста и, пролетая мимо, нарочно задел крылом ее ухо. Кошка вскочила, едва не сорвавшись вниз, выгнула спину и с ненавистью зашипела мне вслед.

В этом квартале я часто находил роскошные объедки, если они, конечно, не успевали достаться прислуге или кошкам.

Для меня всегда было великим утешением вносить смятение в жизнь людей и дружественных им животных. Когда-то я совершил поступок, которым горжусь до сих пор: я клюнул в макушку престарелого царя Ирода, прозванного Великим! Ему было шестьдесят девять лет, и он знал, что умирает. Как-то утром слуги вынесли Ирода на один из балконов иерусалимского дворца, где он, страдая от болей в животе и ногах, продумывал сценарий всенародного траура по себе. На ковре подле его кресла сидел юноша и наигрывал на кинноре¹¹⁵ печальную мелодию. Невидимый со стороны солнца, я камнем упал с неба, нырнул под опахало, которое держал стоявший за спиной своего повелителя слуга, и со всей силы клюнул царя в лысую голову, покрытую коричневыми старческими пятнами. Юноша-музыкант в ужасе вскочил, уронив киннор на пол, к нам бросились телохранители, но я, ловко уворачиваясь от их копий, пролетел под

---

¹¹⁵ Древнееврейский музыкальный инструмент, родственник лире.

аркой между колоннами к другой стороне балкона и через мгновение уже парил над городом в полной безопасности.

Думаю, моя проделка стоила жизни некоторым слугам и охранникам, ведь, даже находясь в здравии, Ирод казнил своих сыновей и одну из жен, а тяготы старости не сделали его характер мягче. Но каждый поступок птицы имеет ясный смысл и подчиняется древнему закону. Что было скрыто за этим актом? Вот что: я стал врачом царя. Пусть ненадолго, но я помог ему забыть о боли в животе и ногах, переключив его внимание на боль от удара моего клюва; к тому же гнев и забвение — это близнецы-братья.

А еще благодаря мне струны киннора при падении исторгли такой печальный звук, который соответствовал тяжелым думам царя лучше, чем любая сыгранная нарочно мелодия.

Я больше не видел Ирода на этом балконе, зато там несколько дней после моего визита дежурил лучник. Вскоре царь переехал в Иерихон и умер. Я летал к нему на похороны, чтобы проводить в последний путь, так как я тоже принял участие в его судьбе, которое, возможно, когда-нибудь отразится на судьбе мира, ведь все события, в конце концов, построены на основании, которое ничуть не больше кончика моего клюва. С высоты я наблюдал, как на золотых носилках, покрытых

пурпуром, со скипетром в руке, сопровождаемый семьей и войском в боевом облачении, он отправился в утробу вечности. Наверное, Бог, если он есть, вместе со мной смотрел на эту похоронную процессию круглыми глазами, и перья его были черны.

Миновав пустой амфитеатр, несколько дворцов и преториум, перед которым на площади сверкали копья легионеров, я повернул левее, ориентируясь на высокую белую башню.

В той стороне за стеной города находился холм, называемый Гольгота¹¹⁶, где регулярно совершались казни. Обычно осужденных сначала пороли флагрумом¹¹⁷ возле каменного столба рядом со зданием суда, а затем вели на холм, крепко привязывали к деревянным крестам и поднимали эти высокие кресты. Голые осужденные подолгу умирали на них от жары, удушья и ран, нанесенных кнутом.

Мне нравилось выклевать им глаза. Это было одним из немногих доступных мне развлечений, которое имело высший смысл, я совершал свою исконную власть — власть птицы над человеком, власть первозданной стихии над людской гордыней, безмерной и пустой.

---

¹¹⁶ Череп (арам.).

¹¹⁷ От лат. *flagrum* — кнут с металлическими или костяными шипами на конце.

Нет радости в том, чтобы выклевать глаза мертвецам, и нет возможности выклевать глаза живым людям, поэтому полуживые неудачники на крестах подходили для этого таинства лучше всего.

Раньше у подножия холма была каменоломня, где добывали белый камень для строительства Храма, а теперь на Гольгоате и вокруг нее стояло множество крестов с казненными, и облепленные мухами тела были в разной степени разложения, но свежих и живых в тот час было трое, их распяли утром, и они висели в ряд, лицами к западной стене города, позлащенной вечерним солнцем.

Двое из них были широкоплечи, мускулисты и, очевидно, сильны, и я подумал, что они бандиты или провинившиеся солдаты, ведь это почти одно и то же, только первые действуют от своего имени, а вторых посылает сеять смерть какой-нибудь чиновник; к тому же и там и там нужна сила и не обязателен ум. Но крепкие мышцы этих двух распятых были теперь бесполезны, также как и скукоженные зайины между ног. Один из распятых хрипел, ничего уже не понимая, и вот-вот должен был испустить дух, а второй время от времени дергался и скалил зубы, и я почувствовал волны страстной ненависти, исходившие от него. Больше всего на свете он жаждал в этот момент отомстить тем, кто осудил его

и осуществил казнь. И он был прав. Он сохранил достоинство — ясно было, что не молил о пощаде и не унижался.

Два легионера, распявшие их, сидели рядом, они постелили на плоский камень ткань — видимо, одежду кого-то из казненных — и разложили на ней еду: сыр, вяленое мясо, хлеб и небольшой мех с вином. Поодаль плакали несколько женщин. Больше на холме никого не было.

Третий распятый, висевший в центре, не походил на разбойника или солдата. Ладони его были холеными и чистыми, с коротко подрезанными ногтями, а значит, тяжелым трудом он тоже не занимался, и я решил, что это книжник, выступивший против римлян. Лицо показалось мне знакомым, но я не мог вспомнить, где видел его. От своего свирепого соседа по кресту, тоже пока сохранившего рассудок, он отличался тем (я сразу это увидел!), что сохранил надежду на спасение. Он был образован, и воображение рисовало ему сцены чуда: вот над ним сжалились солдаты и сняли с креста, вот его освободили вооруженные друзья и уносят в тайное место залечивать раны, вот какая-то незримая сила спасает его... Это читалось по выражению его лица.

Именно поэтому я выбрал его, ведь последнее, что можно отнять у человека — это надежда.

Еще меня привлекло то, что на груди этого книжника висела табличка с необычным объяснением его вины. За свою долгую жизнь я научился читать, хотя даже большинство людей в городе не умели этого. На табличке было написано:

ИУДЕЙСКИЙ ЦАРЬ

Я видел царей и знал, что управлять народом Израиля не легче, чем дохлой коровой, сидя у нее на боку. Страдания распятого подтверждали это. Наверное, он назвался царем, возложил на себя венец, но не вынес его тяжести, не рассчитал силы, так часто бывает с умными, но слабовольным людьми, которые не понимают, что власть может удержать лишь хитрый тиран. Даже обезьяна способна напялить на себя корону, но это царствование будет недолгим.

Я подлетел ближе, кружась рядом. Он открыл глаза. Его привязанные к перекладине руки были раскинуты, словно тонкие, лишенные перьев крылья. Длинные волосы спадали ему на лицо. Он дышал коротко и часто, потому что положение тела не давало делать глубокие вдохи.

Он принялся мотать головой, чтобы отогнать меня, и меня это позабавило.

Он вскрикнул от страха, потому что увидел во мне знак — в этот момент я был буквой смерти.

Женщины запричитали сильнее и направились к нам. Старший легионер встал, погрозил им копьем, и они остановились. Одна из женщин упала на колени, завывала и начала рвать на себе волосы.

Я подлетел, на секунду обхватил голову распятого крыльями и точным движением клюнул его в левый глаз. Распятый вновь вскрикнул, и по его щеке потекла кровь.

Вторым ударом клюва я лишил его правого глаза, и в ту же минуту окончательно зашло солнце, подтвердив этим правоту моих действий: зачем человеку глаза, если ночью все равно ничего не видно? Он стонал и дергался на своем кресте, и я удивился тому, что в его столах слышалась какая-то странная радость. Это хорошо, подумал я, это значит, все мы действуем согласно: я, ложный царь, солдаты и ушедшее солнце; мы все были единым целым, одной плотью, словно слились в усердном совокуплении; мы были близки к полному удовлетворению, и лишь глупые женщины портили своими визгливыми рыданиями величественность этой сцены.

В сумерках я поднимался выше и выше, пока не увидел весь Иерусалим, границы которого были очерчены огнями. Черные холмы подпирали желтый закат. Я возвращался домой, и подо мной плыл город, построенный на костях людей и птиц.

ГЛАВА 40

Жертва

Я встал до рассвета, когда ученики еще спали в обнимку с нашими женщинами. Кошель с деньгами, заработанными мной в Хоразине, был у Матфея в мешке, а мешок он положил себе под голову. Конечно, мне следовало взять эти деньги, но стало жаль будить старика; к тому же было бы нехорошо требовать у него кошель, будто я собирался сбежать, бросив учеников. Впрочем, в поясе у меня было спрятано несколько монет. Я осторожно поцеловал в губы спящего Иуду, тихо взял свой мешок и вышел на улицу. Было прохладно и темно, кое-где под акротериями¹¹⁸ богатых домов горели лампы. Я пошел вниз по ступенчатой улице. Встречались прохожие — улицы Иерусалима никогда, ни в какой час не бывают совсем безлюдны. Я накинул капюшон, чтобы скрыть лицо, и подумал, что не зря побрился на римский лад, ведь мессия немислим без бороды. Еще я подумал, что, когда уходил, оставил дверь незапертой, но ведь ее невозможно было запереть снаружи, а будить никого не хотелось.

Мимо прошла, звеня украшениями, толстая женщина, похожая на хозяйку борделя, затем два молодых еврея и старик с корзинами. Патрулей не было видно, я почувствовал облегчение и остановился, чтобы выбрать безопасный путь к саду в долине Гатшманим. Надо было выйти из города, не привлекая внимания. Цветочные и Шхемские ворота не подходили. Мусорные всегда закрыты

---

¹¹⁸ Скульптурные украшения над фронтонами зданий.

до рассвета. Правда, рядом с ними была узкая арка, через которую при необходимости в любое время суток может протиснуться человек, но идущий ночью в Енномскую долину прохожий кажется особенно подозрительным, и я направился к Восточным торговым воротам, открытым в любой час, — там всегда было много народа.

Улица уходила вниз, открывая вид на бедный квартал, а левее, над серым скоплением домов, возвышались белые стены Храма, освещенные множеством огней. Я остановился и несколько минут смотрел на него: казалось, Храм висел между городом и черным небом, как зримое преддверие вечности. Я вдруг увидел себя мальчиком, перешагивающим через века, увидел, как дышит земля, как призраки отдельных людей становятся призраками поколений, а светлая пыль в глубине ночного неба — это была седина бороды моего отца, я снова вспомнил Иосифа, и теперь он был больше чем добрый и терпеливый отчим, он выражал собой всю скорбь и заботу мира.

Кто-то положил мне тяжелую руку на плечо, я вздрогнул и обернулся. Это был римлянин, тессерарий, я понял это по его поясу и шлему. Он патрулировал город с тремя легионерами, которые окружили меня, держа в руках короткие копья. Бежать было поздно, сопротивляться бессмысленно. Они были обуты в мягкие сандалии,

не подбитые железом, и поэтому передвигались тихо, а серые плащи из шерсти делали их незаметными ночью.

— А ну сними капюшон, — сказал тессерарий по-еврейски.

Я подчинился.

— Кто такой? Что ты здесь делаешь?

— Меня зовут Николаос, — ответил я по-эллински. — Я паломник из Антиохии, пришел в город встретить Песах, ищу дешевое жилье, не знаете, где можно остановиться?

— А ну говори на еврейском либо на человеческом языке, я не понимаю греческий, — с раздражением сказал тессерарий; он был на голову выше меня и обладал титанической челюстью на большом плоском лице, которое женщины, наверное, сочли бы привлекательным.

Под человеческим языком тессерарий имел в виду латынь, но я повторил сказанное по-еврейски, чтобы не показаться слишком образованным, а соответственно — подозрительным.

— Посмотрите на него, ребята, — сказал тессерарий своим легионерам, — а не он ли бросил камень

в нашего центуриона на той неделе, когда мы разгоняли протестующих на Рыбном рынке?

— Похож, — ответил один из солдат, не глядя на меня, и я догадался, где путь к спасению: когда я снимал капюшон, тессерарий заметил перстень, сверкнувший на моем пальце, и решил его заполучить. Он знал, что у меня нет выхода — его слов и показаний одного из легионеров будет достаточно, чтобы я оказался в тюрьме, а если там допытываются, кто я на самом деле...

Да, было жаль перстень, и в моем поясе лежало несколько серебряных монет, но откупиться ими от ночного патруля вряд ли бы получилось — скорее всего, они просто забрали бы и то и другое.

Я снял перстень и протянул его тессерарию со словами:

— Друг, ты несешь тяжелую службу, охраняя покой граждан города, возьми от меня в дар этот перстень, от самого чистого сердца.

Тессерарий быстро спрятал перстень в кошель, привязанный к наплечному ремню, и сразу изменился в лице, будто увидел во мне дорогого брата.

— Благодарю тебя, Николаос, — сказал он и улыбнулся. — Меня зовут Кезон, запомни.

Тессерарий Кезон Криспус, командир ночной стражи. Если до рассвета тебя вновь остановит римский патруль, скажи, что ты мой личный осведомитель и следуешь по делу государственной важности. И все будет в порядке. Ступай.

Я сделал несколько шагов и оглянулся, но солдат уже не было, они быстро и так же неслышно, как появились, исчезли в тени стены, за которой темнел высокий кипарис, источая пряный и сладковатый запах хвои.

Я вспомнил, что масло кипариса помогает мужчинам продлить совокупление, поразился неуместности этой мысли и быстро пошел дальше, взволнованно повторяя про себя: «Тессерарий Кезон Криспус, дело государственной важности».

Возле хлебных складов надо было свернуть налево, но эта улица, ведущая мимо казарм и домов левитов, была слишком оживленной даже ночью, и я пошел прямо, по темному и кривому переулку — он пересекал канаву, по которой все нечистоты города текли в Енномскую долину. Где-то канава уходила в тоннели, а где-то была открыта, как в том месте, где я перешел через нее по мосту, задыхаясь от зловония. Дальше начинался Тиропеонский квартал, дома здесь были беднее, заборы ниже, и я шел, сопровождаемый лаем собак. В переулках никого не было, и это обнадеживало.

Дойдя до сыроварен, я повернул налево и стал подниматься на холм по длинной улице мимо ряда новых, еще не заселенных зданий. В одном месте, где кто-то начал строить дом, среди груды тесаных камней одиноко стояла молодая олива, ее узкие листья серебрились в лунном свете. Она мешала строительству, но ее почему-то пока не срубили. Я подумал, что этому дереву осталось недолго, хотя оно могло бы жить еще лет пятьсот.

Напротив Восточных ворот я остановился в тени дома возле окна, закрытого ставнями, сквозь щели которых проникал свет. Наверное, внутри жила семья, там было уютно и безопасно, а мне было страшно. «Завтра эти люди встретят Песах, — подумал я, — соберутся за радостной трапезой, а я, вполне вероятно, буду пойман и казнен». Мне вновь захотелось стать птицей, как в последнем сне, и перелететь через стену города. Я даже почувствовал негодование от того, что не могу этого сделать. Или, если нельзя превратиться в птицу, то хотя бы в какую-нибудь старуху, чтобы спокойно пройти через ворота. До старухи никому нет дела. Мало ли куда она идет — может быть, доить козу или набрать в корзину сухого навоза для очага...

Я увидел, что у Восточных ворот дежурит не римская, а иудейская стража, которая и более

жестока, и более корыстна. От них трудно отделаться случись чего. Воины с лампами и факелами внимательно разглядывали каждого, кто выходил из города в этот предутренний час.

Да, хорошо было бы достичь истинных высот в чародействе и превращаться в птицу по желанию, а не во сне, подчиняясь неведомой воле. Это гораздо сложнее, чем заставить двигаться глиняное тело или утешить бесноватого. Я не научился даже управлять своими сновидениями! Это было горько. Я думал, что летел на крыльях пророков, а на самом деле летел на крыльях могил.

Распятые люди во сне вряд ли предвещали что-то хорошее. Одно утешало — сны никогда не говорят о будущем прямо, их всегда приходится истолковывать, иногда самым неожиданным образом, а значит, вряд ли я видел самого себя, висящего на кресте. Вряд ли...

Наблюдая за воротами, я заметил, что к начальнику иудейской стражи подъехал всадник — римский деканус. Они о чем-то коротко переговорили, и всадник скрылся за углом.

Людей, вышедших из Иерусалима в тот час, было немного: женщина с двумя детьми, несколько рабов с мотыгами — на работы в поле. Проехал еще один римский военный на коне.

Но в город одна за другой въезжали повозки и входили навьюченные ослы — сельские торговцы везли на иерусалимский рынок свой товар, спешили занять на площади самые выгодные места.

Я снял капюшон, приосанился и внешне спокойно, но замирая от страха, пошел к воротам, перекинув свой мешок через плечо. Казалось, легче было богатому и злому человеку войти в Царство Небес, чем мне с моим тощим мешком покинуть этот город.

Стражников было пятеро. Ночь кончалась, они, очевидно, устали, им хотелось есть и спать, и они были сердиты. Движения их были медлительны.

Я уже вошел в арку и отступил к стене, пропуская женщину, которая несла на плече кувшин, и в этот момент меня окликнул один из стражников:

— Эй ты, с мешком, стой!

Я повиновался.

Двое подошли ко мне. Один держал в руке лампу — он поднял ее и осветил мое лицо. Его правая рука лежала на бронзовой рукояти меча в виде головы льва. Второй, начальник стражи, был маленького роста, с умными глазами и подстриженной бородкой. На головах обоих были кожаные шлемы,

покрытые круглыми металлическими пластинами, словно чешуей. По лицам и акценту я понял, что они идумеи.

— Куда идешь? — спросил начальник стражи и зевнул. Он стоял близко, и я почувствовал плохой запах из его рта: у него была болезнь желудка либо гнил зуб.

Что делать? Что говорить? Какая ложь убедительней? Я волновался и не мог сосредоточиться, все мое искусство убеждения вдруг испарилось, все силы были растрчены. Я чувствовал себя уязвимым как никогда. Будь у меня в тот момент кинжал в рукаве, я, возможно, решился бы убить их и попытаться скрыться за воротами в темноте. Они были сонные... Ткнуть кинжалом начальнику стражи в низ живота, а второму воину, пока он вынимает меч, полоснуть по горлу... и побежать...

— Я иду на кладбище Хар ха-Зейтим, — услышал я собственный голос, который звучал довольно уверенно. — Хочу ради праздника навестить могилу отца.

— Ты лжешь, — мгновенно ответил начальник стражи.

Несколько секунд мы молчали, глядя друг на друга. Я подумал, не сослаться ли на тессерария

Кезона Криспуса, но это было бы нелепо, так как я уже сказал про кладбище, да и незнакомый римский военный не был авторитетом для них.

— Но по твоей бритой морде я вижу, что ты не разбойник и не убийца, — добавил этот пронизательный, как змей, коротышка. — Так куда ты идешь?

— На кладбище.

— Все мы так или иначе идем на кладбище, — ухмыльнулся он и спросил тише: — У тебя есть с собой деньги?

— Да, — сказал я, радуясь тому, что припас немного серебра — драгоценный металл вновь открывал для меня путь к спасению.

— А зачем тебе деньги на кладбище? — спросил он. — Я могу сохранить их и вернуть тебе, когда пойдешь обратно.

— Спасибо, это замечательная идея, а то потеряю по дороге, да и вокруг города бродит столько грабителей, — сказал я, развязывая пояс, достал шесть сиклей и отдал ему. Больше у меня не осталось ни одной монеты.

— А что у тебя есть еще, подозрительный человек? — спросил он и добавил: — Тут по всему

городу ищут какого-то смутьяна по имени Йесус. Не знаешь такого?

— Слышал, но никогда его не видел, — ответил я и, чтобы наконец отделаться от этого начальника стражи, вынул из мешка книгу Николаоса Дамасского и протянул ему со словами:

— Из этой книги можно узнать, как с помощью слов превратить ржавое железо в золото, возьми ее, я все равно помню ее наизусть.

— О, благодарю тебя! — с искренней радостью сказал он. — Люблю книги. А на каком она языке? На эллинском? Жаль, я плохо знаю эллинский, но дома мне почитает вслух жена, она у меня очень образованная. Ну иди, друг, иди, навести своего отца... Хорошее дело...

Как только я прошел через ворота, меня охватило ликование, я остановился и с блаженной улыбкой смотрел на людей, въезжающих со своей поклажей в город. Как мало иной раз надо для счастья — всего лишь покинуть Иерусалим. Желательно навсегда. Но затем я вдруг понял, что стал нищим, стражники отобрали у меня все, даже любимую книгу. Конечно, я отдал ее сам, но не мог не отдать... Меня охватил гнев, затем накатил новый приступ отчаяния, и я чуть не заплакал. Я понял, что надо сохранять

самообладание — за последние дни я растратил слишком много душевных сил.

Я неторопливо пошел по длинному мосту во тьму долины. Затем подумал, что стража может пуститься за мной в погоню, и ускорил шаг.

Слева, за чертой города, на высокой башне сияли огни хрустальных ламп, которые зажигали во время праздников, визитов царей и префектов провинций в Иерусалим, а также оповещающая народ о наступлении новолуния. Казалось, эти огни в тот момент горели не в честь Песаха, а в знак моего поражения.

У меня оставалась надежда на учеников. «Конечно, они придут, — лихорадочно думал я, — а вместе не пропадем. Интересно, где Матфей? Ведь у него наши деньги». В Матфее я сомневался больше всего, ведь по-настоящему он любил в этом мире только свой мешок со свитками. Мешок! Я вдруг возненавидел и свой мешок, в котором лежало только кое-что из одежды и несколько лепешек, оставшихся от вечерней трапезы. Мне вдруг показалось, что нет участи горше, чем тащить за собой, направляясь в неизвестность, этот жалкий мешок — символ тщеты человеческой. И, стиснув зубы, я швырнул его с моста в овраг.

— Исчезни, Иерусалим! Призываю голос с востока, голос с запада, голос от четырех ветров, — шептал

я проклятие, злясь на себя и на весь город, и ярость проясняла мое сознание. — Голос против Иерусалима! Голос против женихов и невест, голос против всего народа! Проклятие Иерусалиму! Проклятие народу!

Начало светать, но как-то неуверенно, будто к человеку возвращалось сознание после тяжелой болезни. Я вышел на Иерихонскую дорогу, проследовал по ней несколько стадий, на другой стороне долины нашел слева едва заметную тропу и через колючие заросли кустарников по крутому каменистому склону поднялся по ней в масличный сад, в глубине которого стоял старый полуразрушенный дом. Я вошел в него, сел в углу, привалившись к стене, и задремал.

Я проснулся, когда солнце уже светило сквозь дыру в крыше, и понял, что ученики оставили меня. Испугались, утратили веру в своего учителя, не в силах полюбить в нем простого человека, который верил в них, и разве этого было мало? Затем сверкнула догадка: может быть, кто-то из учеников арестован и выдал место, где я нахожусь? Вскоре за дверным проемом послышались шаги, и мне стало так страшно, что я даже не нашел сил встать.

Это был Иуда! Ко мне, брошенному остальными учениками (что уж говорить о женщинах, они разлетаются при малейшем ветре, как ореховая шелуха), пришел только он. В минуту, когда я потерял

надежду увидеть кого-то из близких. Где был Симон? Где были другие? Наверно, все бежали из города куда глаза глядят. Глупый Матфей спасал свои письма... В тот момент мне хотелось, чтобы солдаты поймали его, отняли свитки и уничтожили, а его самого слегка выпороли кнутом — только это могло его отрезвить. «Что с ними будет, если всем удалось избежать ареста? — думал я. — Филипп найдет себе юношу и, может быть, обретет с ним счастье, Симон отдаст себя в услужение какому-то более удачливому мессии или будет промышлять воровством». И только будущая судьба Андрея оставалась для меня загадкой, он всегда был непредсказуем.

— Йесус, я чудом пробрался сюда, повсюду патрули и доносчики, весь город говорит о тебе!.. — торопливо объяснял Иуда. — Каиафа требует от солдат, чтобы они отыскивали тебя во что бы то ни стало. Они перевернули весь Иерусалим, а сейчас прочесывают окрестности. Из сада уже нельзя уйти незамеченным... Они скоро придут сюда... Я люблю тебя, ты должен спастись, учитель. Я раздобыл для тебя женскую одежду, сурьму, румяна, зеркальце и пестрый платок, ты переоденешься и сможешь уйти подальше от города. Тем временем я обману их, отвлеку. Мы с тобой похожи, а солдаты не знают тебя в лицо... Еще я сделаю так, что по пути они меня изобьют, оскорблю их начальника, плюну в него, и тогда будет просто прекрасно — все разбитые лица похожи...

Я понял, что он хочет сделать. Я обнял Иуду, прижав его голову к своей груди, и сказал, что, когда власти во всем разберутся и отпустят его, он сможет найти меня в Дамаске, в доме ученого человека Деметрия, которого там все знают.

Мы сидели, спрятавшись, как мыши, в этом давно заброшенном доме с земляным полом, усеянным нечистотами. Там давно никто не жил, никто не охранял одичавший сад уже лет сто, никто не собирал плоды. Это был мой истинный дворец, где можно было сидеть и ждать смерти. У меня не осталось ни одной монеты от призрачных богатств проповедника, меня преследовали, на моих руках виднелись старые и новые порезы от многочисленных кровопусканий, и больше всего на свете мне хотелось покурить кифа, чтобы умиротворить душу. Из ценных вещей у меня была только янтарная трубка, которую подарил старый законоучитель Шаммай.

Седая борода моего приемного отца давно смешалась с землей, а мать совсем потеряла рассудок. Бог, играя со мной, все время подталкивал меня к пропасти, и если бы не бедный Иуда, мне пришел бы конец. Что происходит в момент, когда все кончается? Наверно, сладчайшее небытие, похожее на теплое бархатное устье женщины, обволакивает тебя, уже лишенного всякого греха.

Над Дамаском сейчас ночь. Масло в лампе кончилось, я встал, наполнил лампу и поправил фитиль, чтобы дописать эти последние строки. Если посмотреть в узкое окно из комнаты, где я сижу, город кажется высеченным из одного огромного белого камня. Кое-где горят огни. Луна убывает.

Когда нам рассказывают о жизни кумира, она всегда проста и устремлена к цели, как стрела, но, когда я смотрю на свою жизнь, меня ужасает ее неопределенность. Да, времена пророков прошли.

Наверное, еще какое-то время (год, два, пока император не затеет новые возмутительные реформы) про меня будут помнить. Говорят, мои ученики, чтобы добыть себе хлеба и вина, клянутся простофилям, что были верны мне до конца. Пусть. Если смотреть на звезду, стоя под деревом, кажется, что она висит среди ветвей, — так и я лишь условно присутствовал среди тех, кого исцелял и учил, ведь мой ум был где-то очень далеко. Но ведь найдется человек, который действительно разберется во всем, что со мной случилось? Ведь даже путь звезды можно высчитать — с помощью эфемерид, математики и арабских инструментов, и неизвестность отверзнется на основании известного. Впрочем, человек отличается от звезды тем, что его путь не поддается строгому вычислению. Какими приспособлениями надо вооружиться, если хочешь узнать истину? Да, мои слова тоже

лишь слабый отсвет реальности, и сейчас я прекращаю эти записки, а вместе с ними — прежнюю жизнь, которая сделала из меня пророка, хотя, признаться, я не был этого достоин. В Дамаске я пробуду недолго. Я хочу иметь одну любимую жену, а не сотни диких восторженных женщин, которые у меня были прежде, хочу поселиться в кедровом лесу, в доме у ручья, хочу устроить на солнечной террасе небольшой сад с целебными растениями, а Царство Израиля пусть заботится о себе само, ведь оно (сколько времени ушло, чтобы понять!) не Божье дитя, молящее о спасении, а химера, которая преследует свои нечеловеческие цели.

Я осторожно наблюдал за тем, как Иуда подошел к солдатам. Центурион попросил его назвать имя. «Я Йесус», — ответил Иуда, и ему связали руки за спиной. Он был спокоен и улыбался. Меня спасло то, что легионеры не догадались заглянуть в старый дом. Вскоре их шаги стихли, и я стал торопливо надевать женскую одежду. Иуда поступил так ради меня, и это его воля. Смогу ли я жить дальше? Да. Надо сохранять ясный ум и жить, потому что другого шанса не будет.

Месяц элул,
3793 год от Сотворения мира

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Храм	7
Глава 2. Иоанн	27
Глава 3. Пустыня	41
Глава 4. Кафарнаум.....	51
Глава 5. Кровь.....	61
Глава 6. Письмо.....	69
Глава 7. Иерусалим	85
Глава 8. Шаммай.....	97
Глава 9. Зайин	107
Глава 10. Самарянка	119
Глава 11. Корабль	131
Глава 12. Аврелий.....	141
Глава 13. Посланник	149
Глава 14. Про коз	159
Глава 15. Синагога.....	167
Глава 16. Квинт Ламий	177
Глава 17. Легионеры	185
Глава 18. О торговле	195
Глава 19. Прокаженный	201
Глава 20. Гегреса	209
Глава 21. Расслабленный.....	223

Глава 22. Бог смерти	229
Глава 23. Любовь Филиппа	239
Глава 24. Священники.....	253
Глава 25. Охотник	275
Глава 26. Пьяница	293
Глава 27. Ессей	305
Глава 28. Хоразин.....	323
Глава 29. Деметрий	335
Глава 30. Плод	347
Глава 31. Слепой.....	355
Глава 32. Рыба	367
Глава 33. Жрица.....	383
Глава 34. Магдалина	393
Глава 35. Восхождение.....	417
Глава 36. Лазарь.....	429
Глава 37. Дафей.....	451
Глава 38. Последний вечер.....	465
Глава 39. Ворон	475
Глава 40. Жертва.....	491

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

СВЕРХЧЕЛОВЕК

Олег Зоберн

АВТОБИОГРАФИЯ ИИСУСА

Директор редакции *Е. Капьев*. Ответственный редактор *И. Воеводин*
Литературный редактор *Н. Камышанская*. Выпускающий редактор *П. Тотова*
Художественный редактор *С. Власов*. Редактор *Л. Гречаник*
Корректоры *Л. Снеговая*, *В. Ганчурина*, *О. Гаманек*. Верстка *Н. Зенков*

В оформлении обложки использованы иллюстрации:

voylodyon, photolinc, ArtMari, Vladislav Lyutov / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Во внутреннем оформлении использована фотография: vwoe / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Өндүрүш: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер В, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайты Өндүрүш «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндүрген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 20.02.2018. Формат 84x108^{1/32}.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,88.

Тираж 3000 экз. Заказ 7916.

OCR Давид Титневский, июнь 2021 г., Хайфа

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.oaompk.ru, www.oaompk.pf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-04-091124-0

9 785040 911240 >

В электронном виде: www.litres.ru

ЛитРес:
ОДИН КНИГ ДВА КНИГ

ΑΙΝΩΝΕΝΘΑ
ΝΥΝΟΣΑΤΣΑ
ΦΑΣ

ΒΕΘΑΒΑΡΑ
ΤΟΥ ΑΓΙΟΥ ΑΜΝΟΥ
ΤΟΒΑ ΤΤΙΣ ΜΑ
ΤΟΣ

ΓΑΛΓΑΛΑΤΟΚΑΙ
ΔΩΔΕΚΑΛΙΘΟΝ

ΑΛΩΝΑΤΑΘΗΥΝ
ΒΗΘΑΓΛΑ

ΑΙΣΤΟΤΑΓΙΣ
ΕΚΑΙΟΥ

ΤΕΡΙΧΩ

ΑΙ
ΤΣ
ΩΝΟΑΙΝ
ΗΚΙΩΤΟΣ

ΓΑ
ΡΙΖΙΚΗ

ΕΦΡΩΝΗΦΡΑΙΑ
ΑΙ ΑΜΩΜΩΝΕΝ
ΕΝΘΑ ΗΘΕΝΟΚΣΑΕΣΤΗΣ
ΑΗΝΗΧΙΤΟΝΑΥΗΤΝΕΜΗ

ΕΑ
ΠΑΙΔΟΝΟΜΟΠΗ

ΝΑΡΙΑΤΟΙΣ

Впервые в мире публикуется автобиография Иисуса.
Его исповедь. Она проливает свет на события, которые случились
в Палестине две тысячи лет назад и легли в основу Евангелия —
наиболее читаемой книги в истории человечества. Учитель сам,
ничего не скрывая, рассказывает о себе.

«Наконец-то на русском языке написан универсальный роман,
проникнутый духом истинной религиозности. Удивительно
точный, кинематографичный портрет Иисуса. Христианство XXI
века должно быть именно таким».

ДМИТРИЙ ВОЛЧЕК,

главный редактор сайта «Радио Свобода»

«Неожиданно, смело, оригинально и возмутительно талантливо».

РОМАН СЕНЧИН,

писатель, лауреат премии «Ясная поляна»

«Кем был Иисус? Этот вопрос тревожил многих —
от евангелистов до художников Ренессанса, от Ренана до Ге,
от Булгакова до Скорсезе. Олег Зоберн отвечает на него
сегодня. Этот роман, как любое настоящее художественное
творение, провоцирует нас, подвигая на новую духовную работу».

НИКОЛАЙ БАЙТОВ,

писатель, лауреат премии Андрея Белого

«Потрясающе! Кажется, у нас появился свой Салман Рушди».

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВ,

кандидат филологических наук,
доцент Литературного института им. Горького

ISBN 978-5-04-091124-0

9 785040 911240 >

ОЛЕГ ЗОБЕРН — писатель из Москвы. Лауреат литературных премий «НОС» за книгу «Сумеречные рассказы» и «Дебют» за сборник рассказов «Тихий Иерихон». Номинант премии «Национальный бестселлер».

Окончил Литературный институт им. Горького. Также имеет богословское образование.

Впервые в мире публикуется автобиография Иисуса. Его исповедь. Она проливает свет на события, которые случились в Палестине две тысячи лет назад и легли в основу Евангелия — наиболее читаемой книги в истории человечества. Учитель сам, ничего не скрывая, рассказывает о себе.

«Наконец-то на русском языке написан универсальный роман, проникнутый духом истинной религиозности. Удивительно точный, кинематографичный портрет Иисуса. Христианство XXI века должно быть именно таким».

ДМИТРИЙ ВОЛЧЕН,
главный редактор сайта «Радио Свобода»

«Неожиданно, смело, оригинально и возмутительно талантливо».

РОМАН СЕНЧИН,
писатель, лауреат премии «Ясная поляна»

«Кем был Иисус? Этот вопрос тревожил многих — от евангелистов до художников Ренессанса, от Ренана до Ге, от Булгакова до Скорсезе. Олег Зоберн отвечает на него сегодня. Этот роман, как любое настоящее художественное творение, провоцирует нас, подвигая на новую духовную работу».

НИКОЛАЙ БАЙТОВ,
писатель, лауреат премии Андрея Белого

«Потрясающе! Кажется, у нас появился свой Салман Рушди».

АЛЕНСАНДР МИХАЙЛОВ,
кандидат филологических наук,
доцент Литературного института им. Горького

ISBN 978-5-04-091124-0

9 785040 911240

ОЛЕГ
ЗОБЕРН

АВТОБИОГРАФИЯ
ИИСУСА

РОМАН

ЛА УРЕА Т П Р Е М И И Н О С

ОЛЕГ
ЗОБЕРН

АВТОБИОГРАФИЯ
ИИСУСА

РОМАН

«Упоительно! Исторический роман горячее Дана Брауна».

Сергей НИКОЛАЕВИЧ, главный редактор, «СНОБ»

«Это действительно история
сверхчеловеческого персонажа».

ИГОРЬ ВИШНЕВЕЦКИЙ,
писатель, профессор русской литературы
Эморийского университета (Атланта, США)

«Олег Зоберн — отчаянный мистификатор
и непревзойденный стилист. Его цель —
переосмыслить мифы, перепроверить факты,
переписать историю. Ортодоксы наверняка
будут недовольны — но ничего: истинное
христианство учит смирению».

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,
главный редактор журнала «СНОБ»